

Non multa, sed multum

**Международная
безопасность**

**Нераспространение
оружия массового
уничтожения**

**Контроль над
вооружениями**

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

**№ 3 (73), Том 10
Осень 2004**

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Сергей Э. Приходько
Роланд М. Тимербаев
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков

ISSN 1026-9878

PIR CENTER
Center for Policy Studies in Russia

ПИР-ЦЕНТР

Центр политических исследований в России

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Издается с ноября 1994 г. Выходит ежеквартально
Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.

Учредитель

ПИР-Центр политических исследований:

Анна И. Аббаева, координатор информационного проекта,
библиотекарь
Виктория В. Василенко, стажер
Владимир З. Дворкин, генерал-майор, старший советник
Томас Дитерс, стажер
Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший советник
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Даниил О. Кобяков, научный сотрудник
Ирина А. Котова, помощник директора
Олег В. Кулаков, специалист по информационным системам
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, старший советник
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., директор Центра и член Совета
Владимир А. Орлов, к.п.н., директор Центра и член Совета
Елена Д. Полидва, помощник директора
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, специалист по распространению
Роланд М. Тимербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол,
председатель Совета и консультант
Айбек Ч. Токтомушев, стажер
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Андрей Л. Фролов, научный сотрудник
Антон В. Хлопков, заместитель директора Центра, директор
образовательных проектов
Анна В. Шувалова, координатор образовательных проектов
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

Издатель

«Триалог»

№ 3 (73), Том 10
Осень 2004

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор
[orlov@pircenter.org]
Андрей Л. Фролов, выпускающий редактор
[frolov@pircenter.org]
Елена Д. Полидва, администратор проекта
[info@pircenter.org]
Даниил О. Кобяков, корреспондент
[kobyakov@pircenter.org]
Наталья С. Котовщикова, технический редактор
Наталья С. Маркарова, литературный редактор
Алла Н. Борисова, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Константин А. Сириков, распространение

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 123001, Москва,
Трехпрудный пер., д. 9, стр. 1Б
Редакция *Ядерного Контроля*
Телефон редакции:
+7-095-234-0525 (многоканальный)
Факс: +7-095-234-9558

Интернет-представительство: [www.pircenter.org]

Русская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yk.html>
Английская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yc.html>

Редакционная политика

- Материалы *Ядерного Контроля* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Фонда Форда, Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Фонда Плаушер и др.

Подписка и распространение (подробнее см. стр. 177)

В России:

- «Роспечать». Подписной индекс в каталоге – 79280
- «Триалог». Оплата в любом отделении Сбербанка РФ. Заполненный купон вместе с квитанцией об оплате направлять по адресу: 121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог», тел: +7-095-764-9896

За рубежом:

- Swets Blackwell: тел: +31-252-435-111; факс: +31-252-415-888; e-mail: infoho@nl.swetsblackwell.com; web: www.swetsblackwell.com
- East View Publications, Представительство в России, тел: +7-095-777-6558; факс: +7-095-318-0881; web: www.eastview.com

Тираж 1000 экз. Подписано в печать 5 июля 2004 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека»

© ПИР-Центр, 2004

7 **ПИР-Центру и Ядерному Контролю 10 лет**

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

11 **Глобальное партнерство: сказка о потерянном времени?**

ИНТЕРВЬЮ

- 15 **Джон Болтон: «Инициатива по безопасности в области распространения – не формальная организация, а комплекс мер»** – В интервью главному редактору журнала Владимиру Орлову заместитель Государственного секретаря США по контролю над вооружениями и международной безопасности Дж. Болтон рассказывает о ходе реализации инициативы по безопасности в области распространения, важнейших направлениях стратегического сотрудничества России и США, а также позиции США в отношении ядерной контрабанды из Пакистана.

АНАЛИЗ

- 21 **Запрещение химического оружия: укрепление международной безопасности – Рохелио Пфиртер** – В статье рассматриваются различные аспекты деятельности Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО), современные вызовы, связанные с химическим оружием. Автор уделяет особое внимание сотрудничеству ОЗХО и химической промышленности, которое дает неплохой результат в предотвращении распространения ХО.

- 37 **Перспективы российско-индийского сотрудничества в ядерной сфере – Виктор Козлов** – Автор отмечает, что, несмотря на наличие ряда объективных сдерживающих факторов, расширение российско-индийского сотрудничества в сооружении АЭС на территории Индии возможно и отвечает долгосрочным интересам Российской Федерации и будет способствовать увеличению объемов высокотехнологического экспорта и уменьшению зависимости от сырьевого экспорта.
- 47 **Инспекции на месте в ДВЗЯИ и других соглашениях в области разоружения и укрепления безопасности: проблемы, решения, перспективы – Виктор Слипченко, Виталий Щукин** – В статье анализируются механизмы действия инспекций на месте, которые являются одним из основных методов проверки соблюдения международных соглашений в области контроля над вооружениями и разоружения. Авторы отмечают, что основным препятствием на пути инспекций является неготовность ряда государств к открытости при осуществлении контроля. Причем подобное имеет место как в отношении уже существующих соглашений, так и при разработке новых.

П О Л Е М И К А

- 77 **Беспилотные летательные аппараты в классических и террористических войнах – Геннадий Евстафьев, Михаил Павлюшенко** – В настоящее время внедрение беспилотных летательных аппаратов в различные сферы жизни носит лавинообразный и слабо контролируемый характер. «Террористический потенциал» большинства БЛА и их ожидаемая неограниченная доступность, по мнению авторов, в самом ближайшем будущем смогут стать «головной болью» для служб безопасности и органов экспортного контроля.

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

- 83 В материалах круглого стола **«Трансформация понятия национальной безопасности в информационную эпоху»** представлены мнения, отражающие различные подходы к трансформации понятия безопасности в эпоху доминирования информационных потоков, подробно рассматриваются экономические, военно-политические аспекты данного феномена.

- 101 **О проблемах подготовки к Обзорной конференции по ДНЯО 2005 года – Роланд Тимербаев, Александр Шилин** – В статье анализируются итоги заключительной сессии Подготовительного комитета Обзорной конференции по ДНЯО. Комитет смог достичь общего согласия только по процедурным вопросам, по срокам проведения конференции и кандидатуре председателя. Однако каких-либо рекомендаций по существу вопроса комитет выработать не смог.
- 105 **Иранская ядерная программа вызывает серьезные вопросы – Владимир Орлов** – Автор рассматривает вопросы, связанные с иранской ядерной программой, анализируются противоречия в заявлениях иранских официальных лиц, а также возможные сценарии российско-иранского сотрудничества в ядерной области.

О Б З О Р

- 109 **Украинско-российское ВТС: взгляд из Украины – Валентин Бадрак** – В статье рассматриваются аспекты сотрудничества и конкуренции между Украиной и Россией в области ВТС. Автор полагает, что, несмотря на наличие межправительственных соглашений между Украиной и Россией, регламентирующих ВТС, эти страны в первую очередь остаются конкурентами на мировом рынке вооружений, нежели партнерами.
- 125 **Сотрудничество между Россией и Великобританией в рамках программы Глобального партнерства – Анна Шувалова** – Совместные российско-британские проекты в области утилизации химического оружия, атомных подводных лодок и ядерной безопасности в России являются приоритетами двусторонних отношений в области нераспространения ОМУ. Автор отмечает, что сотрудничество России и Великобритании демонстрирует хорошую динамику, перейдя к концу 2003 г. из разряда политических деклараций в практическую плоскость.

С Т Р А Н И Ц Ы И С Т О Р И И

- 147 **Жизнь академика А.И. Лейпунского: малоизвестные страницы** – В статье рассматриваются малоизвестные факты деятельности академика А.И. Лейпунского, связанные с разработкой реакторов с жидкометаллическим теплоносителем, которые нашли практическое применение на АПЛ советского флота.

Б И Б Л И О Т Е К А

- 155 **Полвека в авиации. Записки академика – Геннадий Евстафьев** – В книге одного из выдающихся деятелей советского и российского оборонного комплекса академика Е.А. Федосова рассказывается об этапах развития советского военного самолетостроения, о достижениях советской авиационной промышленности, а также нелегкой судьбе программы «Национальная технологическая база» уже современной России.
- 157 **Ежегодник СИПРИ 2003. Вооружения, разоружение и международная безопасность – Андрей Зобов** – В рецензии представлен обзор русскоязычного издания Стокгольмского международного института изучения проблем мира. В ежегоднике внимание российских читателей привлекут разделы, касающиеся оценки взаимодействия России с другими государствами и международными организациями в сфере безопасности, а также ограничения международного силового потенциала.
- 161 **Книжные новинки – Даниил Кобяков** – Обзор самых интересных книжных новинок, поступивших в библиотеку ПИР-Центра.

163 S U M M A R Y

167 О Б А В Т О Р А Х

173 ЭКСПЕРТНО - КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

177 О П О Д П И С К Е

ВЕСТНИК ГЛОБАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

- после с. 144 В *Вестнике* представлены эксклюзивные репортажи с саммита «Большой восьмерки» на о. Морской и с международной конференции по Глобальному партнерству, организованной ПИР-Центром и Советом по устойчивому партнерству и развитию для России (СУПР) 23–24 апреля 2004 г., анализ новых документов Глобального партнерства, последние новости о ходе реализации программы Глобального партнерства.

В апреле 2004 г. журнал *Ядерный Контроль* и его учредитель ПИР-Центр политических исследований отметили свое десятилетие. Накануне этого события в адрес коллектива ПИР-Центра и главного редактора журнала *Ядерный Контроль*, директора Центра В.А. Орлова поступили десятки поздравлений от государственных экспертов, представителей неправительственных организаций, подписчиков периодических изданий ПИР-Центра. В данном номере публикуются некоторые из них.

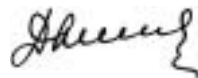
**Сотрудникам ПИР-Центра
политических исследований в России**

Поздравляю коллектив ПИР-Центра с 10-летием со дня основания.

За эти годы ПИР-Центр завоевал позиции одной из ведущих научно-исследовательских организаций России. Высокой профессиональной оценки заслуживает ваша аналитическая и информационная работа по актуальным проблемам международной безопасности, нераспространения оружия массового уничтожения и борьбы с терроризмом.

Сегодня очевидно, что для эффективного ответа на современные глобальные вызовы необходимо объединение усилий не только государств, но и интеллектуального потенциала всего общества. Рассчитываю, что сотрудники ПИР-Центра и далее будут активно и результативно содействовать решению этой важнейшей задачи.

Желаю вам крепкого здоровья, успехов и всего самого доброго.

Руководитель Администрации Президента РФ
Д.А. Медведев

Директору ПИР-Центра В.А. Орлову

Уважаемый Владимир Андреевич,

примите поздравления по случаю 10-летнего юбилея ПИР-Центра. Возглавляемый Вами коллектив по праву занимает одно из ведущих мест среди научно-исследовательских организаций России. Ваша высокопрофессиональная информационная работа по актуальным проблемам международной повестки дня, глубокие аналитические разработки

заслуженно пользуются высоким авторитетом как у научной общественности, так и в кругах профессионалов-международников. Новых вам успехов и всего самого доброго.

С уважением,

Помощник Президента Российской Федерации
С.Э. Приходько

Коллективу Центра политических исследований в России

Уважаемые друзья!

Примите искренние поздравления по случаю 10-летнего юбилея Центра политических исследований в России.

Актуальность проблематики нераспространения оружия массового уничтожения, которая находится в центре внимания ПИР-Центра, очевидна. В последнее время эта тема заняла приоритетное место в международной повестке дня. Деятельность ПИР-Центра стала хорошим примером конструктивного взаимодействия государственных структур и экспертного сообщества в разработке стратегии противодействия угрозе распространения ОМУ.

Заслуженный авторитет снискали издаваемый ПИР-Центром журнал «Ядерный Контроль», организуемые Центром международные конференции, особенно по вопросам Глобального партнерства, и образовательные программы по тематике международной безопасности.

Желаю вам дальнейших успехов и наращивания творческого потенциала.

Министр иностранных дел РФ
С.В. Лавров

Директору ПИР-Центра В.А. Орлову

Уважаемый Владимир Андреевич!

Примите самые сердечные поздравления с 10-й годовщиной Центра политических исследований в России!

За прошедшее со времени основания десятилетие Центр политических исследований в России стал одной из самых авторитетных организаций в области изучения проблем нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, исследования угроз и вызовов международной безопасности. Высокий уровень исследований, качество и глубина издаваемых ПИР-Центром материалов делают их ценным подспорьем для всех специалистов, занимающихся вопросами национальной безопасности и стратегической стабильности.

Желаю Вам, уважаемый Владимир Андреевич, а в Вашем лице и всему коллективу ПИР-Центра новых успехов в исследовании актуальных вопросов международной безопасности!

Первый заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ,
генерал-полковник
Ю.Н. Балуйевский

Сотрудникам ПИР-Центра политических исследований в России по случаю 10-летия со дня основания

Несмотря на значительные успехи в деле укрепления режима нераспространения оружия массового уничтожения в последние годы, бывает, что официальным структурам подчас нелегко оперативно выявлять эти проблемы. Здесь на помощь приходят неправительственные организации и эксперты, которые инициируют и ведут диалог по острым проблемам современности на страницах журналов, книг, в рамках конференций и семинаров.

Российским лидером в области исследования проблем нераспространения является ПИР-Центр политических исследований. Основанный в 1994 году, сегодня ПИР-Центр – всемирно признанный уважаемый научно-исследовательский институт, участвующий в реализации ряда крупных международных проектов.

На протяжении многих лет Министерство Российской Федерации по атомной энергии, сейчас – Федеральное агентство по атомной энергии активно сотрудничали и сотрудничают с ПИР-Центром. Мероприятия ПИР-Центра и журнал *Ядерный Контроль* предоставляют экспертам атомной промышленности России возможность информировать общественность о реформе отрасли, вступать в полемику с экспертным сообществом, одним словом, «держать руку на пульсе». Специалисты Федерального агентства по атомной энергии благодаря образовательным программам ПИР-Центра имеют возможность повышать свою культуру в области нераспространения.

Поздравляя ПИР-Центр с десятилетием, не могу не порадоваться успехам, достигнутым его дружным и высокопрофессиональным коллективом. Выпускниками образовательных программ ПИР-Центра стали более 350 представителей российских научно-исследовательских организаций, предприятий атомной промышленности, министерств и ведомств; выпущено более 70 номеров журнала *Ядерный Контроль* – ведущего российского издания по проблемам нераспространения ядерного оружия. Хотелось бы отдельно отметить объективность и непредвзятость работы коллектива ПИР-Центра и пожелать удачи и плодотворного долголетия!

Руководитель Федерального агентства по атомной энергии
А.Ю. Румянцев

Сотрудникам ПИР-Центра политических исследований в России по случаю 10-летия со дня основания

Проблемы нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки в последнее десятилетие приобрели новую остроту. Именно поэтому Президентом России В.В. Путиным эти проблемы были названы одной из главных угроз современности.

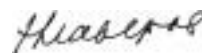
В России у истоков научно-исследовательской работы и просвещения в этой области среди общественных организаций стоял ПИР-Центр политических исследований, созданный в апреле 1994 г. Организация, учрежденная группой энтузиастов, смогла за прошедшие годы окрепнуть, вырасти интеллектуально, стать международно признанным исследовательским институтом, имеющим тесные связи с десятками подобных организаций в мире.

За прошедшие десять лет ПИР-Центру и его коллективу удалось не только сохранить свой «фирменный» стиль научно-исследовательской организации, но и открыть новые направления деятельности, в первую очередь образовательные программы, которые стали действенным механизмом формирования сообщества молодых специалистов в области нераспространения в России. Выявление и поддержка талантливых исследова-

телей, содействие творческому росту молодых ученых – одна из важных задач, стоящих перед Российской академией наук. В этой связи нельзя не отметить те усилия, которые предпринимает ПИР-Центр для решения этой задачи в области нераспространения. Участие в образовательных программах ПИР-Центра молодых специалистов научно-исследовательских организаций Российской академии наук является важным инструментом повышения их квалификации.

Можно с уверенностью сказать, что пример ПИР-Центра является наглядным подтверждением эффективности работы и важности неправительственных организаций в России.

Хотел бы в десятую годовщину основания поздравить коллектив ПИР-Центра и выразить признательность руководству и сотрудникам организации за напряженную и успешную работу в интересах продвижения целей и задач режима нераспространения и за содействие исследованиям в этой области.

Вице-президент Российской академии наук
Н.П. Лаверов

Директору ПИР-Центра В.А. Орлову

Уважаемый Владимир Андреевич!

Коллектив Государственного научного центра вирусологии и биотехнологии «Вектор» Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации тепло и сердечно поздравляет Вас и весь коллектив Центра политических исследований в России (ПИР-Центра) с первой круглой датой – десятилетием со дня основания.

10 лет совсем небольшой срок, но ПИР-Центр за эти прошедшие годы превратился в ведущую неправительственную организацию в России в области нераспространения, разоружения и международной безопасности.

Главное достояние ПИР-Центра – это его высококлассные специалисты, которые работают в различных направлениях исследований, проводимых в Центре и затрагивающих наиболее горячие темы: ядерную и химическую безопасность, проблемы борьбы с терроризмом, изучение ситуаций в наиболее горячих точках планеты, проблемы международной безопасности и снижение рисков распространения и многие другие.

Трудно переоценить роль Вашего ПИР-Центра в обучении, в том числе и молодых специалистов, в области нераспространения и популяризации идей образования в этой сфере в мире. Огромное значение имеют печатные издания, выпущенные Вами за последние годы (книги, журналы и монографии), которые пользуются очень широкой популярностью.

В день юбилея ПИР-Центра мы желаем всем доброго здоровья, большого счастья и дальнейших творческих успехов в Вашей очень нужной и ответственной деятельности на благо мира и процветания на нашей замечательной планете Земля!

Генеральный директор ГНЦВБ «Вектор»,
Академик Российской академии наук
Л.С. Сандахчиев

ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО: СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ?

Анализируя повестку дня и итоги саммита «Большой восьмерки», прошедшего на о. Морской (Си-Айленд) 8–10 июня 2004 г., можно констатировать, что проблемы международной безопасности и распространения ОМУ являются приоритетом современной глобальной политики.

Для России на прошедшем саммите особенно актуальным было обсуждение программы Глобального партнерства стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения.

Пристальное внимание ведущих стран мира к проблемам нераспространения не случайно. События 11 сентября 2001 г. лишний раз напомнили, что угроза катастрофического терроризма, в том числе с использованием оружия массового уничтожения (ОМУ), является не мифом, а реальностью. Понимание этого факта международным сообществом привело к активизации выработки совместных механизмов по противодействию этим угрозам, включая программу Глобального партнерства. В то же время очевидно, что предпринимаемые действия не соответствуют масштабу угрозы.

На прошлогоднем саммите «Большой восьмерки» в Эвиане лидерами стран «восьмерки» был принят План действий по Глобальному партнерству, где была поставлена задача «проводить в жизнь активную программу с целью реализовать эту инициативу в дальнейшем и добиться существенного прогресса к следующему саммиту». Выполнены ли решения саммита в Эвиане? Достигнут ли прорыв, или «существенный прогресс», о необходимости которого говорилось в документе саммита? В Ежегодном докладе по итогам реализации программы Глобального партнерства за прошедший год, принятом на саммите на Си-Айленде, говорится о существенных достижениях сотрудничества на этом направлении. Но все ли на самом деле так безупречно с реализацией Глобального партнерства?

Получить ответ на эти и ряд других актуальных вопросов помогают результаты представительной международной конференции по Глобальному партнерству, которая прошла под эгидой Центра политических исследований в России (ПИР-Центра) и Совета по устойчивому партнерству (СУПР) в конце апреля 2004 г. В конференции приняли участие более 260 экспертов, официальных лиц и бизнесменов из 21 страны мира. Среди участников конференции был проведен опрос по наиболее актуальным проблемам реализации Глобального партнерства, который выявил ряд интересных и показательных результатов.

Так, 68% опрошенных считают, что решения саммита в Эвиане не выполнены и «существенного прогресса» в реализации Глобального партнерства достигнуто не было. 82% отмечают «серьезный разрыв между средствами, о выделении которых заявлено, и

средствами, реально полученными Россией на цели новых проектов Глобального партнерства».

В Плате действий в области нераспространения, принятом на Си-Айленде, лидеры «восьмерки» поставили амбициозную цель «предотвратить, сдержать и обратить вспять» процесс распространения ОМУ. На пути достижения этой цели существует масса сложностей и нерешенных проблем.

В качестве иллюстрации можно привести ситуацию с финансированием процесса уничтожения российского химического оружия, запасы которого оцениваются в 40 тыс. тонн. Когда Россия взяла в 1997 г. на себя обязательство уничтожить свой арсенал химического оружия в срок до 2007 г. (который был затем перенесен на 2012 г.), основным условием его выполнения было предоставление иностранной помощи для программы химического разоружения, стоимость которой составляет более 5 млрд долл. Иностранные государства обещали предоставить до 1,5 млрд долл. на эти цели. Вместе с тем реально за все время было выделено менее 200 млн долл., причем 70% этих средств так и осталось за рубежом, пойдя на оплату накладных расходов и работ иностранных подрядчиков. В 2003 г. Россия всего получила немногим более 42 млн долл. на химическое разоружение.

Сходная ситуация наблюдается и с финансированием других областей Глобального партнерства – утилизации списанных атомных подводных лодок, оружейных ядерных материалов и т.д. Как следует оценивать эффективность Глобального партнерства, когда в нем существуют страны, которые, заявив о выделении 750 млн евро, в 2002–2003 гг. реально выделили – ноль? Между тем простая арифметика подсказывает, что 20% срока, отведенного на выполнение программы Глобального партнерства, уже позади. Если выделение средств будет проходить такими темпами, то для выполнения решений Кананаскиса понадобятся сотни лет, при том что вся программа Глобального партнерства рассчитана на десять лет! В документах Си-Айленда эта проблема упоминается, но вскользь. В них отмечается, что страны-участницы Глобального партнерства лишь «подтвердили свое обязательство собрать до 20 млрд долл. в течение десяти лет». Но террористы в отличие от лидеров «восьмерки» не мыслят такими долгосрочными категориями, они планируют свои акции, не откладывая их в долгий ящик. Они не ждали в Нью-Йорке. Они не ждали в Мадриде. Они не ждали в московском метро. И дальше ждать не будут. У нас нет ни ста лет, ни десяти!

Примечательно, что, оценивая угрозы международной безопасности, действующая администрация США и внешнеполитическая команда Дж. Керри сходятся в том, что одной из основных – если не самой основной – угроз следует считать возможность доступа террористов к ядерному оружию и что предотвращение этой угрозы требует напряженной работы по повышению уровня ядерной безопасности в России. При этом все больше экспертов в тех же Соединенных Штатах подвергают критике нынешнюю администрацию за серьезный разрыв между словами и делами. Так, в редакционной статье, опубликованной в газете *New York Times* 28 мая 2004 г., признается, что в то время, как администрация президента США Дж. Буша уделяла главное внимание проблеме войны с С. Хусейном и оккупации Ирака, от ее внимания ускользнула куда более важная проблема: угроза попадания ОМУ и соответствующих материалов в руки террористов. Ссылаясь на данные исследования, проведенного Гарвардским университетом, в статье говорится, что за два года, прошедших после событий 11 сентября 2001 г., была обеспечена безопасность меньшего количества ядерных материалов, чем за два года, предшествовавших этим событиям. В статье отмечается, что основную проблему представляют ядерные материалы в России, где полномасштабные усовершенствования систем физической защиты, учета и контроля были проведены в отношении лишь пятой части материалов, которые не используются в ядерном оружии. При этом программы содействия со стороны США и других государств в области безопасности оружия и материалов массового уничтожения пробуксовывают из-за ряда нерешенных проблем. Эта оценка нам кажется весьма точной.

Но нельзя не отметить и то, что Соединенные Штаты, при всех проблемах, все-таки активно подключены к осуществлению программ совместного с Россией уменьшения ядерной угрозы в рамках Глобального партнерства. Этого же, к сожалению, нельзя сказать о некоторых других участниках «восьмерки». В частности, Япония пока ограничивается минимальным заявлением сумм содействия и совсем уже минимальным практическим содействием. Безразличие к практической реализации решений Кананаскиса проявляет Франция.

С другой стороны, позитивным моментом является то, что в документах Си-Айленда по Глобальному партнерству обращено внимание на необходимость решения другой ключевой проблемы в реализации этой инициативы: повышение прозрачности и усиление контроля за расходованием средств на проекты Глобального партнерства как в России, так и в странах-донорах. Важная цель поставлена на предстоящий год – «проводить обзор достигнутых успехов в деле запуска и осуществления проектов и [...] следить за координацией проектов с тем, чтобы провести обзор приоритетов, избежать пробелов в работе и дублирования усилий, а также оценить [...], насколько проекты согласуются с целями обеспечения международной безопасности». В этом деле государственным структурам стран-участниц Глобального партнерства могут оказать содействие и неправительственные организации, в том числе путем предоставления независимой экспертизы новых и перспективных проектов сотрудничества.

Важно, чтобы решения саммита на Си-Айленде в отношении Глобального партнерства, как и решения предыдущих саммитов в Эвиане и Кананаскисе незамедлительно воплотились в жизнь. Проблема международного терроризма и экстремизма пока далека от разрешения, и если события, подобные террористическим актам 11 сентября 2001 г., взрывам на Бали, в Мадриде или в Москве, повторятся, но уже с использованием ядерного, радиологического, химического или биологического оружия, то последствия будут во много раз более катастрофичными. И если террористы, не дай Бог, взорвут ядерную бомбу, например в 2005 г., то никакого значения не будет иметь то, что материал, из которого они эту бомбу сделали, должен был быть обеспечен надежными средствами физической защиты в 2006 г.

Помимо Глобального партнерства в «меню» лидеров «Большой восьмерки» был целый набор актуальных вызовов режиму нераспространения: Иран, Северная Корея, приобретение ОМУ негосударственными субъектами, включая международных террористов. Все эти проблемы носят неоднозначный характер, ставящий перед Россией и международным сообществом ряд серьезных вопросов.

Понимая важность этих вопросов, на Си-Айленде лидеры «восьмерки» выразили единство в своей решимости «обеспечить снятие озабоченностей в отношении последствий иранской развитой ядерной программы для режима нераспространения». В принятом Плане действий в области нераспространения прямо говорится о том, что Иран должен в полном объеме выполнять свои обязательства по ДНЯО и соглашению с МАГАТЭ о гарантиях. В этой связи лидеры «восьмерки» призвали Иран незамедлительно и полностью выполнить свои обязательства и все требования Совета управляющих МАГАТЭ, включая ратификацию и полную имплементацию Дополнительного протокола, что вело бы к снятию всех остающихся вопросов, касающихся его ядерной программы.

Что касается проблемы Северной Кореи, то позиция восьми ведущих государств мира заключается в том, что заявление КНДР о выходе из ДНЯО, которое является беспрецедентным, сохраняющееся стремление этой страны к обладанию ядерным оружием посредством развития программ в области выделения плутония и обогащения урана в нарушение международных обязательств, а также выявленная практика ракетного распространения являются предметом серьезной озабоченности. Поддержав шестисторонний переговорный процесс, страны «восьмерки» настоятельно призвали КНДР «полностью демонтировать все свои ядерные оружейные программы проверяемым и необратимым способом».

Государства «Большой восьмерки» решительно поддержали резолюцию Совета Безопасности ООН 1540, которая призывает все государства создать эффективные нацио-

нальные системы экспортного контроля, принять и ввести в действие эффективное законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за распространение, а также предпринять совместные действия в целях предотвращения приобретения ОМУ негосударственными субъектами и прекратить незаконный оборот такого оружия, средств его доставки и относящихся к нему материалов. Они призвали все государства к скорейшему и полному выполнению Резолюции 1540 и предложили оказать содействие им в этом, способствуя тем самым противодействию связке терроризма с распространением ОМУ и «черным рынком» этого оружия и относящихся к нему материалов.

Были достигнуты и договоренности о конкретных механизмах по противодействию распространению ОМУ и усилению режима нераспространения. В частности, страны «восьмерки» решили не передавать технологии по обогащению и переработке ОЯТ в страны, которые их не имеют, в течение следующего за саммитом года, усилить сотрудничество в рамках Инициативы по безопасности в области распространения ОМУ (ИБОР), о присоединении к которой Россия заявила 31 мая 2004 г., работать над созданием нового Специального комитета Совета управляющих МАГАТЭ, в функции которого будет входить подготовка всеобъемлющего плана по укреплению гарантий и режима проверки.

По итогам саммита на о. Морской можно прийти к выводу, что «Большая восьмерка», возникнув как дискуссионный клуб ведущих западных стран главным образом по экономическим проблемам, сегодня является ключевым институтом в области международной безопасности. От того, насколько эффективно страны «восьмерки» будут сотрудничать при решении проблем нераспространения, во многом зависит будущее глобальной безопасности. В 2006 г., вслед за Великобританией, саммит «восьмерки» будет принимать Россия. Хочется надеяться, что к тому моменту в разрешении обозначенных выше проблем будет наблюдаться положительная динамика.

Заместитель Государственного секретаря США по контролю над вооружениями и международной безопасности Дж. Болтон ответил на вопросы главного редактора журнала Ядерный Контроль В.А. Орлова².

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Год назад в своем докладе вы назвали Инициативу по безопасности в области распространения (ИБОР) направленной против государств-изгоев, или проблемных государств, а также против террористических групп. Затем, как мне кажется, инициатива превратилась в нечто большее, многостороннее. Правильно ли я понимаю этот процесс?

БОЛТОН: ИБОР – воплощение общего подхода, сформулированного президентом Дж. Бушем в отношении вопросов, связанных с оружием массового уничтожения (ОМУ). С самого начала одним из приоритетных направлений его политики было установление новых стратегических взаимоотношений с Россией, включая вопросы стратегических наступательных вооружений и стратегических оборонных систем. И, как вы знаете, российский президент уже подписал Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений, согласно которому в течение десяти лет будет сокращено количество оперативно-развернутых стратегических боеголовок. Мы вышли за рамки Договора по противоракетной обороне от 1972 г., который лишь укреплял наше взаимное противостояние, но которого больше нет. В то же самое время он не позволял нам создавать системы противоракетной обороны, которые бы защитили нас от новых угроз со стороны стран-изгоев и других государств, обладающих стратегическими баллистическими ракетами. По мнению Дж. Буша, составной частью новых стратегических взаимоотношений между нашими странами всегда были общие усилия по предотвращению распространения оружия массового уничтожения.

Когда президент Дж. Буш дал старт ИБОР, мы надеялись на то, что число стран, оказавших поддержку этой инициативе, будет расти. Поэтому для начала мы привлекли лишь небольшое число государств, составивших основную группу участников инициативы. Сейчас инициативу поддерживают уже 60 государств по всему миру. Недавно президент Дж. Буш в своем выступлении заявил, что цель ИБОР – не только расширение с целью предотвращения поставок оружия массового уничтожения и материалов для его производства. Конечная цель ИБОР – весь цикл производства ОМУ, включая закрытие лабораторий, связанных с ОМУ, и уничтожение механизмов, финансирующих его разработку, а в дальнейшем полное прекращение нелегальных поставок ОМУ и материалов для его изготовления. Так что ИБОР на самом деле превратилась в нечто большее, но в ее основе все равно остается инициатива государств-единомышленников, которые уже добились определенных успехов.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: А как вы оцениваете возможность привлечения к участию в инициативе других стран? Я имею в виду прежде всего Индию, Пакистан и Израиль.

БОЛТОН: Я думаю, что основные усилия стран-участниц ИБОР сконцентрированы на тех государствах, которые только стремятся получить доступ к оружию массового уничтожения и которые, по нашему мнению, представляют наибольшую опасность для всех нас.

Так, в прошлом году на втором заседании ИБОР в Брисбене (Австралия) мы особенно выделили Иран и Северную Корею как государства, которые вызывают у нас наибольшую обеспокоенность. Однако с самого начала ИБОР была глобальной инициативой, реализацию которой иллюстрирует следующий пример: нашей самой большой удачей стал случай с Ливией.

Действуя согласно процедурам ИБОР в тесном сотрудничестве с Германией, Италией и Великобританией, мы смогли перехватить корабль, направлявшийся в Ливию с запрещенными к экспорту урановыми центрифугами на борту. Мы перехватили судно в Италии, разгрузили его и убедились, что грузом являлись центрифуги. Мы считаем, что именно тот факт, что корабль так и не прибыл в Триполи, и произвел такое впечатление на ливийское руководство, что в конечном итоге и привело ливийских лидеров к отказу от программ по созданию оружия массового уничтожения, о чем ливийское руководство и заявило в декабре прошлого года. Это наглядный пример совместной операции в рамках ИБОР, которая, кроме всего, продемонстрировала, что наибольший интерес для нас представляют именно проблемные государства, такие, как Ливия, которая настойчиво пыталась получить доступ к ядерному потенциалу. И мы не только смогли перехватить конкретную поставку запрещенных технологий, но наши действия оказали серьезное влияние на политику ливийского руководства.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Я бы хотел вернуться к тому региону, о котором шла речь ранее. Когда вы говорили об ИБОР, я так понял, что налицо существенный прогресс. В то же самое время есть ряд препятствий. Как вы считаете, какие основные препятствия существуют для ИБОР?

БОЛТОН: Самая большая проблема состоит, на наш взгляд, в том, что мало кто пока знаком с тем, какие цели ставятся перед ИБОР и какими способами мы собираемся их достигнуть. Кстати, одним из аспектов, на соблюдении которого с самого начала настаивали участники ИБОР, было неукоснительное следование существующим международным и государственным правилам и законам при проведении любых действий под эгидой инициативы. Мы не собирались предпринимать никаких действий, которые бы выходили за рамки существующих государственных норм или противоречили существующему международному законодательству. Также хотелось бы отметить, что в основном взаимодействие в рамках инициативы будет вестись не через официальные организации, ответственные за принятие решений, а через каналы разведслужб, подключая там, где это необходимо, местные полицейские органы или вооруженные силы.

Мы говорим, что ИБОР – «не организация, а комплекс мер», и людям, работающим в ООН, трудно понять, почему мы хотим сохранить неформальный статус ИБОР. Мы делаем это для того, чтобы ИБОР быстрее развивалась.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Мы отслеживаем все события, связанные с Пакистаном, но создается впечатление, что, даже несмотря на все заверения пакистанского руководства, эта страна по-прежнему вызывает опасения в связи с возможным распространением ядерных технологий и материалов. Во-первых, речь идет о ядерной безопасности – безопасности ядерных материалов и оружия в самом Пакистане; во-вторых, Пакистан не является членом ДНЯО. Как вы думаете, удастся ли предотвратить процесс распространения ОМУ в Пакистане?

БОЛТОН: Что касается Пакистана, то, как вы верно заметили, есть два вопроса, которые вызывают нашу озабоченность. Во-первых, это безопасность и сохранность их собственного ядерного арсенала. И вне всяких сомнений, именно это вызывает наше беспо-

койство. Если вдруг правительство президента П. Мушаррафа будет смещено и ядерное оружие окажется в руках исламского фундаменталистского режима, то это, безусловно, станет причиной для самого серьезного беспокойства. Если бы вдруг в Пакистане возникла нестабильная политическая обстановка и контроль над боеголовками был бы потерян, это, безусловно, стало бы причиной для самых серьезных опасений. Мы проводим консультации с правительством Пакистана для того, чтобы в будущем избежать подобных проблем. И я должен отметить, что, несмотря на то, что состояние пакистанского ядерного арсенала является для нас постоянным поводом для беспокойства, мы уверены, что в нынешней ситуации и в нынешних обстоятельствах ядерный арсенал Пакистана находится в безопасности. Однако есть целый ряд вопросов относительно взаимоотношений между Пакистаном и Индией.

Существует риск того, что традиционный военный конфликт может перерасти в ядерное противостояние. За последние два года мы обсудили этот вопрос с представителями разных государств. Я думаю, что проблема стала особенно актуальной после нападения террористов на здание индийского парламента в декабре 2001 г. Но мне кажется, что уровень напряженности постепенно снижается: сейчас Индия и Пакистан ведут активный дипломатический диалог. Это очень важный момент, но в тоже время есть ряд вопросов, которые мы стараемся отслеживать. Во-первых, речь идет о состоянии пакистанского ядерного арсенала. Во-вторых, мы говорим непосредственно об очевидных фактах распространения.

Я бы хотел сказать пару слов о взаимоотношениях между руководством Пакистана и организацией, возглавляемой А.К. Ханом. Мы уже открыто заявляли о том, что мы вели наблюдение за организацией А.К. Хана в течение длительного времени. Эта хитроумная попытка тайно продать современные технологии, пригодные для создания ядерного оружия, целому ряду стран, включая Иран, Северную Корею и Ливию, а также, возможно, и другим странам вызвала у нас огромное беспокойство. Особую озабоченность у нас вызвал вопрос о том, мог ли А.К. Хан, пользуясь своим статусом «отца пакистанского ядерного оружия», действовать с согласия и при поддержке пакистанских властей.

Мы рассматривали различные варианты действий, которые необходимо предпринять для того, чтобы окончательно решить вопрос с организацией А.К. Хана. Мы столкнулись с дилеммой: если поспешить и воспользоваться имеющейся информацией, чтобы нейтрализовать эту организацию, то удалось бы ликвидировать известные нам звенья организации. Однако при этом можно было упустить какие-то элементы подпольной сети, и прошло бы еще очень много времени, прежде чем ее можно было бы уничтожить окончательно. Так что у нас были причины, из-за которых не стоило торопить события.

Мы считаем, что именно наша озабоченность вопросами распространения в течение долгих лет, а не факт раскрытия ядерной программы Ирана и инцидент с кораблем «BVC Shipa» – тем судном, о котором я уже говорил, привела к тому, что в результате основная часть сети А.К. Хана была нейтрализована и дальнейшее расследование ее деятельности ведется нами, Пакистаном и другими странами. Президент П. Мушарраф уверил нас, что А.К. Хан действовал без его согласия или согласия правительства Пакистана. У нас нет причин утверждать обратное, и, поверьте мне, мы пристально следили за этой ситуацией в течение нескольких лет. Нам предстоит еще многое узнать о деятельности А.К. Хана, и в этом нам помогают и правительство Пакистана, и правительства других стран. Я хотел бы отметить, что, когда мы говорим об организации А.К. Хана, важно, по крайней мере принимая во внимание ту информацию, которой мы располагаем, не ставить знак равенства между действиями А.К. Хана и действиями пакистанского руководства. Однако от осознания этого легче не становится.

Самое страшное состоит в том, что подобная деятельность может вестись частной организацией. Размах его деятельности, огромные финансовые средства, к которым он имел доступ, и те деньги, которые он получал от продажи технологий зарубежным правительствам, лишь подтверждают тот факт, что международный «черный рынок» технологий оружия массового уничтожения – крайне опасное явление.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Мой следующий вопрос касается выступления президента Дж. Буша в Национальном университете обороны, в ходе которого он выдвинул идею исключения нарушителей режима нераспространения из таких международных организаций, как МАГАТЭ. Какие, на ваш взгляд, необходимо разработать механизмы для того, чтобы воплотить в жизнь идею президента: понадобится ли пересмотр Устава МАГАТЭ или следует предпринять другие меры?

БОЛТОН: Предложение президента Дж. Буша ликвидировать лазейки в ДНЯО можно разделить на две составляющих. Во-первых, это ряд самостоятельных предложений, направленных на предотвращение распространения ядерных технологий, а во-вторых, это предложения, направленные на повышение эффективности ДНЯО и МАГАТЭ. В них говорится о необходимости ограничить доступ к чувствительным технологиям для стран, которые собираются подписать или уже подписали Дополнительный протокол МАГАТЭ. Я считаю, что Дополнительный протокол появился как реакция на провалы МАГАТЭ в Ираке после войны в Персидском заливе. Кроме того, хотя многие страны уже подписали Протокол, процесс его реализации еще не начался. Тем не менее, мы считаем, что Дополнительный протокол дает МАГАТЭ новые рычаги влияния и понимание того, что тем странам, которые готовы согласиться с условиями Протокола, можно доверить использование более современных ядерных технологий. Я думаю, что Дж. Буш говорил, прежде всего, о необходимости остановить дальнейший экспорт обогатительных и перерабатывающих технологий в те страны, которые такими технологиями уже обладают. Именно это породило споры о том, кто должен обладать ядерными технологиями, а кто нет.

Я думаю, что нам необходимо учесть уроки прошедших с момента запуска программы «Атомы для мира» 50 лет. Многие со мной согласятся: если бы мы 50 лет назад знали то, что мы знаем сейчас, программа «Атомы для мира» выглядела бы совершенно по-другому. Усилия президента направлены на то, чтобы все преимущества гражданских атомных технологий оставались доступными, и в то же самое время снизить опасность использования, чему мы все были свидетелями, таких технологий для изготовления оружия. Сейчас мы проводим консультации по двум предложениям, которые президент выдвинул в преддверии встречи «Большой восьмерки» на острове Морской. Мы поднимаем эти вопросы на встрече Группы ядерных поставщиков, на других мероприятиях. В течение ближайших нескольких месяцев будем неоднократно возвращаться к этой теме для того, чтобы организовать поддержку президентской инициативы, и для того, чтобы выслушать другие соображения на этот счет. Еще нет единогласной позиции по поводу того, как преподнести этот вопрос, но в настоящий момент мы проводим активные консультации по поводу предложений президента Буша.

За прошедший год мы еще больше убедились в том, что Иран реализует секретную ядерную программу, и хотя МАГАТЭ ведет расследование деятельности Ирана в ядерной области, пытаюсь выяснить, к чему же стремится иранское руководство, иранские власти смогли ввести представителей Агентства в заблуждение. Иран был членом Совета управляющих МАГАТЭ. Это невероятно: получается, что страна, в отношении которой ведется расследование, принимает участие в Совете управляющих Агентства, которое это расследование и проводит. Думаю, что эту ситуацию необходимо разрешить прежде всего для того, чтобы повысить доверие к МАГАТЭ, сохранить его целостность, а, кроме того, убедить всех, что Агентство, входящее в структуру ООН, не может действовать в интересах государства, которое замечено в распространении ядерного оружия. Кроме того, у нас есть идея создания Специального комитета при МАГАТЭ, который бы наблюдал за механизмами проверок МАГАТЭ и выполнением гарантий.

Эта идея основывалась на опыте первой войны в Ираке, когда мы задались вопросом: что необходимо сделать для того, чтобы предотвратить возникновение ситуации, подобной иракской, когда страна тайно ото всех развивала собственную ядерную программу, а МАГАТЭ при этом не фиксировало никаких нарушений Соглашения о гарантиях. Именно тогда возник Специальный комитет, результатом работы которого стало появление Дополнительного протокола. Мы не стремимся к созданию нового Договора, но нам кажет-

ся, что необходимо сконцентрировать внимание на том, что не все страны в должной мере выполняют свои обязательства по Соглашению о гарантиях, и на том, что возможности для инспекций МАГАТЭ (если мы не говорим об отдельных случаях, как, например, Иран или Северная Корея) часто являются неадекватными. Мы призываем отвлечься от конкретных проблем и подумать, что мы можем сделать такого, что помогло бы обеспечить новый качественный прорыв, каким в начале 1990-х стал Дополнительный протокол. Совершенно не обязательно при этом менять Устав МАГАТЭ. Необходимо найти решение, которое исключало бы такую возможность, но для этого нам необходимо прежде всего посмотреть на то, чем мы уже располагаем, и творчески подойти к решению вопроса.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Давайте вернемся к вопросу Ирана. Насколько я понимаю (поправьте меня, если я ошибаюсь), исходя из сказанного вами, вы на сегодняшний день продолжаете утверждать, что Иран представляет собой угрозу с точки зрения распространения.

БОЛТОН: Совершенно верно. Мы считаем, что в Иране существует секретная программа по созданию ядерного оружия при участии военных. Мы считаем, что Иран принимает меры, направленные на то, чтобы скрыть свою ядерную программу от инспекций МАГАТЭ и от международной общественности с целью получения технологий обогащения урана, что позволит ему производить оружейный уран для нужд своей военной программы. Кроме того, мы крайне озабочены их работами по переработке отработанного ядерного топлива для получения плутония, который они затем смогут использовать для создания оружия. Иран является одной из центральных тем в наших двусторонних отношениях с Россией. Дж. Буш неоднократно поднимал эту тему в разговорах с президентом В.В. Путиным. Я занимаюсь этим вопросом уже три года и за это время побывал в Москве 23 раза. Конечно, не на каждой моей встрече говорилось об Иране, но в последние два года мы часто обсуждали эту проблему на переговорах с Министерством иностранных дел, Министерством обороны, Минатомом. Думаю, что обсуждения будут продолжаться: нас очень беспокоит проблема строительства реактора в Бушере и то, что иранское правительство может сделать с отработавшим ядерным топливом (ОЯТ) из этого реактора. Хочу отметить, что строительство реактора еще не завершено, и, кроме того, Россия еще не начала поставки ядерного топлива, а это означает, что у нас еще есть время для решения этой проблемы.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как вы считаете, должна ли Россия предпринять конкретные шаги сейчас или, возможно, в будущем для более тесной совместной с США работы по вопросу Ирана?

БОЛТОН: Я думаю, что пока наше сотрудничество развивается нормально. Да, мы расходимся во взглядах на проблему и пути ее решения. Однако в этом вопросе мы не противники. Я думаю, такой подход отвечает новым стратегическим отношениям, которые установили между нашими государствами президенты Дж. Буш и В.В. Путин. Будет гораздо лучше, если мы совместными усилиями будем пытаться понять, сможем ли мы разрешить этот вопрос, чем изначально подходить к этой проблеме как противники. Мы уверены и считаем, что все указывает на это: Иран пытается создать ядерное оружие. Мне кажется, в России еще не пришли к такому заключению. Но, исходя из публичных выступлений российских официальных лиц, я делаю вывод, что российская позиция постепенно меняется в свете появляющихся доказательств. Еще пару лет назад российские власти утверждали, что в Иране нет ядерной программы. Сейчас российские представители выражаются осторожнее: «Мы не знаем о существовании в Иране военной ядерной программы». Мы считаем, что такой подход сближает наши позиции. Я понимаю опасения России потерять такой выгодный коммерческий проект, как реактор в Бушере, который может достаться иностранным конкурентам. Естественно, мы готовы выработать общую позицию в отношении Ирана, и в случае, если Россия заявит о том, что «не собирается поставлять ядерное топливо или продвинутое ядерные технологии в Иран», готовы обеспечить коммерческие интересы России для того, чтобы не допустить перехода в другие руки этого выгодного коммерческого проекта.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Что, по вашему мнению, может быть сделано, чтобы укрепить или ускорить процесс Глобального партнерства?

БОЛТОН: Глобальное партнерство является важным приоритетом «Большой восьмерки» в целом, и президента Дж. Буша в частности, так как большинство идей, которые легли в основу Глобального партнерства, были предложены президентом Дж. Бушем и обсуждены с президентом В.В. Путиным еще до саммита в Кананаскисе.

Цель, которую мы поставили в Кананаскисе, – собрать 20 млрд долл. в течение 10 лет, и мы ищем пути ее достижения. США верны своим обязательствам предоставить половину этой суммы, 10 млрд долл., в течение 10 лет. Мы пока зависимы от обменного курса валют. Суммарные обязательства наших партнеров по «Большой восьмерке» на 3–4 млрд долл. меньше, чем мы рассчитывали, но мы ведем консультации с ними с тем, чтобы найти эти деньги.

Дж. Буш говорил о Глобальном партнерстве в своей речи в Национальном университете обороны в феврале 2004 г. Он призвал «Большую восьмерку» подумать о расширении Глобального партнерства, так как его программы теперь охватывают многие страны бывшего Советского Союза. Я считаю, что было бы целесообразно официально ввести Украину и другие страны в члены Глобального партнерства, дать им место за столом переговоров, чтобы они более эффективно пользовались возможностями программ и могли участвовать в принятии решений.

Президент Дж. Буш также предложил, чтобы мы рассмотрели возможность применить накопленный Глобальным партнерством опыт в странах за пределами бывшего Советского Союза, таких, как Ливия и Ирак. Некоторые из программ очень успешно осуществляются в России, а международные научные центры предоставляют бывшим ученым и инженерам оборонных отраслей возможность прибыльной и легальной экономической деятельности, что препятствует их переманиванию в Иран, Северную Корею и другие государства-изгои.

Я знаю, что у Глобального партнерства есть проблемы, требующие разрешения. Однако в целом это очень успешная инициатива, мы удовлетворены ходом ее реализации и надеемся на то, что мы не только достигнем целей, поставленных перед собой два года назад в Кананаскисе, но и продвинемся еще дальше.

Примечание

¹ Перевод – И.С. Фабричников.

² Беседа В. А. Орлова с Дж. Болтоном в полном виде опубликована на сайте ПИР-Центра, адрес русскоязычной версии: <http://www.pircenter.org/data/publications/vb5-2004.html>; англоязычной: www.pircenter.org/data/publications/vb5e-2004.html

Применение химических веществ для того, чтобы преднамеренно отравлять, сжигать, удушать, ослеплять людей и наносить им увечья, справедливо считается действием, достойным морального осуждения. Применение химического оружия (ХО) – это осуждаемый всем человечеством способ ведения военных действий. Медики считают смерть в результате отравления одной из наиболее болезненных форм смерти, и вследствие этого намеренное отравление традиционно находится под запретом.

Впервые возможность применения смертоносных химических веществ в массовых масштабах возникла в конце XIX века – с наступлением эры промышленного химического производства. Полностью осознавая потенциальную угрозу, уже более ста лет назад международное сообщество занялось поиском юридических способов в рамках международного права по обеспечению запрета на использование данного вида оружия в боевых действиях. Первый запрет на применение ХО на поле боя был принят еще до использования отравляющего газа в качестве оружия во время Первой мировой войны, но этот запрет тогда не был соблюден. Более миллиона солдат получили необратимые увечья в результате воздействия токсичных химикатов. Более того, этими беспощадными ядами были убиты 90 000 солдат, исповедовавших все религии мира. В течение XX столетия жертвами химического оружия во всем мире стали многие тысячи человек, причем нередко это были беззащитные мирные жители. В последнее время в мире возникла угроза химического терроризма, что заставило правительства разных стран использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для полного предотвращения возможности применения данного вида оружия.

Одновременно готовилось более строгое и всеобъемлющее законодательство для запрещения разработки, производства, накопления, применения или передачи химического оружия в какое бы то ни было время и для какой угодно цели. Однако только в последнее десятилетие многосторонние совместные усилия по всеобъемлющему запрещению химического оружия привели к появлению юридического инструмента – Конвенции о запрещении химического оружия, которая обеспечивает контролируемое уничтожение целой категории оружия массового уничтожения в строго определенные сроки при наличии постоянного механизма для мониторинга и предотвращения разработок этого страшного оружия.

ЦЕЛИ ЗАПРЕЩЕНИЯ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Конвенция о запрещении химического оружия (КЗХО), которая стала международным законом 29 апреля 1997 г., среди всех когда-либо задуманных человечеством международных соглашений является одним из наиболее комплексных и всеобъемлющих договоров по разоружению и контролю над вооружениями. Добровольное решение государ-

ства выполнять свои обязательства по данной Конвенции является серьезным обязательством: соблюдение КЗХО связано с постоянными усилиями и в некоторых случаях с расходом значительных ресурсов. Государства-участники КЗХО сотрудничают с международными органами, проверяющими соблюдение ими договора, включая предоставление подробных первоначальных и ежегодных объявлений и проверок при полном выполнении ими обязанностей по обнаружению, проведению расследования и преследованию в судебном порядке любых нарушений запрета на химическое оружие со стороны их граждан в любой точке мира. Несмотря на то, что такая перспектива может показаться пугающей, исключительные возможности, предоставляемые КЗХО, привели также к беспрецедентно быстрому росту числа участников КЗХО – в среднем за последние семь лет действия Конвенции почти каждый месяц суверенное решение о присоединении к КЗХО принимало новое государство-участник.

Запрет на химическое оружие может дать реальные гарантии укрепления безопасности только в том случае, если государства-участники будут в достаточной степени уверены, что все страны соблюдают запрет с равной степенью строгости и бдительности. В рамках КЗХО предусмотрена тщательно продуманная и охватывающая все регионы мира правовая сеть, которая применима ко всем юридическим системам, обеспечивающая при этом необходимые административные и законодательные меры для привязки запрета к национальному законодательству.

Широкое географическое представительство государств-участников Конвенции является свидетельством гибкости и надежности применения КЗХО: 98% мировой химической промышленности находится в сфере действия Конвенции, и более 95% населения мира находится под юрисдикцией КЗХО. В настоящее время Конвенция является законом, действующим на территории стран с широким спектром экономической среды – от государств-участников, в которых расположены крупные игроки в области химической промышленности, до государств-участников с развивающейся химической промышленностью. В некоторых государствах-участниках инспекционные мероприятия проводятся на гораздо более высоком уровне, чем в других, – вследствие более обширной заявленной работы химической промышленности на их территории и/или в связи с их добровольными объявлениями о местах, связанных с химическим оружием, и/или о его запасах. И наоборот, для некоторых государств-участников первая международная инспекция в рамках контроля над вооружениями, когда-либо предпринятая на их территории, проводилась только после ратификации КЗХО или присоединения к ней. Во всех случаях в КЗХО действует всеобъемлющий и подробный протокол верификации, обеспечивающий справедливое и недискриминационное применение данного механизма по всему миру.

Строгий механизм верификации соблюдения Конвенции служит простой цели, которую разделяют и регулярно подтверждают все государства-участники, что особенно ярко было подтверждено Политической резолюцией и Рекомендациями, принятыми в мае 2003 г. Первой конференцией по рассмотрению действия Конвенции о запрещении химического оружия, а именно: «Объявить и ликвидировать все имеющиеся запасы химического оружия не позже чем к 2012 г. и не допустить распространения или разработок новых видов химического оружия».

Конвенция также в рамках соответствующей процедуры предусматривает систематическое разрешение любых вопросов, вызывающих сомнения в соблюдении договора со стороны любого из государств-участников. Для разъяснения и разрешения таких сомнений или неясных ситуаций государства-участники обязаны сначала предпринять все усилия через взаимные консультации. Данный процесс может включать двусторонние или многосторонние усилия по решению любых спорных вопросов. Например, договариваться о взаимно согласованных инспекциях или других процедурах. Разрешение любых сомнений или неясных ситуаций, связанных с соблюдением договора, может быть дополнено инспекцией по запросу, в проведении которой не может отказать ни одно государство-участник и которая проводится «в любом месте, в любое время». Надо отме-

тить, что до сих пор ни одно государство-участник не обращалось с просьбой о проведении инспекции по запросу.

После вступления КЗХО в силу Организация по запрещению химического оружия (ОЗХО) приступила к осуществлению режима контроля за соблюдением Конвенции. За последние семь лет международные инспекторы ОЗХО провели свыше 1700 инспекций на более чем 700 объектах на территории более 60 государств-участников. Примерно 60% миссий, осуществленных по всему миру, заключались в инспекции на местах объектов, связанных с химическим оружием. Это, например, места хранения ХО, объекты по его уничтожению или конверсионные производственные объекты. Другие виды инспекции организуются для контроля над тем, чтобы определенные токсичные химикаты не применялись в незаконных целях, а также для проверки, соответствуют ли действительности предоставляемые государствами-участниками объявления о легальности коммерческого химического промышленного производства.

Своими скоординированными коллективными действиями государства могут значительно сократить риск применения химического оружия. Тем не менее, широкое распространение технологий производства «самодельных» вооружений не может исключать и применения, что может привести к массовым жертвам. КЗХО предусматривает возможность использования коллективных мер по контролю за разоружением путем обеспечения защиты гражданского населения и содействия государствам-участникам в усилении их защитного потенциала. В качестве одного из своих ключевых обязательств государства-участники обязуются предоставлять помощь и защиту любому государству-участнику, в отношении которого либо существует угроза применения химического оружия, либо оно было применено. Кроме того, государства-участники обязуются в рамках международного сотрудничества способствовать использованию химии в мирных целях.

Так как со временем существующие запасы химического оружия будут полностью ликвидированы, задача предотвращения распространения химических вооружений или возобновления производства химического оружия – как государством, так и негосударственными организациями или частными лицами – приобретет большую значимость и актуальность.

КЗХО была тщательно продумана экспертами по всем аспектам разработки и производства токсичных химикатов в целях выработки принятых путем консенсуса процедур, которые способствуют выявлению любых противозаконных действий. Прогресс в химической промышленности и технологии химического производства идет все более быстрыми темпами, в результате чего любой протокол верификации быстро устареет и становится неадекватным. КЗХО предусматривает механизм систематического обновления и пересмотра, обеспечивающий его постоянную эффективность: деятельность Научно-консультативного совета, а также регулярное проведение очередных конференций по рассмотрению действия Конвенции дают возможность контролировать действенность КЗХО и исправлять все потенциальные недостатки в механизме верификации по выявлению попыток обхода запрета на химическое оружие.

Статья II КЗХО предусматривает механизм идентификации, с помощью которого от законной коммерческой деятельности можно отличить запрещаемые виды деятельности, связанные с химическим оружием. Этот механизм применяется во исполнение мандата на преследование в судебном порядке и наказание за любые нарушения КЗХО без создания при этом помех для развития коммерческого химического производства в рамках закона. Так называемые «критерии общего назначения» четко очерчивают область действия запрета на химическое оружие, запрещая любое применение токсичных химикатов, кроме строго ограниченных случаев, на которые конкретный запрет не распространяется. Более того, предусмотрена дополнительная проверка использования токсичных химикатов – существует положение, согласно которому простое заявление о намерении разрабатывать, производить, использовать или передавать токсичные химические вещества считается действием, не нарушающим запрет на химическое оружие, ес-

ли в рамках КЗХО подобные действия признаются законными. И кроме того, только в том случае, если будет доказано, что все виды и объемы рассматриваемых токсичных химикатов используются способом, соответствующим данным законным целям.

Наконец, по всему миру необходимо создать единое правовое поле, с помощью которого можно было бы пресекать противозаконные действия или намерения. В КЗХО предложен детально проработанный комплекс административных и законодательных мер, добросовестное применение которых приведет к снижению риска распространения и применения данного вида вооружений. Усилен запрет на передачу некоторых химикатов государствам, не присоединившимся к Конвенции, а также в виде оказания содействия государствам-участникам со стороны ОЗХО в выполнении Конвенции. Эти меры являются серьезным стимулом для того, чтобы любое государство, рассматривающее возможность полного отказа от химического оружия путем ратификации или присоединения к КЗХО, осознано преимущество членства в ОЗХО и очевидные потери от неучастия в договоре. Такую «правовую сеть» еще предстоит внедрить в полном объеме, и это задача, которую государства-участники Конвенции и все члены Организации Объединенных Наций должны решить в кратчайшие сроки. Универсальность КЗХО зависит от ее добросовестного и эффективного выполнения.

За последние пятьдесят лет химическая промышленность стала ключевой отраслью, которая поддерживает и стимулирует хозяйственное развитие как стран с развитой экономикой, так и стран с развивающейся экономикой. Несомненно, четко работающая коммерческая химическая промышленность необходима для функционирования инфраструктуры любой экономики переходного периода или развивающейся экономики. Государства-участники неоднократно подчеркивали свою приверженность использованию химической отрасли в мирных целях и считают данный аспект осуществления КЗХО важным фактором в обеспечении всеобщего соблюдения КЗХО.

При отсутствии строгого соблюдения всеобщего запрета на химическое оружие отдельными странами государства-участники могут быстро потерять чувство уверенности, к чему они стремились при присоединении или ратификации данного международного договора. В случае, если доверие к системе гарантий, созданных в рамках режима нераспространения и контроля КЗХО, со временем будет снижаться, может начаться и уменьшение значимости всеобщего запрета на химическое оружие и его действенности в области предотвращения появления новых видов ХО.

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ УСПЕШНОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ЗАПРЕТА

Полностью осознавая потенциальный риск, заложенный в неполном соблюдении Конвенции, все государства-участники Первой конференции по рассмотрению ее действия приняли два Плана действий. Эти Планы направлены на достижение следующих целей: 1) обеспечение участия всех государств в КЗХО к десятой годовщине ее вступления в силу (то есть к 29 апреля 2007 г.) и 2) обеспечение необходимых средств, а также оказания содействия всем государствам-участникам в осуществлении на практике соблюдения предусмотренного КЗХО режима нераспространения на национальном уровне (в соответствии со Статьей VII КЗХО).

Цель планов действий по обеспечению универсального характера договора и усилению мер по осуществлению КЗХО на национальном уровне состоит в создании потенциала всеми государствами по обнаружению, расследованию и преследованию в судебном порядке любых нарушений в области химического разоружения со стороны любой группы или отдельных лиц в любой точке мира. Тем самым становится возможным обеспечить гарантии, к которым стремятся государства-участники, а также достичь высокой степени уверенности в невозможности разработки, производства, накопления, применения или передачи другим лицам химического оружия, поскольку национальные органы власти с помощью своих собственных ресурсов и инфраструктуры смогут предотвращать угрозу применения данного вида вооружений против своего населения в будущем.

Для достижения «идеального состояния» – окончательного и полного химического разоружения – уже проделана большая серьезная работа. Но и в дальнейшем международное сообщество должно приложить значительные совместные усилия для достижения цели КЗХО в полном объеме.

ВСЕОБЩЕЕ СОБЛЮДЕНИЕ ДОГОВОРА

На фоне других подобных многосторонних договоров по разоружению КЗХО выделяется как договор, который сумел привлечь большое количество участников за удивительно короткий срок. При этом возможности КЗХО по выявлению и запрещению действий, повсеместно вызывающих резко отрицательное отношение, не уникальны для международного права.

Уникальный потенциал данного договора заключается в механизме верификации его соблюдения участниками, в механизме контроля над полным уничтожением целой категории ОМУ за конкретный период времени при поддержке развития и обеспечения взаимной защиты государств-участников. Эти ключевые аспекты дают государствам-участникам множество преимуществ и гарантий, равных которым почти нет в других договорах по разоружению.

Стимулы и гарантии безопасности, специально предусмотренные КЗХО, направлены на обеспечение максимально широкого участия в договоре. Для тех стран, которые заинтересованы в развитии собственной химической промышленности, но еще не ратифицировали КЗХО, членство в ОЗХО дает конкретные преимущества, которые этому способствуют благодаря спонсорской поддержке со стороны Организации, а также путем обучения персонала на семинарах, учебных мероприятиях и курсах повышения квалификации, стажировок и обмена оборудованием. В результате государства-члены ОЗХО получают новейшие технологии, позволяющие развивать национальный потенциал для осуществления положений Конвенции и использования достижений химии в мирных целях.

При анализе текущего положения дел в выполнении КЗХО сразу же становится очевидным, что на региональном уровне в некоторых случаях достигнут полный охват: все члены Совета Европы, все члены Содружества Независимых Государств, все республики Центральной Азии, все члены Совета Сотрудничества стран Персидского залива, все государства континентальной части Северной и Южной Америки уже являются участниками данной Конвенции.

Глобальное участие в договоре остается среднесрочной целью, которую еще предстоит достигнуть. Примечательно, что на 1 июня 2004 г. участниками Конвенции являлось уже 80% стран Африки, более трех четвертей стран Азии, включая почти всех членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Форума островных государств Тихого океана (ФОГТО), а также большинство членов Лиги арабских государств.

Тот факт, что 98% мировой химической промышленности находится в зоне действия режима нераспространения в рамках КЗХО, имеет чрезвычайно важное значение для сохранения доверия к этому инструменту многостороннего контроля над вооружениями. Сотрудничество ОЗХО с мировой химической промышленностью было и остается важнейшим фактором содействия в создании и применении режима нераспространения, включая мониторинг и контроль за соблюдением КЗХО, а также служит предупреждением или в случае необходимости применения расследования и преследование в судебном порядке любого незаконного использования химических веществ в качестве оружия. Это глобальное «совместное предприятие» оказалось взаимовыгодным, поскольку государства-участники организации и химическая промышленность могут совместными усилиями предотвратить использование токсичных химикатов в целях, запрещаемых КЗХО, при этом одновременно занимаясь производством и передачей запрещенных химикатов с уверенностью, что данными действиями, принципиально важ-

ными для глобальной экономики, не будут создаваться условия и предпосылки для распространения ХО.

Мировая химическая промышленность активно поддерживает и одобряет цели КЗХО. Международный совет химических ассоциаций (ИССА), который обязывает компании, являющиеся его членами, соблюдать нормативы, установленные программой «Ответственная деятельность», уведомил своих членов, что соблюдение КЗХО является первостепенной обязанностью. Эффективность и надежность режима повысились благодаря постоянной активной поддержке со стороны мировой химической промышленности. Мировая химическая индустрия признает необходимость общепризнанных мер контроля за соблюдением запрета на химическое оружие во всех областях деятельности, начиная с консультаций и обмена опытом в ходе обсуждения КЗХО и заканчивая участием производителей химической продукции в финансировании стажировок химиков. Такие стажировки имеют целью поддержание и расширение резерва компетентных практиков, способных осуществлять контроль соблюдения Конвенции в тех государствах-членах, которые, возможно, не обладают ресурсами для такого специализированного обучения.

Еще 18 государств подписали Конвенцию, принимая на себя обязательство в рамках международного права не совершать никаких действий, которые могли бы нарушить договор. До тех пор, пока 18 «государств-подписантов» не примут суверенного решения о ратификации Конвенции, содержащиеся в ней запреты не могут стать неотъемлемой частью их национального законодательства.

Только 12 стран не предприняли никаких шагов в отношении Конвенции. Ряды членов ОЗХО широки, но в них есть пробелы, вызывающие беспокойство, особенно это касается тех регионов, где до сих пор предполагается существование запасов химического оружия.

Как государства-участники КЗХО, так и государства, не подписавшие Конвенцию, не несут никаких обязательств по объявлению или блокированию и уничтожению под международным контролем принадлежащих им запасов химического оружия. В то же время ОЗХО не имеет юридических полномочий в рамках КЗХО для проведения инспекций на их территории. Таким образом, эти 30 государств могут стать надежным пристанищем противозаконной деятельности. С учетом возможности разработки, накопления, использования или передачи химического оружия и/или его прекурсоров террористами на территории государств, не присоединившихся к Конвенции, эти территории, расположенные вне сферы действия запрета на химическое оружие, создают повод для беспокойства. Если такие действия не считаются уголовным преступлением в неприсоединившихся к Конвенции странах, то, как следствие, они могут остаться не обнаруженными и не преследоваться в судебном порядке.

Вот почему на Первой конференции по рассмотрению действия КЗХО государства-участники Конвенции единогласно подтвердили свою приверженность цели и предназначению Конвенции, призвав государства, вызывающие серьезное беспокойство, ратифицировать Конвенцию или присоединиться к ней для достижения целей, предусмотренных Конвенцией, как можно скорее.

ДОСТИЖЕНИЯ НА ПУТИ ЛИКВИДАЦИИ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Одна из главнейших целей Конвенции о запрещении химического оружия состоит в ликвидации этой категории оружия массового уничтожения под международным контролем. По состоянию на 30 апреля 2004 г. о запасах химического оружия объявили шесть государств-участников: Албания, Индия, Ливия, Российская Федерация, США и государство-участник, попросившее о сохранении его анонимности. В настоящее время уничтожение химического оружия производится в общей сложности на шести объектах, расположенных в Российской Федерации, США, Индии и в анонимном государстве-участнике. Албания и Ливия обратились с просьбой о продлении сроков ликвидации их за-

пасов химического оружия, относящихся к Списку 1 и сейчас занимаются окончательным согласованием списков подлежащих уничтожению химических вооружений.

Всего шесть государств-участников, обладающих химическим оружием, в совокупности заявили о наличии и хранении более 70 000 т химических реагентов, содержащихся более чем в 8 млн боеприпасов и контейнерах. К настоящему моменту уничтожено под контролем ОЗХО на месте 12% чрезвычайно смертоносных химикатов, в то время как более 23% боеприпасов и контейнеров расснаряжены и признаны непригодными к применению. Инспекторы ОЗХО отследили и проконтролировали полное соблюдение процедур, предусмотренных Конвенцией, а также процедур по уничтожению ХО, разработанных и принятых путем консенсуса государствами-участниками для каждого конкретного случая.

Государства-участники также обязаны объявить обо всем старом или оставленном химическом оружии и любых объектах по производству химического оружия. Эти объявления представляются для информирования всех государств-участников о потенциале по производству химического оружия любого государства-участника. Помимо шести государств-участников, которые объявили о наличии у них химического оружия, десять государств-участников заявили о наличии старого химического оружия (химического оружия, произведенного либо до 1925 г., либо в период с 1925 по 1946 г., состояние которого ухудшилось до такой степени, что оно уже не может применяться в качестве химического оружия), три государства-участника заявили, что химическое оружие было оставлено на их территории другими государствами, а двенадцать государств-участников заявили о наличии объектов, которые ранее использовались для производства химического оружия.

Международная группа инспекторов ОЗХО контролирует необратимое уничтожение химикатов и других компонентов на всех объявленных объектах, предназначенных для ликвидации химического оружия. В некоторых случаях уничтожение оружия производится в непрерывном режиме, и инспекции на таких объектах проводятся круглосуточно. В других случаях уничтожение ХО производится «партиями», но инспекторы ОЗХО всегда присутствуют при процессе уничтожения. Конечный результат верификации уничтожения ХО во всех случаях заверяется сертификацией о полном осуществлении согласованных планов и методики уничтожения. Более того, международная, независимая верификация как раз и предназначена для устранения любых сомнений в отношении окончательной ликвидации данного оружия.

Контролируемый процесс уничтожения ХО предусматривает блокирование всего запаса оружия таким образом, чтобы обеспечить возможность систематической проверки и неоднократной инвентаризации. Такой тщательный учет гарантирует, что за время осуществления уничтожения ни один из хранящихся предметов не покинет пределов хранилища. Тщательный контроль инвентарных запасов ХО продолжается и при перевозке боеприпасов от места хранения к месту уничтожения. В этом случае государства-участники должны получить от ОЗХО подтверждение тому, что любой заявленный предмет либо ожидает уничтожения, либо будет уничтожен в соответствии с согласованной процедурой.

Верификация накопленных запасов химического оружия, дезактивация и уничтожение ХО либо конверсия объектов, ранее производивших ХО, а также уничтожение самих боеприпасов и химикатов – трудоемкое, а иногда и опасное дело. Инспекторы ОЗХО выполнили свыше 1000 миссий, связанных с химическим оружием, более чем на 170 объектах по всему миру. Хотя все объекты по производству химического оружия были закрыты, посещение таких сооружений и бункеров для хранения химического оружия может представлять опасность для жизни при отсутствии строгого соблюдения необходимых мер безопасности и защиты. Такая же осторожность необходима и в местах уничтожения ХО. В этих целях инспекторы ОЗХО проходят специальный курс обучения для более безопасной работы на зараженной территории. Веские основания для доверия государствам-участников указанному режиму дают преданность делу инспекторов ОЗХО, которые в условиях опасности контролируют соблюдение строгих нормативов, предусмотренных Конвенцией, а также профессионализм национального персонала, которому

приходится иметь дело с опасными материалами на местах. Конвенция представляет собой нечто гораздо большее, чем просто юридический текст, – это живая договоренность между государствами, которая требует жертв, а иногда и мужества для постоянного обеспечения ее эффективности.

ДОСТИЖЕНИЯ НА ПУТИ К ЭФФЕКТИВНОМУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЮ

Нераспространение является условием, которое должно быть соблюдено при любых обстоятельствах для того, чтобы запрет химического оружия, выраженный в КЗХО, стал правовым средством, механизм верификации которого эффективно препятствовал бы какому бы то ни было использованию химических веществ в целях создания оружия.

К ХО, согласно определению, содержащемуся в КЗХО, относятся все токсичные химикаты и их прекурсоры, за исключением тех, которые производятся или используются в целях, не запрещаемых КЗХО. Таким образом, с целью предотвращения распространения этого вида оружия наиболее срочной задачей и обязанностью любого государства-участника, обладающего таким оружием, является немедленная и окончательная дезактивация всех заявленных объектов по производству химического оружия. Дезактивация вовсе не означает, что такое производство находится всего лишь в состоянии бездействия. Объявленное для применения мер проверки инактивированное предприятие следует надежно блокировать так, чтобы любая попытка возобновить его прежнюю деятельность немедленно обнаруживалась бы и такое нарушение было бы невозможно скрыть.

Вслед за окончательной дезактивацией такие предприятия должны уничтожаться или подвергаться конверсии для дальнейшего использования в целях, не запрещаемых Конвенцией. И лишь после тщательной оценки и строгой международной инспекции государствам-участникам выдается свидетельство об уничтожении такого объекта или его конверсии. Со времени вступления КЗХО в силу 12 государств-участников объявили о наличии в них (вместе взятых) 64 объектов по производству ХО. Все эти объекты считаются верифицированными как окончательно закрытые, но при этом они подлежат систематическим проверкам с целью поддержания уверенности в том, что в таком состоянии они будут находиться вплоть до их уничтожения или конверсии. Почти 70% объявленных объектов по производству химического оружия к настоящему времени сертифицированы или как уничтоженные или как прошедшие конверсию для деятельности в целях, не запрещаемых Конвенцией. Остающаяся треть из заявленных объектов, связанных с производством химического оружия, подлежит ликвидации либо ожидает завершения этапа конверсии или сертификации в качестве завершивших конверсию.

В современном химическом производстве токсичные химикаты и их прекурсоры используются повсеместно, и их ключевые компоненты содержатся в огромном количестве изделий, начиная от пластмасс и заканчивая изделиями фармацевтики. Хорошо известно, что внешне безобидные компоненты, такие, как растворители, добавляемые в чернила, которые широко используются в шариковых авторучках и фломастерах, могут быть легко синтезированы с превращением их в смертоносные виды химического оружия. Сознвая эту опасность, мировая химическая промышленность и ОЗХО последовательно применяют режим, предусмотренный Конвенцией для «промышленной верификации», с тем чтобы воспрепятствовать любому упомянутому отклонению в использовании таких химикатов в целях, запрещаемых Конвенцией. В КЗХО – в ее Приложении по химикатам – определены три перечня или списка для таких химикатов. Эти перечни позволяют точно определять и вычленять конкретный набор химикатов, хранение, производство, потребление и/или передача которых должны быть объявлены. Эти объявления служат основой для определения того, следует ли инспектировать объекты, связанные с использованием подобных химикатов.

Поскольку те химикаты, которыми исторически злоупотребляли, используя их в качестве оружия, представляют непосредственную угрозу в смысле их распространения, то

любой промышленный объект, связанный с использованием так называемых химикатов Списка 1, подлежит инспектированию на систематической основе.

Химикаты Списка 2 в основном представляют собой прекурсоры, однако они также обладают, среди прочих свойств, смертельной или приносящей вред здоровью токсичностью, что не исключает возможности их применения в качестве химического оружия. Химикаты из Списка 2 для коммерческих целей в больших количествах не производятся.

Наиболее широко производимыми химикатами являются химикаты Списка 3, которые являются прекурсорами для химикатов из Списков 1 и 2 и могут быть использованы как химическое оружие.

Три списка различаются между собой в основном по степени риска перечисленных в них химикатов для целей Конвенции. Чем выше степень риска, тем чаще должно проводиться инспектирование соответствующих объявленных площадок. Инспектирование промышленного производства списочных химикатов проводится для верификации того, что объявленная деятельность соответствует деятельности, осуществляемой на местах, и что химикаты, о которых идет речь, не используются в целях, запрещаемых КЗХО.

Число объявленных объектов, где осуществляется деятельность, связанная с химикатами из Списка 1, невелико. В настоящее время во всем мире объявлены немногим более 30 таких объектов. Эти химикаты не используются или очень незначительно используются в запрещаемых целях. Все объекты, связанные с химикатами из Списка 1, инспектировались, и неоднократно. Более 400 объектов, производящих химикаты, относящиеся к Списку 2, были объявлены, и примерно на 150 из них объем производства химикатов из Списка 2 вызывает потребность в инспекциях на местах. Все объекты, производящие химикаты из Списка 2 и считающиеся «подлежащими инспекции» в соответствии с критериями, установленными в «Приложении по проверке» КЗХО, подвергались первоначальной и последующим инспекциям объектов, производящих химикаты из Списка 3 и подлежащих инспектированию, более чем в два раза больше, чем из Списка 2. Значительное преобладание числа этих площадок обусловлено большим количеством производимых химикатов Списка 3. С учетом имеющихся ресурсов примерно на одной трети указанных площадок инспекторы ОЗХО провели верификацию на местах. Эти площадки определяются для миссий по инспектированию объектов, производящих химикаты Списка 3 на выборочной основе – с целью осуществления справедливого географического распределения и с учетом сравнительных рисков, которые могут представлять собой такие объекты в соответствии с положениями КЗХО.

В дополнение к инспекциям объектов на местах, которые производят химикаты, выбранные согласно «спискам» КЗХО, инспекторы Организации направляются также на те промышленные объекты, где имеются химикаты, содержащие один или более из трех элементов – это фосфор, сера и фтор. На этих объектах в ходе верификации упор делается не на определение того, используются ли сами химикаты для законных целей, а, скорее, на выявление того, что технология, применяемая при переработке этой триады химических элементов – фосфора, серы и фтора, соответствует заявленному, законным коммерческим целям, поскольку есть технологии, которые могут потенциально использоваться для перестройки производства на выпуск наиболее смертоносных компонентов химического оружия.

Так называемые «ПОХП», или «прочие объекты химического производства» – это заводские площадки, которые широко распространены по всему миру, и более 4000 таких площадок считаются «подлежащими инспектированию». Лишь сравнительно небольшая часть из общего числа «подлежащих инспектированию» площадок данного профиля (согласно данным на 30 апреля 2004 г., на «ПОХП» было проведено 189 инспекций) включалась на выборочной основе для верификации на месте, поскольку эта форма инспекции впервые была применена 29 апреля 2000 г.

Объем включенных в «Списки» химикатов, которые ежегодно импортируются и экспортируются, в мировом масштабе составляет в совокупности примерно 400 000 метрических т.

С целью предотвращения потенциальной угрозы распространения через передачу токсичных химикатов в КЗХО предусмотрено применение различного уровня ограничений в отношении таких международных передач в качестве дополнительной подстраховки режима нераспространения. К примеру, запрещается передача химикатов из Списков 1 и 2 любому государству – не участнику Конвенции. Передачи химикатов из Списка 3 государствам – не участникам Конвенции могут производиться лишь при условии получения от соответствующих органов власти государства-участника сертификата конечного пользователя. В сертификате подтверждается, что передаваемые химикаты будут использованы лишь в не запрещаемых Конвенцией целях. При этом подробно указываются типы и количества таких химикатов, а также имя и адрес агента, занимающегося передачей химикатов, и координаты соответствующего государства – не участника Конвенции.

Задача предотвращения распространения химического оружия требует на национальном уровне строгого применения мер, предусмотренных в КЗХО. Выполнение этой задачи возлагается на определенные органы власти страны – правительственные учреждения или агентства, специально назначаемые согласно законодательству для соблюдения положений КЗХО на национальном уровне. Власти страны, строго соблюдая режим нераспространения в рамках КЗХО, тем самым вносят ключевой вклад в повышение эффективности этого режима по ограничению доступа к токсичным химикатам и использованию их лишь в целях, которые, согласно КЗХО, считаются законными.

Государственные структуры 134 государств (по состоянию на 19 мая 2004 г.) представили первоначальные объявления, подробно и точно излагающие все прошлые или текущие виды деятельности, связанные с химическим оружием, отражающие наличие запасов ХО или производственные возможности в этой области. Задачей властей является также составление первоначальных и ежегодных объявлений о видах деятельности химической промышленности и передачах химикатов. Эти государственные органы несут ответственность за содействие беспрепятственному проведению первоначальных и последующих инспекций, за мониторинг в отношении воспрепятствования незаконному использованию химикатов, включенных в Списки, и предоставление правовой помощи на международном уровне по таким вопросам, как экстрадиция, если такая помощь требуется. В целях эффективного реагирования на просьбы о помощи со стороны любого государства-участника, которое либо подвергается угрозе химического нападения, либо становится пострадавшим в результате химического нападения, органы власти заявляют об избранных государством-участником средствах помощи или защиты. Власти страны также активно занимаются обменом информацией и опытом на региональном и двустороннем уровнях с тем, чтобы постоянно повышать эффективность режима нераспространения в рамках КЗХО. Региональное и международное сотрудничество является критически важным в содействии свободному обмену знаниями и технологиями с целью выполнения всеми государствами-участниками задач по развитию и использованию химической промышленности в мирных целях.

ПРОБЛЕМЫ НА ПУТИ К ДОСТИЖЕНИЮ ЦЕЛИ РАЗОРУЖЕНИЯ В ОБЛАСТИ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Уничтожение

Процесс уничтожения химического оружия занимает много времени, он сложен и требует значительных затрат. В КЗХО предусмотрен процесс уничтожения, в котором заявленные химические вещества, боеприпасы и другие устройства подвергаются конверсии до необратимой формы, т. е. становятся непригодными для производства химического оружия.

Более того, предусматривается, что такой процесс должен происходить в строго определенных временных рамках, хотя в конкретных случаях предоставлялись и отсрочки. Действуют четыре временные точки процесса уничтожения химического оружия: через

три года после вступления КЗХО в силу, то есть к 29 апреля 2000 г. должен был быть уничтожен один процент заявленных запасов химического оружия. На этом начальном этапе предполагалось, что первоочередной задачей государств-участников является строительство и апробирование специально построенных объектов по уничтожению ХО. Темпы уничтожения должны были значительно возрасти после третьего года выполнения КЗХО: к пятому году, или к 29 апреля 2002 г., предстояло ликвидировать уже 20% общих запасов химического оружия. Через семь лет, или к 29 апреля 2004 г., должна была быть достигнута отметка в 45%, и, наконец, к 29 апреля 2007 г. все заявленное химическое оружие, согласно временному графику КЗХО, должно быть ликвидировано.

Четыре из шести государств, обладающих химическим оружием, завершили первую фазу уничтожения: Индия, США и еще одно государство выполнили это требование до установленного КЗХО срока, в то время как Российская Федерация завершила уничтожение одного процента объявленных запасов химического оружия в апреле 2003 г. в рамках периода продления, предоставленного Конференцией государств-участников. Крупномасштабная работа в рамках программы уничтожения химического оружия в Российской Федерации началась в декабре 2002 г.

Второй промежуточный этап в уничтожении химического оружия был преодолен тремя государствами, обладающими химическим оружием: Индия и США смогли выполнить требования второго временного этапа, в то время как одно из государств-участников выполнило это требование в пределах предоставленного ему срока продления.

Государства-участники уже вложили значительные средства в процесс уничтожения, в разработку эффективных и приемлемых с точки зрения охраны окружающей среды технологий, а также в строительство объектов и поддерживающую их инфраструктуру. Значительный прогресс достигнут в проведении оценки и в разработке технологий уничтожения химического оружия. В дополнение к сжиганию и нейтрализации применялись и другие технологии уничтожения. Независимо от избранной и применяемой технологии в КЗХО предусматривается, что во время транспортировки, отбора проб, хранения и уничтожения химического оружия государства-участники обязуются уделять первоочередное внимание обеспечению безопасности людей и защите окружающей среды. Каждое государство-участник, занимающееся уничтожением химического оружия, обязано проводить такие операции в соответствии со своими национальными стандартами в области безопасности и ограничения выбросов в окружающую среду.

Следует отметить, что темпы строительства объектов для уничтожения химического оружия ускоряются впечатляющим образом – в полном соответствии с потребностями по уничтожению запасов такого оружия. В целом в течение 2003 г. и в начале 2004 г. на территории пяти государств-участников действовали одиннадцать объектов для уничтожения химического оружия. Ожидается, что в ближайшем будущем в США начнут работать еще три крупномасштабных объекта. Кроме того, планируется, что в текущем году в США начнут работать два небольших объекта, действующих на временной основе и предназначенных в основном для уничтожения ограниченных количеств отходов, образующихся в процессе уничтожения ХО.

Объявленные общие запасы химического оружия составляют 70 тыс. т и представляют собой самые смертоносные вещества, известные в мире. Часто они хранятся в снаряженных, но стареющих средствах доставки. Для сравнения можно отметить, что масса этих объявленных химических веществ равна водоизмещению атомного авианосца. Внушительной массе накопленных веществ соответствуют и огромные инвентарные запасы изделий – всего более восьми миллионов единиц, которые нужно в индивидуальном порядке обозначить, подсчитать, обезопасить, транспортировать и сделать не пригодными к использованию. Неудивительно, что из-за финансовых и оперативных трудностей случались задержки в выполнении программ уничтожения, которые осуществляются в пяти из шести государств-участников, объявивших о наличии у них ХО: Албании, Ливии, России, США и еще в одном государстве-участнике. Некоторые государства-

участники направили просьбы в полном соответствии с КЗХО о продлении соответствующих промежуточных сроков выполнения обязательств.

На Восьмой Конференции государств-участников, проведенной в октябре 2003 г. в Гааге, были рассмотрены и одобрены просьбы о продлении промежуточных сроков уничтожения объявленных запасов химического оружия, хранящегося в Российской Федерации, Соединенных Штатах Америки и еще в одном государстве-участнике. В качестве пересмотренного промежуточного срока уничтожения 20% химического оружия, объявленного Российской Федерацией, была установлена дата 29 апреля 2007 г. Более того, Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки и еще одно государство-участник получили разрешение на продление окончательного срока уничтожения 45% запасов ХО. Кроме того, на Конференции было принято решение считать 31 декабря 2007 г. последним днем ликвидации 45% запасов химического оружия Соединенных Штатов Америки.

В соответствии с положениями Конвенции срок ликвидации 100% запасов химического оружия, хранящегося в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки, ранее определенный к 29 апреля 2007 г., также был продлен.

Албания и Ливия – государства-участники Конвенции, совсем недавно объявившие о наличии у них химического оружия, обратились с просьбами о продлении для них промежуточных сроков ликвидации соответствующих запасов химического оружия.

Таким образом, ко времени написания этого материала, предполагалось, что по меньшей мере 45% общих запасов химического оружия должны были быть уже ликвидированы. Однако за исключением достойного подражания выполнению обязательств Индией все другие государства-участники не выдерживают установленных сроков. В итоге государства-участники, обладающие химическим оружием, достигли уровня ликвидации объявленных химических реагентов в 12,5% и 24% объявленных боеприпасов и контейнеров.

С учетом бремени, которое связано с трудностями технического, снабженческого и финансового порядка, которые приходится преодолевать государствам-участникам, обладающим химическим оружием, такие задержки понятны, хотя это не должно вызывать и не вызывает чувства самоуспокоенности или пораженчества.

Наоборот, приверженность государств-участников своим обязательствам и четкое понимание цели значительно усилились благодаря двум факторам:

1) Первая Конференция по обзору эффективности Конвенции единогласно призвала к скорейшей ликвидации этих видов оружия при поддержке всех государств-участников, способных внести вклад в достижение указанной цели;

2) обязательства по содействию и поддержке усилий России в области нераспространения, которые впервые прозвучали на встрече «Большой восьмерки» в Кананаскисе. Тогда было решено осуществить скоординированную международную кампанию «Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения», имеющую целью справиться с озабоченностями и угрозами в области нераспространения. Широкую поддержку вызвало предложение «10 плюс 10 на 10» по сбору 20 млрд долл. США в течение последующих десяти лет (в рамках этого предложения – обязательство США выделить 10 млрд долл. при одновременном выделении 10 млрд долл. другими членами «восьмерки» в течение десяти лет). Это предложение сопровождалось набором принципов и направлений деятельности по эффективному осуществлению программ и было одобрено на встрече «восьмерки» в Эвиане в 2003 г., где прозвучало приглашение к участию в программе другим странам, не входящим в «Большую восьмерку». На Первой Конференции по рассмотрению действия Конвенции была высказана поддержка сотрудничеству между многими государствами-участниками в области оказания помощи некоторым обладающим химическим оружием государствам-участникам в выполнении последними обязательств по ликвидации их ХО. Прозвучал также

призыв к государствам-участникам, которые готовы и способны это сделать, продолжить сотрудничество в указанной области с использованием, если необходимо, соответствующих международных механизмов.

При наличии твердой решимости со стороны международного сообщества предоставить политическую и финансовую поддержку государствам, обладающим химическим оружием, которым может потребоваться такая помощь или в случае ее запроса, задача по ликвидации ХО, согласно положениям КЗХО, будет решена в рамках продленных сроков.

ОПТИМИЗАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСОВ ВЕРИФИКАЦИИ

Как уже отмечалось выше, верификация необратимости уничтожения химического оружия требует проведения точной инвентаризации всех подлежащих ликвидации изделий и реагентов, а также факта их реального уничтожения. Этот активный процесс может быть оптимизирован с тем, чтобы число инспекторов, занятых в связанном с этим процессом мониторинге, можно было бы сократить, не нанося ущерба выполнению задачи: точного подтверждения деятельности по обеспечению достаточного уровня уверенности и доверия к тому, что все изделия, предназначенные для уничтожения, уничтожены фактически и без каких-либо изъятий.

Предлагаемые меры по усовершенствованию используемых процедур верификации в настоящее время тщательно анализируются и оцениваются, поскольку прогнозируемое усиление активности в области ликвидации химического оружия, несомненно, вызовет потребность в соразмерном и значительном повышении активности по инспектированию, в то время как наличные ресурсы уже в полной мере используются на основе принятой сейчас методологии. В будущем Организация столкнется с потребностью в более масштабном контроле за ликвидацией химического оружия. Кроме того, объемы объявленных реагентов и снаряжения также будут возрастать по мере расширения членства в Организации. Предваряя такое развитие событий, оптимизация инспекционной деятельности даст возможность сохранить качество «продукта», который поставляет ОЗХО, даст уверенность в отсутствии отклонений и необратимости ликвидации химического оружия, одновременно давая возможность использовать имеющиеся ресурсы для мониторинга большего числа объектов. В связи с этим технический мониторинг, например мониторинг с помощью замкнутой телевизионной системы, выявление и устранение процедурных накладок, последующие инспекции и сокращение численности групп инспекторов позволят высвободить ресурсы для их дополнительного использования.

УКРЕПЛЕНИЕ МЕР НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

По состоянию на 17 февраля 2004 г. около 60% государств-участников применяли законодательство, предусматривающее преследование за нарушение положений КЗХО гражданами своих стран. Однако в действительности из числа этих стран только в некоторых выполняются все требования, предусмотренные в договоре для обеспечения эффективного применения процедуры верификации, действия механизмов нераспространения и судебного преследования. Этот разрыв в юридической базе представляет собой латентную угрозу, на которую следует немедленно реагировать, чтобы предотвратить саму возможность незаконной деятельности и создать надежный заслон вероятным злоупотреблениям. На Первой Конференции по рассмотрению действия Конвенции требование по укреплению мер по соблюдению КЗХО на национальном уровне было определено как первоочередная задача и был разработан План действий, согласно которому предусматривается концентрация усилий на осуществлении многосторонних и двусторонних программ поддержки, а при выявлении любых недостатков будет обеспечиваться их устранение. В этом аспекте вопрос об эффективности механизма регулирования при передаче химикатов – их импорте и экспорте – является критически важным для поддержания доверия к КЗХО и достижения ее универсальности.

ПОДДЕРЖАНИЕ ДОВЕРИЯ К РЕЖИМУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

За прошедшие четыре года – после начала проведения инспекций «Прочих объектов химического производства», или «площадок ПОХП», – Организация выделила достаточное количество ресурсов для инспектирования около пяти процентов из общего числа объявленных и подлежащих проверке коммерческих химических объектов. Доля ресурсов, которые должны направляться на выполнение этой задачи в будущем, должна соответствовать результатам этого вида деятельности, направленной на повышение эффективности режима нераспространения. Государства-участники подтвердили необходимость в обеспечении адекватной частоты инспекций и их интенсивности по каждой категории объявленных объектов в соответствии со Статьей VI («Не запрещаемые цели»), принимая во внимание все факторы, предусмотренные в Конвенции, в том числе, среди прочего, риски при выполнении задач и целей Конвенции и справедливого географического распределения.

ВОЗНИКАЮЩАЯ УГРОЗА: ХИМИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ

Переговоры по КЗХО проходили в эпоху конфронтации сверхдержав, в связи с чем усиливались опасения относительно возможного нанесения ответного удара, который мог быть применен в качестве средства сдерживания. Количество реагентов для ведения войны с применением химического оружия, накопленное в ту эпоху, свидетельствует о наличии такого стратегического подхода. Запрещение, уничтожение и ликвидация этого «наследия» – запасов химического оружия – это ключевые цели, которые в последней четверти прошлого столетия поставили разработчики КЗХО.

С наступлением эпохи «апокалиптического» терроризма или терроризма с использованием ОМУ, приобретение и использование химического оружия и его прекурсоров со стороны негосударственных игроков было признано намного более опасной и непосредственной угрозой для безопасности международного сообщества, чем первоначально вызывавшие страх угрозы массированного применения химического оружия на поле боя. В настоящее время считавшиеся ранее незначительными в военном отношении количества химикатов могут оказаться безжалостно эффективными средствами уничтожения в случае их применения в местах массового проживания гражданских лиц. Первое применение химического оружия в террористических целях имело место в 1995 г. в городах Мацумото и Токио. С того времени, когда «культ судного дня» – секта «Аум Синрикё» произвела и применила зарин в населенном пункте и в метро, отравив сотни людей и убив 12 пассажиров метро, повторения подобной атаки, к счастью, не было. Тем не менее, вызывают тревогу частые аресты и сообщения о попытках произвести либо накопить отравляющие вещества, которые могут быть использованы отдельными лицами или группами в террористических целях.

Конвенция о запрещении химического оружия и ОЗХО появились до этих событий. Однако, хотя ОЗХО не задумывалась в качестве антитеррористического учреждения, КЗХО ясно запрещает любое применение химического оружия как физическими, так и юридическими лицами. Неукоснительное соблюдение государствами-участниками положений Конвенции может послужить средством контроля над материалами, использование которых возможно в целях нападения, чтобы такие материалы не попали в руки террористов. В то же время ОЗХО обеспечивает государствам-участникам подготовку персонала и передачу экспертных знаний, необходимых для того, чтобы противостоять таким угрозам, создать национальную инфраструктуру, способную быстро реагировать на появление признаков уязвимости и поддерживать возможность эффективного ответа на угрозы в случае появления в этом необходимости.

Совет Безопасности ООН, приняв Резолюцию 1540 от 28 апреля 2004 г., признал полезность КЗХО, а также других многосторонних конвенций и договоров по контролю над вооружениями и разоружению. В качестве правовых документов, в которых содержится стремление предотвратить или ограничить доступ к оружию и средствам массового уничтожения, эти конвенции могут эффективно применяться для снижения угрозы в об-

ласти распространения со стороны террористов. Резолюция принята в соответствии с положениями главы VII Устава ООН, и все государства, включая те, которые еще не присоединились к Конвенции, обязаны укреплять международное сотрудничество, в том числе в рамках ОЗХО, и содействовать всеобщему соблюдению положений КЗХО и ее полному применению.

Резолюция 1540 предусматривает, что ОЗХО и подобные ей многосторонние организации, занимающиеся вопросами разоружения и нераспространения, должны принимать решительные меры, чтобы заполнить «разрывы» в правовой сети с тем, чтобы появился надежный инструмент пресечения любой попытки обойти коллективно согласованные меры контроля и запрещения применения химического оружия. Эта резолюция поможет укрепить коллективную безопасность и значительно усилит применение правовых норм, необходимых для защиты безопасности граждан.

ОТВЕЧАЯ НА ХИМИЧЕСКИЙ ТЕРРОР: ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СРЕДИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ

Государства-члены ОЗХО вносят вклад во взаимную безопасность через добросовестное выполнение положений Конвенции. Это подразумевает быстрое уничтожение объявленных запасов, поскольку угроза терроризма повышает опасность нападения на хранилища химического оружия с целью причинения массированного ущерба или захвата оружия, хранящегося на таких объектах. Принятие эффективного законодательства всеми государствами станет мерой, которая затруднит террористам поиски и возможность найти убежище. Государства-участники ОЗХО полностью осознают взаимосвязь между Планом действий ОЗХО по укреплению национальных мер для осуществления и выполнения ими Резолюции 1540. Для тех государств, которые еще не присоединились к КЗХО, в Резолюции 1540 предусматривается дополнительное поощрение, чтобы они безотлагательно сделали такой шаг. При этом защита, предлагаемая в результате согласованного применения мер, изложенных в Резолюции 1540, будет наиболее эффективной в комплексе с другими мерами, необходимыми для соблюдения положений КЗХО.

Повышение уровня эффективности Конвенции приведет к большей достоверности и сравнимости данных, собираемых государствами-участниками с целью составления ежегодных объявлений. Это даст государствам-участникам КЗХО намного более четкую оценку будущего химической промышленности в будущих глобальных масштабах, чем сейчас, и послужит основой для «раннего упреждения» и предотвращения любой незаконной деятельности.

Выполнение требований относительно ограничений при передачах химикатов из Списков 1 и 2, а также требование о выдаче сертификатов конечного пользователя будет способствовать установлению непреодолимых препятствий для незаконного приобретения или производства химического оружия негосударственными акторами.

ВЫВОДЫ

Планы действий ОЗХО по достижению универсальности и Меры по применению КЗХО на национальном уровне вместе с положениями Резолюции Совета Безопасности ООН 1540 представляют собой новое измерение в многостороннем разоружении. В международном праве такое обязательство содержится в виде требования принятия обязательных мер всеми ответственными государствами с целью эффективной защиты своего населения. Что касается мер и механизмов, необходимых для выполнения обязательств по ликвидации оружия массового уничтожения, то они постоянно развивались: от стратегических расчетов с нулевой отметкой времен холодной войны (в эту деятельность была вовлечена небольшая группа государств, обладавших химическим оружием) и до безусловного обязательства, которое должны соблюдать все государства.

Эта эволюция отражает реалистический и своевременный ответ на угрозу коварного удара, подвергнуться которому может любое государство и в любое время. Технология, материалы и ноу-хау, необходимые для планирования и осуществления химического нападения, все еще более доступны, чем составляющие компоненты для разработки самодельного устройства с использованием радиологических или биологических материалов. И только осознание существующего риска и постоянная бдительность со стороны всех государств могут обеспечить адекватные гарантии выявления случаев незаконной деятельности и ликвидацию малейших возможностей проведения такой деятельности. Меры по защите гражданского населения и меры по нераспространению должны быть скоординированы на международном уровне с учетом широкой распространенности угрозы терроризма. Ни одно государство не сможет в одиночку эффективно воспрепятствовать осуществлению подобных преступлений. КЗХО представляет собой выдающееся достижение в многостороннем разоружении, и особая ценность Конвенции заключается в ее способности адаптироваться к новым угрозам, бросающим вызов ее сути и целям. КЗХО – это мощное средство эффективного воспрепятствования доступу государств и террористов к таким опасным видам оружия, как химическое.

Примечание

¹ Перевод – В.В. Наталуха.

Возможности России в развитии экономического сотрудничества с зарубежными странами в области атомной науки и техники определяются ее значительным научно-техническим потенциалом и опытом сооружения ядерных научных и энергетических объектов за рубежом.

Поддержание достигнутого уровня и дальнейшее развитие внешнеэкономической деятельности в отрасли имеет общегосударственное значение, так как через ее связи с другими отраслями и производствами появляется возможность получения новых заказов и рабочих мест для многих предприятий. Так, реализация уже подписанных контрактов на строительство АЭС в Иране, Китае и Индии на общую сумму около 5 млрд долл. США на ближайшие 6–7 лет позволила обеспечить в России порядка 300–400 тыс. рабочих мест в отраслях, чьи предприятия принимают участие в сооружении этих станций. Кроме того, обеспечивается также поступление значительных валютных средств в течение всего срока службы АЭС (40 лет) за счет поставок ядерного топлива, запасных частей и оказания услуг по эксплуатации и модернизации построенных энергоблоков. В частности, только ежегодные комплексные услуги в обеспечении зарубежных АЭС топливом способны принести 350–400 млн долл. США.

Возможности России для дальнейшего развития сотрудничества с зарубежными странами в области сооружения атомных электростанций в значительной степени сдерживаются практическим прекращением строительства новых объектов в России. Следствием этого является сокращение объемов производства отечественного атомного энергетического оборудования, отвечающего современным требованиям по качеству и надежности, поскольку сказываются длительные перерывы в поставках такого оборудования. Естественно, что при выборе поставщиков АЭС потенциальные иностранные заказчики учитывают эти неблагоприятные для нас обстоятельства, что при наличии жесткой конкуренции, существующей на рынке АЭС, позволяет им либо отказаться от сотрудничества с Россией, либо добиваться наиболее выгодных для себя экономических условий сотрудничества.

Строительство атомных энергетических объектов за рубежом относится к стратегическим видам сотрудничества, которое характеризуется высоким уровнем политического, финансового и технического риска – как для поставщиков, так и для заказчиков. В силу этого в современной практике такое сотрудничество осуществляется при активной государственной поддержке, которая заключается в предоставлении государством соответствующих гарантий выполнения долгосрочных обязательств. При сооружении объектов эти гарантии включают предоставление экспортных кредитов и обеспечение финансирования, а также финансирование научно-исследовательских и околоконструкторских разработок (НИОКР), услуги в области ядерного топливного цикла, поставку запасных частей и др. Именно поэтому политико-экономические изменения, которые в недавнем прошлом произошли в бывшем СССР и странах Восточной Европы, не могли не оказать негативного воздействия на состояние и перспективы нашего сотрудничества в сооружении АЭС за рубежом.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Соглашением между бывшим СССР и Республикой Индией, подписанным 20 ноября 1988 г., было предусмотрено сооружение в Индии на подрядных условиях атомной электростанции с двумя блоками типа ВВЭР-1000.

Однако в 1991 г. была прекращена либо приостановлена реализация всех межправительственных соглашений бывшего СССР о сотрудничестве в области атомной энергетики. К моменту приостановки сотрудничества по объекту в 1991 г. организациями сторон были выполнены работы по подтверждению выбранной площадки строительства, согласованы предельные базовые затраты по сооружению АЭС, согласован и парафирован проект контракта на разработку технического проекта.

В соответствии с Указом Президента России № 472 от 21 апреля 1993 г. «О выполнении Российской Федерацией межправительственных соглашений о сотрудничестве в сооружении атомных электростанций за рубежом», в 1993–1994 гг. с Комиссией по атомной энергии Индии проведены переговоры о возобновлении сотрудничества при условии внесения в текст вышеуказанного Соглашения ряда изменений в части структуры сотрудничества и предоставления государственного кредита. В частности, в проекте Дополнения к Соглашению от 1998 г. предусматривается изменение условий сотрудничества (техническое содействие вместо генерального подряда), а также изменение условий предоставления и погашения государственного кредита.

После нескольких раундов переговоров, проходивших в течение 1995–1998 гг., стороны согласовали Дополнение к Соглашению от 20 ноября 1988 г. Оно было подписано российской стороной (Минатом России) и индийской стороной (Комиссия по атомной энергии Индии) 21 июня 1998 г.

В перечень обязательств российской стороны вошли:

- разработка проектной и технической документации для лицензирования станции, а также для ее строительства и эксплуатации;
- поставка на условиях франко-борт (ФОБ) российские порты комплектного оборудования, включая учебный тренажер, приборы, устройства, расходные материалы для АЭС, запасные части по нормам заводов-изготовителей для использования в гарантийный период, а также специальные материалы, производимые в Российской Федерации;
- поставка оборудования и специальных материалов, необходимых для выполнения обязательств российских организаций по сооружению предусмотренных Соглашением ряда объектов станции на условиях подряда;
- производственно-техническое обучение индийских специалистов в Российской Федерации;
- поставка ядерного топлива и управляющихборок, необходимых для первоначальной загрузки и пяти последующих перегрузок для каждого энергоблока АЭС.

По условиям Межправительственного соглашения от 20 ноября 1988 г. и Дополнения к нему от 21 июня 1998 г. правительство Индии обязуется исключительно в мирных целях и с обеспечением режима гарантий МАГАТЭ использовать реакторные установки и ядерное топливо, которые будут поставляться из России, а также ядерные материалы из альтернативных источников, которые могут использоваться в этих реакторах.

С целью исполнения Межправительственного соглашения 20 июля 1998 г. был подписан Контракт на разработку технического проекта АЭС «Куданкулам». Контракт был заключен между Корпорацией по атомной энергии Индии (ИКАЭЛ) и ЗАО «Атомстройэкспорт» и вступил в силу в марте 1999 г. В рамках визита в Россию премьер-министра Индии А.Б. Ваджапаи 5–6 ноября 2001 г. министр по атомной энергии РФ А.Ю. Румянцев и секретарь департамента по атомной энергии правительства Индии, председатель Комиссии по атомной энергии д-р А. Какодкар подписали Меморандум об основных принципах сотрудничества по сооружению АЭС «Куданкулам».

В те же дни, 6 ноября 2001 г., ЗАО «Атомстройэкспорт» и Корпорация по атомной энергии Индии подписали Генеральное соглашение о сооружении АЭС «Куданкулам» (Блоки 1 и 2). В Соглашении были определены объемы поставок и услуг российской стороны, взаимные обязательства сторон и график сооружения объекта (68 месяцев с даты заливки первого бетона в фундаментную плиту Блока 1).

Позднее в развитие этого Соглашения был заключен ряд контрактов на поставки и услуги российских организаций. Контракт на разработку рабочей документации для строительства АЭС «Куданкулам» подписан ИКАЭЛ и ЗАО «Атомстройэкспорт» 17 декабря 2001 г., и 12 февраля 2002 г. подписан Контракт на поставку оборудования с длительным циклом изготовления.

Со дня заливки первого бетона – 31 марта 2002 г. – начался отсчет срока сооружения и введения в эксплуатацию первого блока АЭС. В соответствии с графиком работ введение в эксплуатацию второго блока планируется через 12 месяцев после пуска первого блока.

В настоящее время работы на объекте ведутся в соответствии с согласованными графиками.

Основные показатели развития атомной энергетики Индии

Потребности Индии в электроэнергии в настоящее время в основном обеспечиваются преимущественно за счет ресурсов угля и гидроресурсов, которые играют второстепенную роль. Запасы угля сосредоточены на востоке страны, и для районов, расположенных вблизи угольных месторождений, ТЭС по-прежнему остаются источниками энергии. Однако чтобы обеспечить потребности Индии в электроэнергии, как показали расчеты, произведенные в Центре атомных исследований им. Индиры Ганди, угольных ресурсов страны хватит не более чем на 50–70 лет. Ядерные ресурсы могут обеспечить потребность в электроэнергии в течение нескольких столетий, кроме того, они имеют преимущество перед угольными с экологической точки зрения. Ядерные технологии Индии достаточно развиты для того, чтобы достойно участвовать в обеспечении потребностей страны в электроэнергии. В настоящее время атомная энергия становится более выгодной по сравнению с тепловой энергией, особенно для южных и западных районов Индии, удаленных от угольных разрезов и страдающих от недостатка гидроресурсов.

В соответствии с Ежегодным отчетом Департамента по атомной энергии (ДАЭ) за 2002–2003 финансовый год, в настоящее время в Индии эксплуатируется 14 блоков, их установленная мощность составляет 2720 МВт; доля атомной энергии в энергетическом комплексе составляет 3%; в течение 2002 г. на 9 блоках коэффициент использования установленной мощности (КИУМ) составил больше 90%.

В 2002–2003 гг. выработано 19 242 млн единиц электроэнергии (в 2001–2002 гг. выработано 19 199 млн ед.); средний КИУМ составил 90%; продажа электроэнергии, за вычетом налогов и потребления электроэнергии на собственные нужды, увеличилась на 6%; прибыль ИКАЭЛ по сравнению с 2001–2002 гг. увеличилась на 15%.

Как отмечается в Ежегодном отчете ДАЭ, все атомные электростанции сертифицированы в соответствии с ISO-14001. В течение последнего года на эксплуатируемых АЭС не было отмечено нештатных ситуаций (стройка АЭС «Куданкулам» была признана самой безопасной в Индии среди строящихся АЭС).

На сегодняшний день на территории страны одновременно ведется сооружение 9 блоков. Основные параметры станций приведены в прилагаемых Таблицах 1 и 2 (Таблицы составлены на основании данных ежегодного отчета Департамента по атомной энергии Индии за 2002–2003 финансовый год).

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ ИНДИИ

По информации Департамента по атомной энергии Индии, запасы природного урана в Индии до последнего времени оценивались в 78 000 т. После недавних открытий место-

Таблица 1

Атомные электростанции в Индии

В эксплуатации – 14 блоков

Ведется сооружение – 9 блоков

АЭС	Тип реактора	Состояние	Штат	Мощность, МВт (э)	Выработка Э/э, млн ед. за 2002 г.	КИУМ, % за 2002 г.
Кайга-1	Тяжеловодный	В эксплуатации	Карнатака	220	3457	90
Кайга-2	Тяжеловодный	В эксплуатации	Карнатака	220		
Кайга -3	Тяжеловодный	Ведется сооружение	Карнатака	220		
Кайга-4	Тяжеловодный	Ведется сооружение	Карнатака	220		
Какрапар-1	Тяжеловодный	В эксплуатации	Гуджарат	220	3660	95
Какрапар-2	Тяжеловодный	В эксплуатации	Гуджарат	220		
Мадрасская АЭС-1	Тяжеловодный	В эксплуатации	Тамилнад	170	1048	69
Мадрасская АЭС-2	Тяжеловодный	В эксплуатации	Тамилнад	170		
Нарора-1	Тяжеловодный	В эксплуатации	Уттар Прадеш	220	3613	94
Нарора-2	Тяжеловодный	В эксплуатации	Уттар Прадеш	220		
Раджастан-1	Тяжеловодный	В эксплуатации	Раджастан	100	293	
Раджастан-2	Тяжеловодный	В эксплуатации	Раджастан	200	1568	89
Раджастан-3	Тяжеловодный	В эксплуатации	Раджастан	220	3344	87
Раджастан-4	Тяжеловодный	В эксплуатации	Раджастан	220		
Раджастан-5	Тяжеловодный	Ведется сооружение	Раджастан	220		
Раджастан-6	Тяжеловодный	Ведется сооружение	Раджастан	220		
Тарапур-1	Кипящий реактор	В эксплуатации	Махараштра	160	2573	92
Тарапур-2	Кипящий реактор	В эксплуатации	Махараштра	160		
Тарапур-3	Тяжеловодный	Ведется сооружение	Махараштра	540		
Тарапур-4	Тяжеловодный	Ведется сооружение	Махараштра	540		
Куданкулам-1	Легководный ВВЭР-1000	Ведется сооружение	Тамил Наду	1000		
Куданкулш-2	Легководный ВВЭР-1000	Ведется сооружение	Тамил Наду	1000		
Каяпаккам	Реактор на быстрых нейтронах	Ведется сооружение	Тамил Наду	500		

Параметры эксплуатируемых реакторов к 31 мая 2003 г.

Блоки	Тип реактора	Суммарная мощность, МВт	Месторасположение, штат	Дата достижения критичности	Дата начала коммерческой эксплуатации	Суммарная выработанная энергия, МВт (э)
Тарапур-1	Кипящий реактор	160	Тарапур, Махараштра	1.02.1969	28.10.1969	31 585
Тарапур-2	Кипящий реактор	160	Тарапур, Махараштра	28.02.1969	28.19.1969	31 681
Раджастан – 1	Тяжеловодный	100	Кота, Раджастан	11.08.1972	16.12.1973	11 445
Раджастан – 2	Тяжеловодный	200	Кота, Раджастан	08.10.1980	01.04.1981	22 372
Раджастан – 3	Тяжеловодный	220	Кота, Раджастан	24.12.1999	01.06.2000	4686
Раджастан – 4	Тяжеловодный	220	Кота, Раджастан	3.11.2000	23.12.2000	3930
Калпаккам – 1	Тяжеловодный	170	Калпаккам, Тамил Наду	2.07.1983	27.01.1984	19 362
Калпаккам – 2	Тяжеловодный	170	Калпаккам, Тамил Наду	12.08.1985	21.03.1986	16 192
Нарора-1	Тяжеловодный	220	Нарора, Уттар Прадеш	12.03.1989	01.01.1991	14 686
Нарора-2	Тяжеловодный	220	Нарора, Уттар Прадеш	24.10.1991	01.07.1992	14 487
Какрапар-1	Тяжеловодный	220	Какрапар, Гуджарат	03.09.1992	06.05.1993	13 416
Какрапар-2	Тяжеловодный	220	Какрапар, Гуджарат	01.01.1995	01.09.1995	12 461
Кайга-1	Тяжеловодный	220	Карвар, Карнатака	26.09.2000	16.11.2000	3945
Кайга-2	Тяжеловодный	220	Карвар, Карнатака	24.09.1999	16.03.2000	4868

рождений в Мегхалае, Андхра-Прадеше, Ориссе и Раджастане можно сказать, что запасы достаточны для выработки 15 ГВт(э) на тяжеловодных реакторах. Запасы тория в Индии составляют 518 000 т. Их достаточно для выработки 350 ГВт(э) в течение 100 лет. Ядерная программа реализуется в три этапа, с учетом ограниченных урановых ресурсов и большого количества тория в стране.

Первый этап общей программы развития атомной энергетики Индии завершен: индийская атомная промышленность освоила технологию выработки электроэнергии на тяжеловодных реакторах, которые в качестве топлива используют природный уран (99% изотопов U-238 и 1% изотопов U-235). Это обеспечивает выработку 10 ГВт (э).

В настоящее время начался второй этап развития индийской атомной энергетики. Задача второго этапа – использование в замкнутом цикле реактора на быстрых нейтронах плутония и обедненного урана, получаемого из отработавшего ядерного топлива на тяжеловодных реакторах. Эта технология обеспечит выработку 300 ГВт (э). На втором этапе осваивается технология реакторов на быстрых нейтронах, которые вырабатывают больше U-233, участвующего в ядерной реакции. В качестве топлива в таких реакторах используется Pu-239, получаемый на тяжеловодных реакторах, U-238 и Th-232 (в форме бланкетов). В реакторах на быстрых нейтронах Th-232, поглощая нейтроны из атома Pu-239, вырабатывает U-233. В результате в реакторе вырабатывается больше урана, чем загружается.

Первый испытательный реактор на быстрых нейтронах мощностью 40 МВт (э) был сооружен в Индии в октябре 1985 г. в Центре атомных исследований им. Индиры Ганди в Калпакке. 2 сентября 2003 г. правительство Индии одобрило предложение о сооружении в Калпакке, шт. Тамил Наду, реактора на быстрых нейтронах мощностью 500 МВт. Планируется, что блок будет вырабатывать 2 585 млн единиц электроэнергии в год при КИУМ 75%. Проектный срок эксплуатации реактора 40 календарных лет. Коммерческая эксплуатация блока должна начаться в 2011 г. К 2020 г. в Индии предстоит построить еще четыре реактора на быстрых нейтронах мощностью 500 МВт каждый. Сооружение реактора на быстрых нейтронах ведет фирма «BHAVINI», 75% акций которой контролируется правительством Индии, 5% – принадлежит индийской Корпорации по атомной энергии и оставшиеся 20% составили облигации государственного займа. Одновременно правительство одобрило сооружение завода по переработке урана в Бандхуранге, шт. Джаркханд. Завод сможет перерабатывать 2250 т сухой руды в день. Строительство завода должно завершиться в 2006 г.

Завершающим этапом программы развития атомной энергетики в Индии будет внедрение наиболее надежной технологии – без использования плутония. На этой стадии планируется сооружение усовершенствованных тяжеловодных реакторов, в которых в качестве топлива будут использоваться Th-232 и U-233. В таком реакторе ядерная реакция будет самоуравновешивающаяся: после первой загрузки U-233 будет сам воспроизводиться в реакторе благодаря периодическому добавлению Th-232. Проект усовершенствованного тяжеловодного реактора мощностью 300 МВт был разработан в Центре атомных исследований им. Индиры Ганди, его сооружение планируется начать еще до конца 2004 г.

Главной задачей программы развития атомной энергетики в Индии является достижение 20 000 МВт установленной мощности к 2020 г., а также увеличение доли энергии, вырабатываемой на АЭС, до 10%. В настоящее время в правительстве Индии обсуждается проект Дополнения к Закону об атомной энергии, предусматривающий возможности привлечения в атомную энергетику и частных инвестиций, в том числе иностранных. Предполагается, что реформы в области финансирования атомной энергетики начнутся в течение ближайшего года.

Ввиду предстоящих реформ системы финансирования отрасли индийская сторона активизирует сотрудничество с ведущими западными странами. В качестве одного из вариантов сотрудничества рассматривается создание совместных предприятий для сооружения и эксплуатации АЭС.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Как отмечается в Ежегодном отчете ДАЭ, в соответствии с двусторонними соглашениями Индия активно развивает сотрудничество с Германией, Францией и Италией – в области сооружения и эксплуатации АЭС, а также с Вьетнамом – в научно-исследовательской области. Развивается сотрудничество Ядерной регулирующей комиссии Индии (ЯРКИ) с Ядерной регулирующей комиссией США. Во время визита во Францию в сентябре 2003 г. секретарь Департамента по атомной энергии А. Какодкар заявил, что Индия готова рассмотреть предложения иностранных партнеров о сотрудничестве, в частности предложения Франции.

Активно развивается сотрудничество Индии с США в области энергетики. Во время визита премьер-министра Индии А.Б. Ваджпай в США в сентябре 2003 г. была достигнута договоренность о развитии научно-технического сотрудничества, в частности в области медицины, энергетики и новейших материалов. Регулярно проводятся встречи между индийским регулирующим органом ЯРКИ и Американской ядерной регулирующей комиссией. Как указывается в пресс-релизах ЯРКИ, в рамках таких встреч проводятся совещания и происходит обмен информацией по вопросам лицензирования, безопасной эксплуатации и модернизации АЭС, а также пожарной безопасности.

В январе 2004 г. американская сторона объявила о подписании соглашения с Индией о сотрудничестве в области высоких технологий, мирного использования атомной энергии и космических разработок. Индия как член МАГАТЭ принимает участие в международном проекте «Новые ядерные реакторы и топливные циклы». Три подразделения Департамента по атомной энергии – ИКАЭЛ, Центр ядерного топлива, Департамент атомных минералов – являются членами Всемирной ядерной ассоциации. Индия и Европейская организация ядерных исследований (CERN) договорились о дальнейшем расширении сотрудничества в области фундаментальных ядерных исследований.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Просьба индийской стороны об увеличении количества энергоблоков на площадке АЭС «Куданкулам» прозвучала в ходе визитов премьер-министра Индии А.Б. Ваджпай в Россию в 2001 и 2003 гг.

В то же время перспективы расширения сотрудничества с Индией в области мирного использования атомной энергии находятся в прямой зависимости от решения вопросов, связанных с требованиями международного режима нераспространения ядерного оружия.

Индия не является участником Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и не является – в соответствии с положениями этого Договора – ядерным государством. В настоящее время не вся ядерная деятельность Индии поставлена под гарантии МАГАТЭ.

В 1992 г. Россия приняла на себя международные обязательства, согласно которым российский ядерный экспорт в неядерные страны возможен только при условии постановки всей ядерной деятельности страны-получателя под контроль (гарантии) МАГАТЭ. В этих условиях наши возможности сотрудничества с Индией в области ядерной энергетики ограничиваются, по сути дела, только сооружением двух блоков на АЭС «Куданкулам».

В 1998 г. Индия стала страной, де-факто обладающей ядерным оружием и рассматривающей его как фактор, обеспечивающий ядерное сдерживание и национальную безопасность. Индийское руководство неоднократно заявляло о том, что от ядерного выбора не откажется. В то же время даже в этих условиях заметна конкуренция между ведущими ядерными поставщиками, которые находятся в таком же положении, как и Россия.

Несмотря на ранее проводимую в отношении Индии политику отказа от сотрудничества в ядерной области, американская администрация после событий 11 сентября 2001 г. вступила в диалог с Индией и Пакистаном по широкому спектру вопросов, включая обеспечение безопасности оружейных материалов.

Одновременно, по имеющимся данным, США активизируют усилия, направленные на укрепление своих позиций в Индии и на продвижение американских энергетических компаний на индийском рынке. Французская компания «Фраматом» при поддержке правительства страны стремится создать необходимые условия для последующего своего участия в программе сооружения индийских АЭС.

В пакет индийских предложений по сотрудничеству с Россией входят такие крупные проекты, как сооружение шести блоков (ближайшая перспектива – 3-й и 4-й блоки) на АЭС «Куданкулам», а также поставки топлива и оборудования для действующих индийских АЭС.

Таким образом, возможности для расширения российско-индийского сотрудничества в ядерной области зависят от следующих разноплановых факторов внутреннего и международного характера:

а) *Позиция Группы ядерных поставщиков (ГЯП).* После произведенного Индией испытания 1974 г. страны-поставщики ядерных технологий пришли к выводу о необходимости выработать новые международные нормы экспортного контроля. Кроме того, был нужен специальный институт, не привязанный к ДНЯО напрямую, что дало бы возможность странам, не присоединившимся к Договору, участвовать в многостороннем режиме контроля над ядерным экспортом. С этой целью в 1975 г. была образована Группа ядерных поставщиков (ГЯП).

В 1992 г. Группой ядерных поставщиков (ГЯП) были приняты три новых важных документа, касающихся экспорта товаров и технологий двойного использования, применяемых в ядерной области: Перечень упомянутых технологий, Руководящие принципы и Меморандум о взаимопонимании по процедурным вопросам. Государство, подписавшее Меморандум, обязывалось обмениваться информацией и уведомлять партнеров о предоставленных и неутвержденных лицензиях. Члены ГЯП также приняли правило, согласно которому, **хотя окончательное решение о выдаче лицензии принимает каждое государство, исходя из собственного понимания проблемы**, все участники обязуются не разрешать экспорт без предварительной консультации с правительством страны, по тем или иным причинам запретившей экспорт данного товара или технологии.

Россия в 2001 г., имея формальное право собственного понимания проблемы, проявила политическую волю и без консультаций с Группой поставила ядерное топливо для индийской АЭС «Тарапур». В результате она подверглась резкой критике со стороны остальных участников Группы.

В 2003 г. на заседании ГЯП Россия и Франция провели консультации с другими участниками Группы, имея в виду строительство новых блоков АЭС в Индии, но столкнулись с твердой отрицательной позицией представителя США, поддержанной остальными участниками. Если такая позиция ГЯП в ближайшее время не изменится, Индия может пойти на ряд односторонних мер, в том числе на самостоятельное создание реакторных установок малой и средней мощности, которые не будут поставлены под контроль (гарантии) МАГАТЭ, что явно будет вести к размыванию режима нераспространения. Такая альтернатива вряд ли может устроить как ГЯП в целом, так и отдельных участников этой Группы, и, соответственно, может повлиять на их позицию в отношении Индии.

б) *Даже сегодняшний уровень российского присутствия на энергетическом рынке Индии становится объектом конкуренции со стороны ведущих западных компаний.* С учетом этого обстоятельства в этом важном секторе российско-индийского сотрудничества необходима последовательная работа с целью закрепления и расширения на нем российских позиций.

в) *Уровень российско-индийского сотрудничества в вопросах ядерной безопасности.* Необходимо расширение и активизация этой области сотрудничества.

г) *Внесение определенных корректив в подходы к выполнению российских обязательств*, вытекающих из международных договоров, подписанных Российской Федерацией, в частности со странами, входящими в Группу ядерных поставщиков.

д) Принятие правительством России (при одобрении Государственной думой) Постановления о сотрудничестве с Индией в сооружении новых блоков АЭС, включая согласованное Минфином России положение о допустимости привлечения неиспользованной части государственного кредита, выделенного для сооружения двух блоков АЭС «Куданкулам», или решение о предоставлении Индии нового государственного кредита.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Опыт, накопленный в ходе реализации сотрудничества в сооружении АЭС в Китае, Иране и Индии, позволяет выделить целый ряд острых проблем, с которыми сталкиваются российские организации и от решения которых зависит эффективность выполнения российских обязательств по межправительственным соглашениям и по заключенным контрактам.

В их числе:

- Усложненные многоступенчатые процедуры таможенного оформления и валютного контроля являются едиными для всех участников внешнеэкономической деятельности и не учитывают особенностей инвестиционного сотрудничества, которое осуществляется по межправительственным соглашениям и на условиях предоставления государственных кредитов. Такое положение вещей приводит к неоправданым дополнительным затратам людских и финансовых ресурсов, а также создает существенные трудности в обеспечении своевременного выполнения контрактных обязательств российской стороны по поставкам и услугам для строящихся АЭС.
- Имеется острая необходимость формирования специальной нормативной базы, которая позволила бы установить особый порядок таможенного оформления при поставках оборудования и материалов для сооружаемых за рубежом АЭС путем оформления единых (генеральных) лицензий на весь объем обязательств по каждому контракту, заключенному на основе межправительственного соглашения.
- Порядок решения вопросов в области налоговой политики, в частности вопросов оплаты и возврата НДС. При этом процедура возврата НДС за счет разницы во времени и неполного погашения уменьшает реальные финансовые ресурсы предприятий-изготовителей оборудования.
- Объем бюджетных финансовых ресурсов, формируемых с применением устанавливаемого Минфином РФ бюджетного коэффициента, при расчетах с промышленностью (0,9 по контракту на АЭС в Китае) на практике оказывается недостаточным. В частности, это касается оплаты поставок оборудования, материалов и запасных частей. Ситуация еще более обостряется в случае имеющих место недофинансирования или задержек с выделением бюджетных ресурсов.
- Стоимость услуг, выполняемых российскими организациями в счет госкредитов, предоставляемых на сооружение АЭС за рубежом, составляет от 85% (АЭС «Куданкулам») до 90% (АЭС в КНР) от контрактных цен. В этой связи вопрос выделения Минфином РФ бюджетных средств (своевременно и в полном объеме) становится решающим для финансирования российских организаций – исполнителей работ, поставок и услуг.
- Проблема финансирования предприятий-изготовителей оборудования (в особенности оборудования с длительным циклом изготовления) является ключевой для нормального хода сооружения АЭС. Учитывая, что по условиям российско-китайского межправительственного соглашения оплата оборудования производится только после его отгрузки, а заводы-изготовители практически лишены оборотных средств, неизбежным является привлечение дополнительных финансовых ресурсов (дорогостоящих кредитов коммерческих банков) для обеспечения процесса производства (закупка материалов, комплектующих и т.п.). Очевидно, что использование банковских кредитов по рыночным ставкам практически нереально, так как

это приведет к такому росту затрат, при котором невозможно обеспечить рентабельность проекта.

- Для достижения конкурентоспособных цен наших поставок и услуг по международным контрактам на сооружение таких капиталоемких объектов, как АЭС, необходимо добиваться снижения стоимости услуг федеральных ведомств (Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору, Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам) и финансовых организаций, работающих по поручениям правительства в области реализации межправительственных соглашений. В частности, с коммерческим подходом к выполнению условий межправительственного соглашения мы сталкиваемся на примере Внешэкономбанка (блокирование значительной части аванса, безакцептное списание средств с расчетных счетов, высокий уровень ставок комиссии за пользование гарантией и т.д.).

В заключение следует подчеркнуть, что расширение российско-индийского сотрудничества в сооружении на территории Индии атомных электростанций, отвечая долгосрочным интересам Российской Федерации, будет способствовать увеличению объемов высокотехнологичного экспорта и уменьшению зависимости от сырьевого экспорта. А это, как известно, является одной из основных задач, решаемых новым правительством России.

Анализ уже имеющихся и действующих международных соглашений¹ в области разоружения и обеспечения международной безопасности, а также соглашений, которые пока не вступили в силу либо находятся в стадии разработки, показывает, что в большинстве таких соглашений в качестве элемента режима проверки в той или иной форме присутствуют инспекции на месте (ИНМ). ИНМ играют особую роль среди основных методов проверки соблюдения международных соглашений в области контроля над вооружениями и разоружением, поскольку дают возможность необходимому числу соответствующих специалистов прибыть в определенный район, на заданную площадку или объект и провести там в течение установленного срока виды деятельности, определенные соответствующим соглашением. Таким образом, как правило, инспекции являются наиболее прямым и надежным способом проверки. Во многих случаях, в особенности, когда обязательства по договору или иному соглашению носят абсолютный, беспороговый или всеобъемлющий характер, инспекции оказываются единственно возможным способом достаточно надежного подтверждения соблюдения соглашений. Вместе с тем существует и «оборотная сторона медали» – на местах инспекции сталкиваются с определенными трудностями, проблемами и ограничениями.

Одной из очевидных проблем в этом ряду является противоречие между необходимостью сбора достаточного объема данных для выполнения задачи инспекции и законным правом инспектируемого государства на обеспечение защиты чувствительной информации, не имеющей прямого отношения к соблюдению им договорных обязательств. Это противоречие наиболее ярко выражается в условиях недостаточного взаимного доверия, когда в процессе ведения переговоров определяется оптимальный баланс прав и обязательств инспектирующей и инспектируемой сторон. Но даже если переговоры в этих условиях и увенчиваются успехом, на этапе реализации инспектируемая сторона часто продолжает подозревать, что за проведением разрешенной договором инспекционной деятельности кроются попытки сбора разведывательной информации, а инспектирующая сторона нередко усматривает в законных мерах по защите чувствительной информации стремление скрыть нарушение. Один только этот аспект показывает, насколько сложным может оказаться формирование эффективного инспекционного механизма – как на стадии подготовки международного соглашения, так и на стадии его осуществления.

Поэтому механизм инспекций полезно рассмотреть всесторонне и с достаточной степенью детализации его особенностей и связанных с ним проблем. Каковы возможности и перспективы этого способа проверки в процессе реализации уже существующих и подготовке возможных будущих соглашений в области сокращения и контроля над вооружениями и обеспечения международной безопасности? Ниже мы рассмотрим этот механизм на примере инспекционной составляющей в системе международного режима проверки Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), по-

сколькo именно в этом Договоре сконцентрированы практически все основные особенности и проблемы ИНМ. Многие из упомянутых проблем остаются в той или иной степени до конца не решенными, и над их решением продолжается работа в рамках деятельности Подготовительной комиссии Организации по ДВЗЯИ (ПК ОДВЗЯИ).

ИНСПЕКЦИИ НА МЕСТЕ КАК СРЕДСТВО ПРОВЕРКИ И ИХ ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Начнем наше рассмотрение с наиболее общих вопросов – какие виды деятельности по проверке следует относить к инспекциям на месте, как эта составляющая связана с другими возможными мерами проверки, какова роль ИНМ в решении стоящих перед проверкой задач. Под **инспекцией на месте** в контексте проверки международных соглашений обычно принято понимать проведение в заданном районе, на выделенном объекте или в ином определенном **месте**² оговоренной в этом соглашении **инспекционной деятельности** (наблюдений, измерений, отбора проб и т.п.). Такая деятельность осуществляется специально назначаемым **персоналом** и проводится в оговоренные **сроки**. Конечной **целью**³ инспекционной деятельности является установление факта, соблюдаются ли **основные обязательства**, взятые на себя государствами-участниками соглашения. Соответственно эти обязательства должны быть четко определены в договоре. Возможны, в принципе, два вида инспекций: 1) инспекции, проводимые одновременно с контролируемой деятельностью или событием, относительно которых необходимо удостовериться, не противоречат ли они основным обязательствам соглашения (такие инспекции называют также «наблюдениями на месте»), и 2) инспекции, осуществляемые «по следам» контролируемой деятельности или события (их называют также «расследованием»).

Следует иметь в виду, что основные обязательства в международных соглашениях могут носить как **«активный»**, так и **«пассивный»** характер. Первый, **«активный»** тип обязательств характерен для договоров о сокращении вооружений, которые предусматривают либо уменьшение числа единиц боевой техники, либо полное уничтожение/демонтаж каких-либо видов оружия, сокращение численности войск и их вывод из определенных районов, ликвидацию военных объектов, сооружений, баз и т.п. Типичными примерами договоров, где присутствуют такие обязательства, являются многосторонний Договор о сокращении вооруженных сил и вооружений в Европе и двусторонний Договор между СССР и США о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД, правопреемником СССР является Россия). Второй, **«пассивный»** тип обязательств предусматривает ограничения на ведение какой-либо деятельности, отказ от ее проведения либо запрет на нее. Этот тип обязательств характерен для таких договоров, как Договор о нераспространении ядерного оружия, региональные договоры о создании безъядерных зон (договоры Тлателолко, Раратонга, Пелиндаба и др.), Московский договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах и, разумеется, для ДВЗЯИ. Отметим, что в ряде важных международных договоров одновременно присутствуют как активные, так и пассивные обязательства. К таким договорам относится, например, Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении (далее по тексту – Конвенция о запрещении химоружия, или КЗХО).

В первом случае соблюдение соглашения подтверждается получением свидетельств того, что государство осуществляет соответствующие его обязательства действия в полном объеме и в установленные сроки. Как правило, подтвердить соблюдение соглашения можно только при условии присутствия в течение необходимого периода времени на месте осуществления этих действий и проверки их проведения либо с помощью простых визуальных наблюдений, либо с помощью использования более сложных мер и технологий. В силу этого инспекция на месте является достаточно эффективным механизмом для достижения поставленной цели. При этом непосредственной задачей инспекции является фиксация признаков этих действий, то есть фиксация позитивных признаков соблюдения соглашений. Предполагается, что и в организационном, и в политическом плане выполнение этой задачи должно вызывать активное положительное

отношение инспектируемого государства. Это предположение основывается на том, что государство должно быть само заинтересовано в подтверждении выполнения им оговоренных обязательств. С другой стороны, государство располагает информацией, необходимой для успешной организации и проведения ИНМ, и в состоянии без особых затруднений⁴ передать эту информацию персоналу, проводящему инспекцию.

Однако иногда подтверждение соблюдения договора достигается от обратного – в случае наличия свидетельств отсутствия воспрещенной соответствующим договором деятельности. По сути, это требование достаточно надежного подтверждения отсутствия каких-либо остаточных признаков нарушения, ибо, как показывает практика, крайне маловероятной⁵ является ситуация, когда инспекционная группа оказывается в месте нарушения именно в тот момент, когда оно там происходит. Это относительно простая и достаточно реалистичная задача, если речь идет об ограниченном (небольшом) числе заранее определенных инспектируемых объектов или площадок не слишком большого размера, где, в принципе, есть подозрения относительно проведения запрещенной деятельности и которые необходимо контролировать, а сама запрещенная деятельность имеет достаточно ярко выраженные, долгоживущие⁶, однозначно интерпретируемые в своей совокупности и трудно уничтожаемые признаки. Ситуация становится намного сложнее, если число и размеры таких объектов/площадок возрастают. Предельный случай, когда допускается проведение инспекции в любом районе на территории государства-участника соглашения и одновременно устанавливаются ограничения на численность инспекционной группы и сроки проведения ИНМ, является особенно сложным и требует большой подготовительной работы – как общего характера, так и применительно к конкретной инспекции. Именно этот случай имеет место для ИНМ в ДВЗЯИ.

Заметим, что в последние два десятилетия начали появляться уникальные в своем роде соглашения, в которых основным обязательством является само по себе обеспечение доступа к информации предусмотренными в них способами, в том числе и путем ИНМ. Примером такого договора является Договор об открытом небе, который мы рассмотрим подробнее в следующем разделе.

Как отмечено выше, к характерным особенностям ИНМ относится *определение возможных мест ее проведения*. К определению места проведения ИНМ есть два основных подхода. Первый – это *заблаговременное определение конкретных мест проведения ИНМ* на постоянной или долговременной основе. Такими местами могут быть определенные районы, площадки или объекты, имеющие отношение к предмету договора. Заблаговременное определение места проведения ИНМ предусматривается текстом самого договора (или приложений к нему) путем включения перечней таких мест в текст. Однако иногда государствам-участникам предоставляется право определять самим эти места на своей территории – согласно контексту договора и существующим в данном государстве правилам. В последнем случае государство составляет перечень мест, которые оно делает доступными для других государств-участников и/или для организаций по этому договору, если таковая организация предусмотрена и наделена соответствующими функциями и полномочиями. При этом требуется точно указать положение и границы каждого места. Место проведения конкретной ИНМ выбирается либо из такого перечня, либо по установленной в договоре процедуре. Обычно это делается по запросу государства-участника, заинтересованного в проведении ИНМ, или по запросу/уведомлению соответствующей организации.

Второй подход предусматривает *возможность проведения ИНМ в любом месте* на территории государства-участника, а также любом ином месте, находящемся под его юрисдикцией или контролем (возможно, и вне национальных границ). Такая ИНМ определяется термином «challenge inspection», или «инспекция по запросу»⁷. В этом случае выбор места проведения конкретной ИНМ полностью является прерогативой стороны (государства-участника и/или соответствующей организации), заинтересованной в ее проведении, то есть запрашивающей и/или проводящей эту инспекцию. При этом в договоре могут устанавливаться ограничения на размеры района проведения ИНМ, а при принятии решения о

ее проведении положение и границы соответствующего инспекционного района определяются с учетом этих ограничений для каждой конкретной инспекции.

В обоих случаях на территории государств-участников определяются один или несколько *пунктов въезда*, куда первоначально прибывает инспекционный персонал и откуда он транспортируется к району проведения ИНМ, а также *пункты выезда*, через которые персонал покидает территорию инспеклируемого государства по завершении ИНМ. В этих пунктах могут также проводиться пред- и послепослеинспекционный брифинги, проверка оборудования и другие мероприятия, если это предусматривается договором.

Весь процесс инспекции проводится в пределах *временных ограничений*, которые обычно в том или ином виде задаются договорными положениями. В ряде соглашений для ИНМ устанавливается достаточно подробный, однозначно определенный временной график с жесткими предельными сроками основных этапов, куда входят: прибытие инспекционного персонала в пункт въезда, его транспортировка к району проведения ИНМ, проведение одного или нескольких этапов ИНМ и т.п. В других соглашениях содержатся ограничения, сформулированные в довольно общем виде, например, присутствует указание на то, что продолжительность инспекции должна быть сведена к минимуму, необходимому для достижения ее цели. В этом, как и по другим параметрам ИНМ (например, относящимся к месту ее проведения), проясняется стремление добиться обеспечения условий для достижения цели инспекции и одновременно минимизировать ущемление суверенитета инспеклируемого государства.

Персонал, проводящий ИНМ, в общем случае состоит из основного (инспекторы) и вспомогательного (помощники инспекторов) составов. В двусторонних соглашениях персонал ИНМ обычно назначается и согласовывается заблаговременно государствами-участниками, и государства обмениваются инспекциями, проводимыми их национальным персоналом. Для многосторонних соглашений также возможен вариант проведения ИНМ на двусторонней основе. Однако более распространенным на практике является проведение инспекции силами международной инспекционной группы, составленной из граждан разных государств. При этом инспекторы также могут быть заранее номинированы государствами-участниками и их кандидатуры согласованы (если это входит в условия договора), либо они могут быть номинированы, а уже после – в соответствующих случаях – согласованы и назначены на постоянной или временной основе организацией, которая по договору ответственна за проведение ИНМ и наделена необходимыми полномочиями. В этой роли может выступать специальная организация государств по данному договору (например Организация государств по Конвенции о запрете химического оружия), независимая отдельная международная организация (например МАГАТЭ), либо ООН и ее Совет Безопасности, которые могут создать специальную исполнительную структуру для проведения ИНМ (например UNSCOM или UNMOVIC). Возможны различные варианты со смешанным составом инспектората, один из которых реализован в ДВЗЯИ (см. ниже). В ряде многосторонних соглашений члены инспекционной группы для успешного выполнения своих функций наделяются привилегиями и иммунитетами того же уровня, который установлен для дипломатических агентов Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. (далее – Венская конвенция). Максимальная численность персонала, участвующего в конкретной ИНМ, может быть ограничена в целях поддержания упомянутого выше баланса между интересами международного сообщества (достижение цели инспекции) и интересами инспеклируемого государства (минимальное ущемление суверенитета).

Инспекционная деятельность может носить различный характер и, разумеется, зависит от задач, которые предстоит решать ИНМ. Во многих случаях такая деятельность и соответствующие процедуры прямо определяются в договорах, хотя они могут быть и предметом отдельных специальных соглашений или договоренностей, в том числе и разовых, для каждого конкретного случая. Инспекционная деятельность, как правило, включает визуальные наблюдения, обычно сопровождаемые фото- и видеосъемкой. В ряде соглашений инспекционная деятельность предусматривает отбор и анализ проб. Имеются примеры и более разнообразной инспекционной деятельности – взвешивание, оп-

ределение размеров, проведение различного рода измерений физических полей и даже просвечивание и получение рентгеновских изображений. К оборудованию, применяемому в инспекционной деятельности, могут предъявляться также различные специальные требования, могут устанавливаться ограничения и определяться процедуры его хранения в межинспекционный период, а также процедуры допуска оборудования на территорию инспектируемого государства и использования в ходе ИНМ.

По *объему и характеру деятельности* ИНМ подразделяются на обычные, или *рутинные* (routine), и *специальные* (special). Рутинные инспекции проводятся на регулярной основе с определенной периодичностью, и проводимая ими деятельность является в основном повторяющейся, одинаковой для однотипных инспектируемых мест. Такие инспекции характерны для случаев подтверждения «*позитивных*» обязательств, то есть подтверждения того, что некая деятельность ведется в соответствии с правилами. Специальные инспекции проводятся в случаях, когда возникает серьезная озабоченность относительно возможного несоблюдения договоренностей, к таким инспекциям прибегают обычно в случаях выяснения ситуации с «*негативными*» обязательствами. Поэтому каждая из специальных инспекций имеет свои уникальные характеристики, обусловленные спецификой причин и условий ее проведения. Однако могут быть и другие варианты ИНМ специального типа, например ИНП для проверки первоначальной информации об объектах, подлежащих в дальнейшем рутинным инспекциям (этот вариант имеет место в системе гарантий МАГАТЭ, где для таких инспекций используется термин «ad hoc»).

Еще одним параметром ИНМ является *способ инициирования*, имеющий определенную связь с характером инспекции. Как правило, рутинные инспекции иницируются по внутренним (не оговоренным в соглашении) процедурам инспектирующей стороны с *уведомлением* инспектируемой стороны о предстоящем проведении инспекции. Уведомление направляется за некоторое (возможно, очень короткое) время до начала таких инспекций, носящих скорее технический характер. Для специальных инспекций более характерен режим запуска *по запросу* одного или нескольких государств, заинтересованных в их проведении. Запрос обычно направляется в организацию, уполномоченную соглашением принимать по установленной процедуре решение относительно проведения ИНМ. В случае положительного решения инспектируемой стороне направляется соответствующее уведомление.

В силу интрузивной природы ИНМ, в особенности тех, где используется широкий набор инспекционных технологий (видов деятельности), для инспектируемого государства возникает проблема защиты конфиденциальной информации, не имеющей отношения к цели ИНМ. Чтобы решить эту проблему, зачастую в соглашениях, где заранее оговариваются процедуры инспекции, предусматривается возможность введения определенных ограничений на доступ и порядок ведения инспекционной деятельности. Такой режим проведения ИНМ называется *режимом регулируемого доступа* (managed access). Он, как и другие ограничения, формируется таким образом, чтобы соблюсти уже упоминавшийся баланс интересов сторон.

Что касается *места инспекций в системе мер проверки*, то следует иметь в виду, что ИНМ, будучи чрезвычайно важным и эффективным способом проверки, не являются, тем не менее, единственным применяемым с этой целью средством. Максимально полный международный режим проверки соблюдения договоренностей, как следует из рассмотрения существующих соглашений в области разоружения, может включать, помимо ИНМ, обмен информацией на обязательной основе, применение методов удаленного наблюдения (мониторинг), проведение консультаций и разъяснений, а также меры по установлению транспарентности и укрепления доверия, носящие добровольный или обязательный характер. В перечень таких мер входят обмен информацией на добровольной основе, приглашения наблюдателей («инспекции по приглашению») и т. п. Разумеется, фактическое наполнение системы проверки и баланс ее составляющих должны быть адаптированы к предмету конкретного договора (кроме того, государства свободны использовать так называемые национальные технические средства контроля, но должны делать это в соответствии с общепризнанными принципами международного

права). Только в такой адекватно сконструированной системе можно рассчитывать на максимально высокую эффективность и максимальный успех конкретной инспекции и, соответственно, на эффективность системы проверки в целом.

ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНМ В РАЗЛИЧНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ

Для демонстрации широты присутствия в международных соглашениях ИНМ как средства проверки их соблюдения и многообразия используемых в них подходов рассмотрим конкретные примеры двусторонних и многосторонних договоров, которые были разработаны во второй половине XX века и в которых в том или ином виде фигурируют ИНМ. Отметим, что в устоявшейся договорной терминологии наряду с термином «инспекция» применяются и другие термины, например «наблюдение», «обследование» и т.п. В тех случаях, когда деятельность, обозначенная этими терминами, по своим признакам полностью совпадает с инспекцией, как она определена в начале предыдущего раздела, мы будем считать ее тождественной инспекции и относить соответствующий элемент режима проверки к ИНМ, максимальным образом сохраняя терминологию конкретного соглашения и делая, при необходимости, соответствующие разъяснения.

Одним из первых международных соглашений, где присутствует ИНМ, является *Договор об Антарктике*. Договор вступил в силу в июне 1961 г., и его участниками на данный момент являются 44 государства⁸. Основные обязательства этого договора разрешают использование Антарктики (район земного шара, находящийся южнее 60° южной широты) только для мирных целей, установив запрет на любую военную деятельность, включая испытания любого оружия, а также запрет на проведение в нем любых ядерных взрывов и на размещение радиоактивных отходов. Договор прямо предусматривает проведение инспекций как основного инструмента проверки для того, чтобы гарантировать соблюдение основных обязательств. Такие инспекции могут проводиться по инициативе любого государства-участника его национальными наблюдателями, включенными в соответствующий список, без каких-либо ограничений относительно места и времени проведения инспекций. Предусматривается возможность наблюдений с поверхности, а также наблюдений с воздуха путем облетов. Наблюдатели-инспекторы имеют право неограниченного доступа на любые станции, морские суда и любые иные объекты государств-участников, расположенные в зоне действия Договора. В дополнение к ИНМ в качестве составной части режима проверки предусмотрены меры транспарентности, то есть заблаговременное оповещение государствами-участниками о своих антарктических экспедициях, станциях, привлекаемом военном персонале и т.п. Возможность «свободного» применения ИНМ без каких-либо ограничений обусловлена, очевидно, нейтральным статусом Антарктики, где отсутствуют территории, находящиеся под юрисдикцией какого-либо государства.

Похожий подход к использованию ИНМ применен в *Договоре о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения* (далее – Договор о морском дне). Он вступил в силу в мае 1972 г. и насчитывает 95 государств-участников. Этим Договором, обязательства которого отражены в его названии⁹, в качестве элемента режима проверки предусмотрено право его участников¹⁰ осуществлять наблюдения за деятельностью, проводимой на морском дне другими участниками, что уже само по себе может рассматриваться как разновидность ИНМ. Кроме того, предусматривается возможность проведения заинтересованными участниками двусторонних и многосторонних консультаций и осуществления сотрудничества, в ходе которого, в случае необходимости, могут быть разработаны специальные процедуры проверки, включая инспекцию вызывающих озабоченность объектов, находящихся на морском дне в зоне действия Договора. Если озабоченность относительно возможного несоблюдения соглашения не будет разрешена иными средствами, государство-участник может провести такую инспекцию своими силами либо с привлечением других заинтересованных государств. Помимо этого, Договор предусматривает возможность использования процедур в рамках ООН, в частности обращение в Совет Безопасности ООН, который может также организовать расследование с использованием

ИНМ (см. ниже). Таким образом, ИНМ в этом Договоре является основным методом проверки, причем ее параметры в нем ничем не ограничены.

Еще одним примером договора, в принципе предусматривающего проведение ИНМ, но не определяющего ее конкретных параметров, является вступившая в силу в марте 1975 г. *Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении*. Ее участниками сегодня являются 144 государства. Основные обязательства по этой Конвенции также достаточно понятны уже из ее названия. Конвенция не имеет регулярного механизма проверки, но содержит положение о возможности проведения консультаций между государствами-участниками по вопросам соблюдения ими основных обязательств. Далее, как и Договор о морском дне, Конвенция предусматривает право государства обратиться с жалобой о несоблюдении договоренности в Совет Безопасности ООН, который, в соответствии с Уставом ООН, может провести расследование. Этому расследованию обязаны оказывать содействие все государства-участники. Такое расследование может, естественно, включать и инспекции на месте, как это имело место в случае с Ираком в 1991 г., когда, согласно Резолюции № 687 Совета Безопасности ООН, была создана Специальная комиссия ООН (UNSCOM) с мандатом на проведение неограниченных по доступу и другим параметрам ИНМ. В задачу этих ИНМ входило выявление состояния в области разработок бактериологического и химического оружия¹¹ и подтверждение полного уничтожения такого оружия. Этот пример является хорошей иллюстрацией практического применения положений Конвенции, относящихся к ИНМ, и возможной реализации аналогичных положений для других соглашений.

Еще одним примером соглашения, где инспекции прямо не упомянуты в тексте, но широко используются на практике как основной инструмент проверки его соблюдения большинством участников, является *Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)*, вступивший в силу в марте 1970 г., участниками которого являются 189 государств. Основные обязательства по ДНЯО для неядерных государств¹² предусматривают отказ от получения ядерного оружия (ЯО) и ядерных взрывных устройств (ЯВУ) или контроля над ними, отказ от производства, приобретения или получения помощи в производстве, а также запрет на доступ к исходным или специальным расщепляющимся материалам и оборудованию для их производства (либо передача таких материалов и оборудования) без применения системы гарантий МАГАТЭ. Что касается проверки соблюдения этих обязательств, то, согласно ДНЯО, неядерные государства должны заключать соответствующие двусторонние соглашения о гарантиях с МАГАТЭ, именуемым иначе Агентством, которому и придана Договором функция проверки.

Изначально система гарантий создавалась в обеспечение поддержки целей МАГАТЭ по ускорению и расширению использования атомной энергии в мирных целях и исключению вероятности того, чтобы соответствующая помощь, предоставленная Агентством – или по его запросу, или же при его содействии и под его контролем, использовалась каким-либо образом для военных целей. В Уставе МАГАТЭ, принятом 23 октября 1957 г., то есть задолго до появления ДНЯО, в качестве практических мер в этом направлении предусмотрены так называемые «гарантии». Как записано в главе III Устава, Агентству разрешено создать и применять систему гарантий¹³, призванную предотвратить использование в военных целях специальныеделяющиеся и другие материалы, а также услуги, оборудование, объекты и информацию, которые предоставлены Агентством, по его запросу или под его наблюдением и контролем. Агентству было также разрешено применять эти гарантии к любому двустороннему или многостороннему соглашению по запросу участников данного соглашения, а также к любой деятельности какого-либо государства в области атомной энергии по запросу этого государства.

Как следует из положений главы XII Устава МАГАТЭ и детализировавшего их документа INFCIRC/66/Rev.2, гарантии включают изучение устройства специализированного оборудования и объектов, в том числе ядерных реакторов, для получения подтверждения, что они не будут использоваться в военных целях. Предусматривается установление системы операционного документирования с целью учета специальных расщепляемых и

сырьевых материалов, которые используются или производятся в рамках определенного проекта или соглашения. В число гарантий МАГАТЭ входят также наложение соответствующих ограничений на используемые технологии химической переработки облученных материалов и меры по предотвращению неконтролируемого накопления избыточных специальных делящихся материалов. Для осуществления соответствующего контроля на территории государств Агентство наделяется правом направлять туда своих назначенных инспекторов. Этим инспекторам должен предоставляться доступ в любое время к любому месту и любым данным, а также ко всем лицам, работающим с материалами, оборудованием и объектами, которые, согласно Уставу, должны находиться под гарантиями. Доступ предусматривает обеспечение учета расщепляющихся и сырьевых материалов (как поставляемых извне, так и получаемых в установках) и возможность определения того, соблюдаются ли соответствующие обязательства по недопущению содействия проекта военным целям.

Такая достаточно широкая и гибкая формулировка дала возможность задействовать систему гарантий МАГАТЭ в качестве механизма контроля ДНЯО. После вступления Договора в силу соответствующие ему соглашения о гарантиях были заключены МАГАТЭ со многими участниками ДНЯО, не обладающими ядерным оружием. Основой таких соглашений стал разработанный МАГАТЭ специально в связи с ДНЯО документ «Структура и содержание соглашений между Агентством и государствами, требующих в связи с ДНЯО» (INFCIRC/153). В этом документе утверждены основные параметры гарантий, важнейшей составляющей которых являются три вида инспекций, проводимых на заранее оговоренных объектах, площадках и иных местах, – *обычные (routine)*, *со специальной целью (ad hoc)* и *специальные (special)*¹⁴. В рамках этой системы ИНМ инспектируют ядерные материалы и объекты, поставленные под гарантии.

Целью *обычных инспекций* являются проверка соответствия отчетов, представляемых государством, учетным и операционным записям, проверка местонахождения, идентичности, количества и состава всего ядерного материала, поставленного под гарантии, а также проверка информации о возможных причинах наличия неучтенного материала, расхождений в данных отправителя/получателя и неопределенностей в зарегистрированном инвентарном количестве. *Инспекции со специальной целью* проводятся для проверки информации первоначального отчета государства о своих объектах и материалах при постановке их под гарантии. Это делается для идентификации и проверки изменений, которые произошли с момента первоначального отчета, для идентификации, и, при наличии возможности, для проверки количества и состава материала перед его передачей из государства или в государство. *Специальные инспекции* могут проводиться для проверки информации, содержащейся в специальных отчетах, представляемых в случаях фактической или предполагаемой утраты ядерного материала либо в случаях неожиданного изменения места хранения (containment), когда возникает вероятность несанкционированного перемещения материала. Такие инспекции проводятся также в случаях, когда Агентство считает, что информация, полученная иными путями, недостаточна для эффективного осуществления гарантий.

Для *рутинных инспекций* в INFCIRC/153 определен ряд процедур и дополнительных параметров, таких, как ограничения по их частоте и интенсивности в зависимости от типа объекта и количества материала. Другие два вида инспекций не детализированы и применяются по инициативе Агентства по мере необходимости. Их параметры и процедуры проведения вырабатываются Агентством во взаимодействии с инспектируемым государством – в зависимости от конкретной ситуации. *Инспекционная деятельность* при этом может включать в себя аудит отчетов и записей, проведение измерений материала, отбор проб, проверку функционирования и калибровки инструментов и контрольного оборудования, применение и использование методов наблюдения и хранения, другие технически осуществимые меры. При этом инспекциям со специальной целью, проводимым до определения так называемых ключевых мест, предоставляется *доступ* ко всем местам, где, согласно первоначальному отчету государства либо ранее проведенной инспекции, находится ядерный материал. Другим местом доступа для этих инспекций являются места, где происходит передача материала из государства или в государ-

ство. В случае обычных инспекций доступ обеспечивается к ключевым местам, которые выбираются так, чтобы обеспечить получение и проверку информации, необходимой и достаточной для осуществления гарантий, и к системе записей. Для специальных инспекций может предоставляться и дополнительный доступ (в той мере, в какой он оказывается необходимым), однако это не означает автоматического доступа в любое место, находящееся под юрисдикцией или контролем инспектируемого государства.

Все инспекции в системе гарантий проводятся инспекторами, назначаемыми МАГАТЭ. В структуре Агентства предусмотрен профессиональный инспекторат, сотрудники которого и проводят инспекции. При этом для специальных инспекций могут привлекаться необходимые специалисты и из государств-участников ДНЯО, например в тех случаях, когда необходима экспертиза в чувствительных ядерно-оружейных вопросах. Такой подход к формированию инспекционных групп применялся, в частности, при проведении известных инспекций МАГАТЭ в Ираке и Южной Африке.

Дальнейшим развитием системы гарантий стала разработка *дополнительных мер*, которые отражены в «Типовом дополнительном протоколе к соглашениям между государствами и МАГАТЭ о применении гарантий» (далее – Дополнительный протокол). Данный протокол был разработан в 1997 г. с учетом выявленных слабых мест системы гарантий и, в частности, с учетом опыта, наработанного в Ираке и Северной Корее. Дополнительный протокол (его текст содержится в документе INFCIRC/540) значительно расширил возможности получения информации, важной для контроля ДНЯО и осуществления практических мер по контролю, включая инспекции. В частности, в документе предусмотрено предоставление государствами максимально полной информации по всему топливному циклу, начиная с научных исследований и вплоть до экспорта и импорта материалов и оборудования. В отношении инспекционной деятельности Дополнительный протокол и дополнительные соглашения на его основе ввели новый ее тип – отбор проб окружающей среды и их анализ с целью обнаружения незаявленной ядерной деятельности. Согласно протоколу, отбор проб может применяться практически в любом месте на территории государства. Такая мера ориентирована, прежде всего, на выявление скрытой наработки оружейных делящихся материалов, однако она дает возможность получать данные и о других видах ядерно-оружейной деятельности, в которую делящиеся материалы не вовлечены, но которая может проявить себя при обнаружении специфичных для нее материалов-индикаторов. Замыкающим звеном в подходе, реализованном в Дополнительном протоколе и дальнейшем развитии системы гарантий, которое происходит сегодня, – так называемых интегрированных гарантиях – является комплексный анализ и оценка соблюдения соглашений на уровне государства. Такая оценка делается на основе массива информации, попадающей в распоряжение Агентства, а информация, полученная в ходе инспекций, является важнейшей составляющей этой оценки.

Как следует из всего вышеизложенного, ИНМ, общее число которых в год составляет около двух с половиной тысяч, являются одним из краеугольных камней режима проверки соблюдения ДНЯО, который, благодаря системе вторичных документов и постоянно совершенствованию, становится всеобъемлющим и сбалансированным.

Режим гарантий МАГАТЭ с предусмотренными в нем ИНМ помимо ДНЯО применен в полном объеме и в региональных договорах о создании зон, свободных от ядерного оружия. Можно назвать ряд действующих договоров: это, например, *Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке* (Договор Тлателолко), *Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в южной части Тихого океана* (Договор Раратонга), *Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии* (Бангкокский договор) и не вступивший пока в силу *Договор о создании зоны, свободной от ядерного оружия в Африке* (Договор Пелиндаба). Эти договоры имеют сходные основные обязательства для государств-участников¹⁵ – отказ от обладания ядерным оружием, его производства и участия в производстве, запрет на размещение и испытания ЯО на своей территории. Дополнительные протоколы к этим договорам предусматривают ряд специальных обязательств по соблюдению безъядерного статуса, относящихся к ядерным державам в понимании ДНЯО (США, России, Англии, Франции и Китаю), и, в частности, запрет на уг-

розу применения или применение ядерного оружия, а также на проведение его испытаний в соответствующей зоне.

Помимо гарантий МАГАТЭ с их спектром инспекций, режимы проверки рассматриваемых региональных договоров в случае предполагаемого несоблюдения предусматривают, хотя и без детального описания процедур, возможность проведения:

- дополнительных инспекций специального типа, осуществляемых МАГАТЭ по запросу Африканской комиссии по ядерной энергии (Договор Пелиндаба);
- специальных инспекций, организуемых Советом Агентства по Договору о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке по запросу государства-участника (Договор Тлателолко);
- специальных инспекций, организуемых Консультативным комитетом, предусмотренным Договором, если комитет придет к выводу об их необходимости (Договор Раратонга);
- инспекций по запросу государства-участника в форме миссии по установлению фактов. Такие инспекции осуществляются группой из трех инспекторов МАГАТЭ. Решение о проведении инспекции принимает Исполнительный комитет Комиссии по безъядерной зоне в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор).

Как мы видим, во всех этих договорах предусмотрены еще более широкие возможности применения ИНМ для обеспечения контроля над соблюдением договоренностей.

Еще один подход к ИНМ, основанный на детальном определении параметров и процедур инспекций непосредственно в тексте соглашения, начал широко применяться в международных соглашениях в области разоружения в последние два десятилетия. Этот подход реализован, в частности, в таких соглашениях, как двусторонний (между СССР и США) *Договор об уничтожении ракет среднего и меньшего радиуса действия* (РСМД), вступивший в силу в июле 1988 г., *Договор об обычных вооруженных силах в Европе* (вступил в силу в ноябре 1992 г., 30 государств-участников) и уже упоминавшаяся выше *Конвенция о запрещении химоружия* (вступила в силу в апреле 1997 г., 172 государства-участника).

Первый из этих договоров с чрезвычайно простой, на первый взгляд, формулировкой обязательств его участников – «уничтожить все свои ракеты среднего и меньшего радиуса действия, не иметь такие системы в последующем и выполнять другие обязательства, установленные этим Договором», содержит в своем тексте и текстах прилагаемых к нему Меморандума о Понимании и Протокола детальный перечень уничтожаемых объектов (включая пусковые установки и вспомогательное оборудование), районов развертывания и баз, объектов производства и других соответствующих объектов, процедур и временного графика уничтожения. Кроме того, в документах Договора и приложениях к нему предусматривается всеобъемлющая система проверки – с применением около десяти различных типов ИНМ.

Цели инспекций, которые каждый из участников имеет право проводить на территории другого участника и на территории стран базирования, затрагивают практически все аспекты Договора. Цель первоначальных инспекций, проводимых в течение второго и третьего месяцев после вступления Договора в силу, заключалась в проверке мест складирования объявленного количества объектов, подлежащих уничтожению. Позднее в соответствии с графиком ликвидации операционных баз и иных объектов поддержки предусматривалось проведение «закрывающих» инспекций, подтверждающих ликвидацию. До этого момента в период ликвидации ракет (три года для ракет средней дальности (РСД) и полтора года для ракет малой дальности (РМД)), в местах складирования могут проводиться инспекции по подтверждению текущего количества ракет на этих объектах. После закрытия баз и иных объектов в течение 13 лет после момента вступления Договора в силу могут также проводиться инспекции, подтверждающие, что эти базы и объ-

екты не функционируют. Кроме этого, предусмотрены инспекции самого процесса уничтожения, включая уничтожение путем запуска, и инспекции, подтверждающие завершение уничтожения. И наконец, наиболее сложными и трудоемкими являются непрерывные, проводящиеся в течение 13 лет после вступления Договора в силу, инспекции объектов окончательной сборки либо производства баллистических ракет наземного базирования типа РСД или РМД с применением мониторинга порталов этих объектов. Объектами для проведения инспекций последнего типа в Договоре были названы: в США – завод Геркулес № 1 в Магне, шт. Юта, в СССР – Машиностроительный завод в Воткинске, Удмуртия.

Разрешенная инспекционная деятельность в соответствии с Договором, помимо визуальных наблюдений и изучения документации, включала фото- и видеосъемку, измерение линейных размеров и взвешивание объектов контроля, применение детекторов излучений. Кроме этого, для мониторинга вышеупомянутых объектов по производству был установлен оснащенный сенсорами периметр, который патрулировался силами инспектирующей стороны, а на порталах, помимо сенсоров, было разрешено применять просвечивание, не повреждающее получение изображений¹⁶ проходящих через порталы объектов – пусковых или транспортных контейнеров с ракетами или их ступенями. При осуществлении инспекционной деятельности каждая из сторон использовала свой персонал согласно соответствующим спискам. Договор предусматривает включение в эти списки до 600 человек с каждой стороны.

В первые два месяца после вступления Договора в силу было проведено свыше 100 инспекций. В дальнейшем их число несколько снизилось, так как был налажен упомянутый выше непрерывный мониторинг, который требует постоянного присутствия инспекторов¹⁷. Обширный объем инспекционной деятельности потребовал вовлечения значительного числа транспортного и инспектирующего персонала и, соответственно, многочисленного эскорта инспектируемой стороны. Сложность и большой объем работы по проведению и приему инспекций потребовал организации соответствующих структур. В частности, в США для этой цели решением президента было создано в рамках Министерства обороны отдельное Агентство по инспекциям на месте (OSIA)¹⁸, которому впоследствии были поручены и работы, связанные с инспекцией в рамках других соглашений. В нашей стране эти функции были возложены на созданный в 1987 г. при Минобороны Национальный центр по уменьшению ядерной опасности (НЦУЯО).

Успешная организация эффективной инспекционной деятельности в строгом соответствии с Договором, в сочетании с предусмотренным им применением национальных технических средств контроля, способствовала повышению взаимного доверия сторон, их уверенности в соблюдении партнером своих обязательств. В конечном итоге была достигнута цель Договора – надежное подтверждение ликвидации РСМД в установленных сроки и прекращения их производства. Этот Договор является ярким примером важности ИНМ и демонстрацией их успешного применения.

Приблизительно так же решались вопросы ИНМ в *Договоре между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений* (Договор СНВ-1).

Договор об обычных вооруженных силах в Европе, предусматривающий ряд обязательств по ограничению и сокращению количества танков, бронетранспортеров, артиллерии, боевых самолетов и ударных вертолетов, которыми располагают его участники на территории от Атлантики до Урала, включает в себя детально разработанную систему проверки. Основной составляющей этой системы являются инспекции различных типов, которые могут проводиться одним или несколькими¹⁹ государствами-участниками с направлением соответствующего уведомления инспектируемому государству. Определены следующие цели ИНМ:

- проверка соблюдения количественных ограничений, установленных Договором, на основе информации, предоставляемой государствами-участниками в соответствии с протоколом об обмене информацией;

- наблюдение, в соответствии с протоколом о сокращении, за процессом сокращения;
- наблюдение за сертификацией согласно Договору перепрофилированных многоцелевых ударных вертолетов и учебно-боевых самолетов после соответствующего их переоборудования, делающего эту технику непригодной для использования в боевых действиях.

Такие ИНМ могут проводиться либо в объявленных местах, где дислоцированы объекты проверки (воинские части и т. п.) или идет процесс сокращения/сертификации, либо как инспекции по запросу в любом указанном районе инспектируемого государства, определяемом в уведомлении. В последнем случае площадь инспектируемого района не должна превышать 65 кв. км, а линейные размеры – 16 км. Конкретные точки проведения ИНМ сообщаются инспекционной группой по прибытии в пункт въезда. Инспектирование объявленных мест с проверкой объектов и процессов сокращения/сертификации носит, по сути, рутинный характер, а инспекции по запросу имеют элементы специальных инспекций.

Каждая инспекционная группа включает инспекторов (до 9 человек) и экипаж транспортного средства (до 10 человек). В ходе ИНМ группу сопровождает эскортирующий персонал инспектируемого государства. Списки персонала групп и эскорта составляются и согласовываются заранее и могут включать в общей сложности до 1 000 человек для каждого из государств-участников. Общая продолжительность пребывания группы на территории инспектируемого государства не должна превышать 10 суток, а продолжительность инспекции конкретного объявленного места либо указанного района находится в диапазоне от 24 до 48 часов. При этом продолжительность облетов каждого из мест или районов, где проводится инспекция, не должна превышать 1 часа.

Инспекционная деятельность состоит в основном из визуальных наблюдений, видео- и фотосъемки, проводимых с поверхности земли и с воздуха, а также из проведения измерений и ведения аудиозаписей. Соответственно разрешается пользоваться биноклями, пассивными приборами ночного видения, фотокамерами формата 35 мм и камерами моментальной съемки, а также рулетками, диктофонами и переносными персональными компьютерами. По согласованию с инспектируемым государством допускается использование и иного оборудования, соответствующего целям ИНМ. Полученная в ходе ИНМ информация носит конфиденциальный характер и не передается средствам массовой информации. Более того, инспектируемое государство имеет право на защиту конфиденциальной информации с помощью специальных мер (например зачехления аппаратуры) и отказа в доступе в чувствительные места в пределах инспектируемых мест/районов, включая запрет пролета над такими местами. Однако в этом случае государство должно предоставить возможность инспекционной группе достичь ее цели, например из помещений, доступ куда не разрешен, следует вывести наружу для осмотра всю боевую технику.

Помимо ИНМ, Договор предусматривает обмен информацией, без чего собственно проверка с помощью ИНМ была бы невозможной. Кроме того, предусматривается применение национальных/многонациональных технических средств, соответствующих общепринятым нормам международного права. Но ИНМ являются сердцевинной всего механизма проверки, а объем инспекционной деятельности по данному Договору является уникальным по своим масштабам, поскольку в перечень инспектируемых объектов входят все полки и отдельные батальоны. При этом следует учесть, что в год²⁰ допускается инспектирование до 15% от общего числа объявленных мест. Кроме этого, параллельно проводятся также инспекции по запросу, то есть речь идет о десятках и сотнях возможных инспекций в год. Можно утверждать, что механизм применения ИНМ в рамках этого Договора прошел проверку временем и продолжает эффективно обеспечивать надежный контроль над его соблюдением.

Разнообразные ИНМ являются краеугольным камнем и в системе проверки *Конвенции о запрещении химического оружия* (КЗХО), которая представляет особый интерес и

рассматривается ниже более подробно, поскольку во многих вопросах она была использована как прототип для ДВЗЯИ. Целью этих инспекций является проверка соблюдения основных обязательств в отношении объявленных запасов химического оружия, прекращения его производства, ликвидации или конверсии объектов по производству этого оружия, а также проверка уничтожения его запасов, подтверждение деятельности, не запрещенной Конвенцией, и проверка отсутствия скрытого производства химического оружия или его компонентов. С этой целью²¹ предусмотрено проведение как *инспекций рутинного характера* на соответствующих объявленных объектах, так и *инспекций по запросу*. Последние формально могут проводиться в любом месте в пределах границ государства-участника, а также на территории, находящейся под его юрисдикцией или контролем. Однако из их детального описания следует, что де-факто ИНМ привязываются к какому-либо объекту, который может иметь отношение к КЗХО. Это, например, хранилища химоружия или объекты, связанные с производством химикатов. Характерным свойством подобного объекта является возможность установления так называемого «периметра», ограничивающего объект и прилегающую к нему территорию и, как правило, совпадающего с имеющимся ограждением.

Параметры рутинных инспекций (количество, сроки, продолжительность инспекций и т.п.) зависят от типа конкретной инспекции, вида объекта и масштабов его деятельности. Детальный порядок определения этих параметров, в развитие соответствующих положений Конвенции, устанавливается в Руководящих указаниях, принятых Первой конференцией ее государств-участников. Для конкретного объекта, подлежащего рутинным инспекциям, между Организацией по запрещению химоружия (ОЗХО) и соответствующим государством-участником заключается Соглашение по объекту, в котором, в частности, оговариваются и параметры инспекций. В соответствии с установленными параметрами такие инспекции проводятся на уведомительной основе.

Инспекции по запросу могут проводиться в любое время, однако их продолжительность ограничена 84 часами, если с инспектируемым государством не будет согласовано ее увеличение. В КЗХО определены процедуры подачи запроса и обязательные требования к оформлению запроса, порядок его рассмотрения, направления уведомления инспектируемому государству, процедура принятия решения Исполнительным советом (ИС) ОЗХО и порядок последующих действий. Отметим, что в КЗХО принята так называемая процедура «красного света»²² – ИС формально может принять решение лишь по вопросу о не проведении инспекции, остановить подготовку к ней, если он сочтет, что запрос является надуманным, необоснованным или выходящим за рамки Конвенции. Решение считается принятым, если оно поддержано не менее чем тремя четвертями от общего числа (41) членом ИС и если это сделано в течение первых 12 часов после получения запроса. Такой порядок означает почти автоматический запуск ИНМ.

Все виды инспекций на местах проводятся профессиональными инспекторами и помощниками из штата инспектората Технического секретариата (ТС) ОЗХО. Списки назначенных инспекторов и их помощников были согласованы ТС с государствами-участниками в течение первых двух месяцев после вступления КЗХО в силу. Государства сохраняют за собой право в любой момент отвести любую ранее согласованную кандидатуру за исключением отвода членом инспекционной группы, назначенной для проведения конкретной инспекции, о которой государство уже получило уведомление. При проведении инспекции члены инспекционной группы наделяются привилегиями и иммунитетами дипломатического уровня, как это установлено Венской конвенцией. Государство, запросившее инспекцию, при согласии инспектируемого государства может направлять наблюдателя, который имеет право получить доступ к месту проведения ИНМ, высказывать инспекционной группе (ИГ) свои рекомендации и получать от нее информацию о работе и выводах инспекции.

Для прибытия и убытия инспекционной группы предусматриваются постоянные пункты въезда, число и местоположение которых определяет государство с таким расчетом, чтобы оттуда инспекционная группа могла достичь любого инспектируемого места в пределах 12 часов. Для прибытия ИГ в пункт въезда могут использоваться нерейсовые

самолеты, в отношении которых определяется порядок получения постоянного номера дипломатического разрешения, согласования полетного плана и других необходимых формальностей. По прибытии на инспектируемый объект предусмотрено проведение прединспекционного инструктажа (брифинга).

Деятельность в рамках рутинных инспекций, разрешенная КЗХО, включает в себя опросы персонала инспектируемого объекта, обследование документации и записей, которые инспекторы считают относящимися к выполнению задания, фотосъемку, включая моментальную, отбор и анализ проб, а также некоторые другие виды деятельности в зависимости от цели рутинной инспекции. Отбор проб осуществляется представителями инспектируемой стороны по просьбе ИГ и в присутствии инспекторов либо, по согласованию с инспектируемой стороной, самой ИГ. Анализ же проб производится либо ИГ на месте, либо, по ее решению, назначенными организацией лабораториями. В КЗХО определены необходимые положения относительно назначенных лабораторий, доставки проб и проведения анализов. Для ИНМ по запросу, помимо вышеуказанных видов деятельности, предусмотрено определение местонахождения с использованием соответствующего оборудования, применение видеозаписей и химико-индикационных средств для контроля периметра инспектируемого объекта, а также любая другая соответствующая мандату на данную ИНМ деятельность, если она согласована между ИГ и инспектируемым государством.

Результаты инспекционной деятельности и фактологические выводы ИГ должны быть отражены в предварительном докладе, представляемом Генеральному директору (ГД) ТС не позднее 72 часов после возвращения ИГ в Гаагу. Доклад незамедлительно передается государству, запросившему ИНМ, инспектируемому государству и ИС. Окончательный доклад после ознакомления с его проектом инспектируемого государства и внесения поправок с учетом, насколько возможно, замечаний и предложений представляется ИС и всем государствам не позднее 30 дней после завершения ИНМ.

Для осуществления инспекционной деятельности разрешается использовать любое оборудование, которое включено в перечень, утвержденный Конференцией государств-участников. Все это оборудование находится на попечении ТС, который определяет, какое именно оборудование будет использоваться в конкретной инспекции. Инспектируемое государство имеет право, без ущерба для установленных сроков²³, досматривать в пункте въезда ввозимое оборудование в присутствии членов инспекционной группы. В ходе ИНМ группа может попросить инспектируемое государство предоставить его собственное оборудование. По мере возможности такие просьбы обычно удовлетворяются.

Важной частью среди прав и обязанностей инспектируемого государства является его право на защиту национальной безопасности. Однако меры, направленные на защиту собственной безопасности, не должны использоваться в целях сокрытия нарушения обязательств по данной Конвенции. Меры собственной безопасности включают, помимо прочего, применение регулируемого доступа – то есть системы различных ограничений и запретов. В случае действия системы регулируемого доступа степень доступа, проводимая ИГ деятельность, объем предоставляемой ей информации, а также конкретная деятельность инспектируемого государства определяются в ходе переговоров между ИГ и инспектируемым государством. Положения о регулируемом доступе включают вопросы планирования ИНМ, конкретные меры по ограничению доступа и, в частности, обязанность инспектируемого государства прилагать все разумные усилия для того, чтобы обеспечить альтернативные способы снятия озабоченности относительно возможного несоблюдения соглашений. Предусматриваются также специальные процедуры по отношению к конфиденциальной информации, включая ограничение на ее сбор, порядок обращения с такой информацией и ее отражение в докладах.

В заключение этого раздела обратимся к *Договору об открытом небе*. Этот Договор был открыт к подписанию в 1992 г., вступил в силу 1 января 2002 г. и ратифицирован на сегодня 34 государствами, включая Россию и США. Договор представляет собой уникальное соглашение, основным обязательством которого является собственно предоставление государствами возможности проводить наблюдательные полеты (облеты) над

своей территорией на основании запроса одного или нескольких государств-участников в рамках установленных квот. Согласно Преамбуле Договора, режим «открытого неба» устанавливается в интересах улучшения транспарентности военной деятельности и укрепления доверия между участниками, а также для содействия наблюдению за выполнением существующих или будущих соглашений в области контроля над вооружениями.

Облеты, предусмотренные Договором, проводятся на уведомительной основе. Их могут инициировать одно или несколько государств, если последние образуют группу, как это определено Договором. Эта сторона, именуемая наблюдающей, не позднее, чем за 72 часа до планируемого прибытия в пункт въезда, должна направить уведомление, содержащее необходимую информацию, государству (наблюдаемой стороне), над территорией которого намечен облет. Облет может проходить и над территорией нескольких государств-участников, если они образуют группу. Для каждого из государств либо групп государств Договором установлены пассивные (как для наблюдаемой стороны) и активные (как для наблюдающей стороны) годовые квоты, которые могут заметно перераспределяться в пределах групп по желанию входящих в них государств. Наибольшие квоты установлены для США (пассивная – 42, активная – для первого года после вступления договора в силу – 9) и для группы Белоруссия + Россия (пассивная – 42, активная для первого года – 24), а полная сумма активных квот для первого года составляет 89. Для всех государств-участников в Договоре определены также пункты въезда/выезда, аэродромы (основные, запасные и для дозаправки) и максимальная дальность наблюдательных полетов. Наибольшая дальность принята для групп Белоруссия + Россия (до 7200 км) и для США (до 4900 км). Таким образом, в течение года возможно проведение многих десятков облетов с охватом громадной территории (например, территория допустимой аэрофотосъемки при облетах, отведенная США, по площади примерно в два раза превосходит территорию этой страны).

Облеты совершаются с использованием самолетов, специально предназначенных для этой цели, оборудованных соответствующим образом и прошедших сертификацию. Самолеты могут принадлежать наблюдающей, наблюдаемой либо третьей стороне. Для каждого из этих вариантов предусмотрены соответствующие процедуры освидетельствования и предполетной инспекции самолета и инспекционного оборудования в подтверждение того, что они соответствуют установленным требованиям. Это оборудование включает аппаратуру наблюдения – оптические кадровые и панорамные фотокамеры, видеокамеры, устройства линейного сканирования в инфракрасном диапазоне и радиолокационные станции бокового обзора с синтезированной апертурой, доступные для приобретения на коммерческой основе для всех участников договора. Кроме того, для аннотирования данных, полученных аппаратурой наблюдения, Договором разрешено оснащение инспекций специальными устройствами, а также оборудованием, демонстрирующим в режиме реального времени изображение, получаемые этой аппаратурой.

Для каждого конкретного облета персонал наблюдающей стороны отбирается из списков назначенного персонала. Списки согласуются между государствами-участниками заранее (согласование первых списков было завершено в течение двух месяцев после вступления Договора в силу). Список назначенного персонала для каждого государства может включать до 400 человек. Этот персонал получает долгосрочные визы (сроком не менее чем на два года) и наделяется на время его участия в облете привилегиями и иммунитетами в рамках Венской конвенции. Поименный список участвующего в облете персонала приводится, среди прочего, в уведомлении. Вне зависимости от того, какой стороной выделяется самолет, во время облета на нем должны находиться представители как наблюдающей, так и наблюдаемой сторон. При этом во время облета, в соответствии с согласованным планом миссии, проводится фото- и видеосъемка, а на ближайшее будущее планируется также получение записей данных инфракрасного сканирования и данных радиолокации. Договор содержит детально разработанные процедуры, которые определяют подготовку и проведение деятельности таких инспекций и регулируют порядок обращения с носителями информации, правила составления плана миссии с учетом специфики опасных зон, зон ограничения полетов и запретных зон, а

также иные необходимые процедуры. Вся полученная информация по завершении облета становится доступной для всех государств-участников.

Таким образом, Договором об открытом небе создан беспрецедентно универсальный механизм транспарентности военной деятельности, что, несомненно, способствует укреплению взаимного доверия и безопасности.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ИНМ В ХОДЕ РАЗРАБОТКИ ДВЗЯИ: 1958 – 1996 гг.

Первые предложения об использовании ИНМ для целей контроля над соблюдением всеобъемлющего запрещения ядерных испытаний (ВЗЯИ) поступили практически с самого начала официального рассмотрения этой проблемы. 31 октября 1958 г. в Женеве открылись переговоры трех ядерных держав – СССР, США и Великобритании – по прекращению ядерных испытаний. Это случилось сразу после проведения Конференции экспертов по изучению возможности обнаружения нарушений предполагаемого соглашения о приостановке ядерных испытаний и вслед за объявлением СССР и США моратория на испытания. На этих переговорах со стороны США и Великобритании в качестве одного из основных элементов системы контроля над соблюдением договора были предложены обязательные инспекции на месте события, вызывающего сомнения. В тогдашней обстановке взаимного недоверия СССР, рассматривая такие инспекции как вариант легализованного шпионажа, априори отрицательно воспринял это предложение.

Однако в процессе дальнейших переговоров произошло сближение позиций, и ИНМ были включены в общую структуру предполагаемого договора. Однако вопрос о количестве возможных в течение года инспекций²⁴ наряду с некоторыми другими вопросами, также связанными с балансом надежности и интрузивности системы контроля, стал непреодолимым камнем преткновения. Соглашения по этим вопросам так и не удалось достичь до самого конца этих переговоров по ВЗЯИ, которые в 1963 г. были приостановлены. Но уже в июле 1963 г. тремя ядерными державами в Москве менее чем за две недели был стремительно разработан *Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой*, или, как его принято называть, Московский договор. В октябре 1963 г. Договор вступил в силу, и на сегодня насчитывает 131 государство-участника²⁵. Столь быстрый успех переговоров был обусловлен двумя обстоятельствами – достаточной технической готовностью трех ядерных держав к обеспечению всех своих ядерно-оружейных потребностей с помощью только подземных испытаний, а также относительной несложностью регистрации ядерных взрывов в охваченных этим договором средах. Иначе говоря, не было необходимости проводить ядерные испытания в нарушение Московского договора, а проблему контроля было возможно решить с достаточной степенью уверенности, используя только национальные (технические и иные) средства. Вероятно, в силу этого весьма компактный текст Московского договора не включает в себя никаких положений, относящихся к проверке соблюдения договоренности.

В последующие полтора десятилетия поиски решения проблемы запрещения испытаний и контроля были, по существу, заморожены. Основные усилия в подготовке международных документов, имеющих отношение к ядерным испытаниям, в эти годы были направлены на разработку многостороннего соглашения о нераспространении ядерного оружия и на достижение соглашений о пороговом ограничении подземных ядерных взрывов. Первое из этих соглашений в 1968 г. было успешно реализовано в виде ДНЯО²⁶. Кроме того, были заключены два двусторонних договора между СССР и США – *об ограничении подземных испытаний ядерного оружия* (1974 г.) и *о подземных ядерных взрывах в мирных целях* (1976 г.). Механизм контроля ДНЯО и роль ИНМ в рамках этого механизма мы разобрали в предыдущем разделе. Что же касается обоих пороговых договоров, то первоначально решение вопроса о контроле над их соблюдением предстало в упрощенном виде, с опорой в основном на национальные технические средства и без использования ИНМ. Этот момент и стал камнем преткновения при ратификации договоров. Лишь спустя десять лет, в течение которых основные обязательст-

ва²⁷ не вступивших в силу пороговых договоров, тем не менее, соблюдались сторонами, СССР и США вернулись за стол переговоров и к маю 1990 г. в конечном итоге разработали взаимоприемлемую систему проверки соблюдения. Подробное описание этой системы дано в протоколах к договорам.

Указанная система базируется на прямых измерениях (в терминологии протоколов – «контроль») энерговыделения ядерного взрыва контролирующей стороной с применением двух методов – гидродинамического и сейсмического, при этом гидродинамические измерения выполняются аппаратурой и персоналом контролирующей стороны на месте взрыва²⁸ непосредственно в момент его проведения. Кроме того, предусматривается и проведение инспекции на месте – для сбора геофизической и геологической информации с применением отбора проб горных пород. Инспекция ведет наблюдение за помещением заряда в так называемую «выработку заложения», проверяет соответствие параметров заложения установленным требованиям, по разным методам определяет точное местоположение контейнера и осуществляет фотосъемку. Для обеспечения эффективного контроля предусмотрен взаимный обмен разнообразной информацией – начиная с информации о точном местоположении полигонов сторон и заканчивая программами испытаний, а также сообщениями о существенных особенностях каждого полигона в отдельности. Протоколы содержат также детальное описание процедур, касающихся оборудования, которое может использоваться контролирующей стороной. Большое внимание в протоколах уделяется вопросу консультаций, координации и другим необходимым аспектам контроля. Анализ системы проверки показывает, что за исключением сейсмических измерений, имеющих дистанционный характер, остальные элементы проверки, несмотря на некоторые различия в терминологии, по своей сути являются не чем иным, как вариантами ИНМ. Опыт, накопленный в разработке и последующей реализации данной системы проверки, был использован позднее в ходе ведения переговоров по ДВЗЯИ.

ИНМ вновь стали предметом обсуждения после возобновления переговоров по ДВЗЯИ в трехстороннем формате (Англия, СССР, США) в октябре 1977 г. Тогда казалось, что перспектива скорого заключения ДВЗЯИ вполне реальна, поскольку найдено приемлемое решение вопросов контроля. Решение это выдвинулось в сочетании двух методов: размещения на территории каждого из государств-участников нескольких (порядка десятка) автоматических станций сейсмического мониторинга, защищенных от фальсификации данных, и ИНМ, проводимых с согласия принимающего государства. Однако неготовность США в тот период принять бессрочный запрет на испытания привела к замедлению переговоров, и впоследствии главное место в переговорной деятельности относительно разоружения постепенно заняли проблемы ограничения стратегических вооружений и разработка Договора ОСВ-2. Работа же над ДВЗЯИ к концу 1980 г. была приостановлена, а в 1982 г. США полностью отказались от продолжения переговоров.

Возобновление переговоров стимулировали два важных события в истории ДВЗЯИ: это полугодовой мораторий на ядерные испытания, объявленный СССР 6 августа 1985 г., в день 40-летней годовщины ядерной бомбардировки Хиросимы, и очередная Конференция по рассмотрению действия ДНЯО, состоявшаяся в 1985 г. На Конференции прозвучала резкая критика в адрес ядерных держав в связи с их позицией в отношении ДВЗЯИ. Увеличение числа сторонников запрета на испытания и понимание важности достижения успеха в этом направлении для бессрочного продления ДНЯО – решение по этому вопросу должно было быть принято в 1995 г. – явились серьезным побудительным стимулом для возобновления переговоров. В ряду не менее важных аспектов можно назвать необходимость дальнейшего повышения взаимного доверия, продвижение в сокращении вооружений и укреплении международной безопасности, сопровождавшиеся заключением ряда новых международных соглашений и договоренностей в этой сфере²⁹, а также соответствующие односторонние инициативы – прежде всего моратории на ядерные испытания. И наконец, в результате окончания холодной войны произошло радикальное изменение политической обстановки в мире, когда военно-политическое противостояние двух сверхдержав фактически прекратило свое существование. В этих условиях был выдвинут ряд инициатив по возобновлению рассмотрения вопроса

о ВЗЯИ. Так, в 1989–1992 гг. Генеральная Ассамблея ООН неоднократно обсуждала вопрос о внесении поправок в Московский договор 1963 г., чтобы превратить его в ДВЗЯИ, и выражала свою поддержку усилиям в этом направлении. В развитие этой инициативы была созвана Конференция государств–участников Московского договора для согласования таких поправок. Основное заседание этой конференции состоялось в начале 1991 г., и хотя к 1993 г. так и не удалось выработать взаимоприемлемое решение, эта конференция способствовала дальнейшей интенсификации усилий государств, направленных на достижение ВЗЯИ.

Начиная с 1993 г., эти усилия начали концентрироваться в направлении разработки нового договора. В начале 1993 г. Конференция по разоружению (КР) в Женеве, успешно завершившая работу над КЗХО, приняла решение о воссоздании Специального комитета (СК) по проблеме ВЗЯИ и начала выработку его мандата. В течение 1993 г. параллельно с подготовительной работой, проводившейся КР, состоялись весьма полезные консультации между ключевыми государствами, что способствовало созданию необходимых условий для начала практической разработки договора. Итогом этой работы стало воссоздание Специального комитета в январе 1994 г., и в качестве его мандата КР назвала проведение переговоров «по универсальному и поддающемуся многостороннему и эффективному контролю Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний [...]». Сразу же вслед за этим началось интенсивная работа над договором, при этом большое внимание уделялось разработке механизма ИНМ как одной из важнейших составляющих международного режима проверки соблюдения ДВЗЯИ.

Работа над ИНМ, как и над договором в целом, проходила отнюдь не гладко. В течение первого года переговоров определились аспекты и параметры ИНМ, по которым мнения участников совпадали или были достаточно близки. Однако в процессе переговоров проявились и такие проблемы, по которым позиции участников существенно расходились или оказались даже диаметрально противоположными. Важно было достичь согласия, прежде всего, относительно роли и места ИНМ в системе проверки соблюдения договора, механизма запуска инспекций, их проведения, видов деятельности, адекватных цели той или иной инспекции. В эту систему были включены также Международная система мониторинга (МСМ) с Международным центром данных (МЦД), Консультации и разъяснения (КИР) и Меры укрепления доверия (МУД). Надо отметить, что по проблеме мониторинга, в частности сейсмического мониторинга, за многие годы проведения ядерных испытаний был накоплен громадный опыт на национальном уровне и, сверх того, проводились длительные международные технические эксперименты³⁰ под эгидой группы научных экспертов-сейсмологов, работавших при КР. А в том, что касается ИНМ, участники переговоров не имели подобной опоры и ориентиров. Они могли ориентироваться лишь на концептуальные решения, ранее использованные в других договорах, по своему характеру существенно отличающихся от ДВЗЯИ, и, кроме того, на ограниченный опыт практических экспериментальных работ по изучению возможностей некоторых технологий, применяемых для решения задач обнаружения остаточных признаков ядерного взрыва. Но такой опыт к тому времени имелся лишь у нескольких стран, и прежде всего у России.

В этих условиях на начальном этапе переговоров государства вносили самые различные предложения по основным вопросам ИНМ. Например, в проекте договора, представленном в СК по ВЗЯИ в конце 1993 г. Швецией, в качестве цели ИНМ объявлялась проверка соблюдения договора. Предлагалось поручить организацию и проведение ИНМ (как, впрочем, и всего контроля ДВЗЯИ) МАГАТЭ. При этом предлагалось инициировать ИНМ по запросу государства-участника, одобренную большинством голосов – не менее двух третей членов Совета управляющих МАГАТЭ, а проводить ИНМ силами персонала Агентства. В шведском проекте были предложены предельные размеры района инспекции (площадь 1000 кв. км и линейный размер 50 км). Максимальная продолжительность ИНМ не должна была превышать семи суток, однако допускалась и принципиальная возможность продления ее на неограниченный срок. В качестве видов деятельности предусматривались наблюдения и фотосъемка в оптической и инфракрасной частях спектра на поверхности и с воздуха, измерение уровней радиоактивности в атмосфере, на по-

верхности и в воде, а также проведение сейсмологических измерений на временной основе (мониторинг «афтершоков» ядерного взрыва). Разработку Оперативного руководства по ИНМ предлагалось поручить МАГАТЭ, с тем чтобы в Оперативное руководство были включены детальные процедуры проведения инспекций.

Другие проекты, также предложенные для обсуждения в СК в 1993 г., включали проведение инспекции силами одного или нескольких государств, как в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе, либо создание самостоятельной Организации по ДВЗЯИ, которой бы и поручалось проведение инспекций, как в КЗХО. Развернулось оживленное обсуждение проектов, которое оказалось настолько противоречивым, что, например, в текст итогового доклада СК, выпущенного в сентябре 1994 г., решено было вообще не включать разделы, касающиеся ИНМ, как недостаточно проработанные. Однако это не означало, что переговоры зашли в тупик, просто потребовались дополнительные усилия и весьма интенсивная работа – как в зале переговоров, так и «за кулисами», чтобы шаг за шагом построить систему ИНМ, которая в достаточной степени соответствовала бы требованиям эффективного контроля столь непростого договора. В ходе этой работы с особым вниманием участники приступили к рассмотрению различных подходов с учетом определенного сходства между ДВЗЯИ и КЗХО, а также с учетом своего рода психологической готовности государств согласиться с предложенными подходами к ИНМ, уже реализованными в КЗХО. Вместе с тем ряд существенных отличий между ДВЗЯИ и КЗХО потребовал и иных подходов и решений в части ИНМ, и в ряде случаев новые решения пришлось выработать «с чистого листа», без опоры на прецеденты. При этом разработка инспекционной составляющей требовала постоянной адаптации ввиду эволюции подходов к таким концептуальным аспектам договора, как сфера охвата, полномочия и функции Организации по ДВЗЯИ, общая структура международного режима проверки. Например, включение пункта подготовки к проведению испытаний в сферу запрета, как это предлагалось рядом государств на определенном этапе переговоров, потребовало бы придания ИНМ соответствующих полномочий по выявлению признаков скрытой подготовки.

В течение всего периода переговоров проблематика ИНМ занимала одно из центральных мест в работе СК, постоянно находясь в поле зрения «пятерки» ядерных держав, в том числе и России, роль которой в формировании облика ИНМ во многом являлась определяющей. Российский вклад был особенно заметен, поскольку за несколько лет до начала переговоров в стране был проведен комплекс исследований по изучению применения различных технологий для обнаружения остаточных признаков ядерных взрывов и на этой базе был сформирован целостный подход к возможному техническому наполнению ИНМ. Именно российским представителям было поручено возглавить работу по вопросам ИНМ в ходе переговоров на Конференции в Женеве.

Наряду с ядерными державами большое внимание концептуальным вопросам инспекции уделяли такие важные для договора государства, как Индия, Иран, Пакистан и Израиль, которые активно участвовали в обсуждениях, внося и отстаивая свои собственные предложения. В решении технических проблем, относящихся к формированию пакета инспекционных технологий, немалую активность проявили также Италия и Канада. На определенном этапе важную работу по обобщению высказанных предложений и встраиванию их в проект договора выполнили Австралия и Нидерланды. В результате напряженной работы КР к завершающему раунду переговоров удалось разработать в целом достаточно четкую схему ИНМ. Эта схема удачно вписалась в общую структуру рабочего текста проекта договора в качестве одной из составляющих международного режима контроля. Однако в этой части, впрочем, как и в других частях проекта договора, оставался нерешенным целый ряд принципиальных проблем, по которым участники переговоров продолжали занимать различные позиции. Это касалось, например, проблемы механизма запуска ИНМ. Россия, Китай, Индия и некоторые другие страны выступали за механизм «зеленого света» – с принятием решения квалифицированным большинством голосов (не менее двух третей членов Исполнительного совета (ИС)), предполагая, что только таким образом можно свести к минимуму необоснованные инспекции. Западные державы настаивали на механизме «красного света» – с максимально легкими условия-

ми для запуска ИНМ, когда инспекция фактически начиналась бы почти в автоматическом режиме сразу же после подачи запроса и прекращалась лишь в том случае, если против нее выскажется квалифицированное большинство членов ИС. Аргументировалось это предложение тем, что важнее всего не «пропустить» возможное нарушение. Этот ключевой вопрос, как и многие другие, оставался несогласованным вплоть до последних дней переговоров.

Большую часть проблем удалось разрешить на заключительной стадии «в один прием», когда вместо официального, так называемого «переходящего» текста проекта договора (с множеством скобок, которые отражали расхождения как по принципиальным, так и по малозначимым вопросам) к рассмотрению был предложен проект договора, внесенный председателем СК (посол Я. Рамакер, Нидерланды) в качестве возможной основы для достижения соглашения. В этот текст были включены лишь те варианты решения спорных положений, которые, как представлялось его разработчикам, имели наибольшие шансы быть принятыми в итоге взаимных уступок. Такой путь оказался очень эффективным выходом из сложившейся ситуации. Но и в проекте председателя не все предложенные формулировки оказались приемлемыми для государств. В частности, предложенный в тексте председателя вариант принятия решения о запуске ИНМ так и остался предметом разногласий. Государства не согласились запускать ИНМ по механизму «зеленого света», но простым большинством голосов членов ИС этот и другие оставшиеся спорными вопросы удалось решить лишь путем рассмотрения их «в пакете», в процессе интенсивных консультаций между ключевыми участниками в самые последние дни переговоров.

Окончательный вариант проекта договора, представленный Генеральной Ассамблее ООН, содержал схему ИНМ, с которой полностью согласилось большинство участников переговоров³¹. В рамках согласованной схемы государства-участники договора³² (одно или несколько) наделяются *правом подачи запроса* на проведение ИНМ, если у них возникла озабоченность по поводу возможного несоблюдения основных обязательств. ИНМ могут запрашиваться для *любого места* как на территории, находящейся под юрисдикцией или контролем государства-участника, так и в любом другом районе, находящемся вне юрисдикции или контроля любого государства. В качестве *обоснования запроса* предусматривается использование данных МСМ и/или данных национальных технических средств³³ (НТС), если их получение не противоречит общепризнанным принципам международного права. Единственной *целью ИНМ* является прояснение того, «действительно ли в нарушение Статьи I был произведен испытательный взрыв ядерного оружия или любой другой ядерный взрыв, и, насколько это возможно, в сборе любых фактов, которые могли бы помочь в идентификации любого возможного нарушителя». Такая четкая формулировка цели дает достаточно ясные критерии для определения, насколько деятельность инспекторов и способ сбора информации соответствуют договору.

Запрос на ИНМ должен поступать в ИС Организации по ДВЗЯИ (ОДВЗЯИ). Для процедуры рассмотрения запроса установлен четкий порядок, включающий проведение консультаций с государством, в отношении которого подан запрос³⁴. *Решение по запросу* должно приниматься по процедуре «зеленого света», при этом ИНМ считается одобренной, если «за» проголосовали не менее 30 из 51 члена ИС, после чего все государства-участники обязаны разрешать проведение одобренной ИНМ на территории, находящейся под их юрисдикцией или контролем, *без права отказа*. Процедура рассмотрения запроса, как и весь процесс проведения ИНМ, если запрос одобрен, имеет вполне определенные *временные рамки*. Так, на рассмотрение и принятие решения по запросу отводится не более 96 часов с момента получения запроса. Далее, не позднее, чем за 24 часа до прибытия инспекционной группы (ИГ) в пункт въезда, инспектируемому государству направляется соответствующее уведомление, включающее, в частности, мандат на инспекцию. В пункте въезда проводится прединспекционный брифинг и осуществляется проверка оборудования представителями инспектируемого государства. ИГ должна быть доставлена в район проведения ИНМ в пределах 36 часов с момента прибытия в пункт въезда и начать там свою деятельность не позднее, чем через 72 часа, отсчитываемых от этого же момента. Инспектируемый район определяется в мандате на проведение ИНМ, издаваемом Генеральным директором (ГД) Технического секретари-

ата (ТС) ОДВЗЯИ, при этом размеры указанного района не могут превышать 1000 кв. км по площади и 50 км по прямой в любом направлении³⁵.

Весь процесс проведения ИНМ делится на три периода: первоначальный, период продолжения и период продления ИНМ. Первоначальный период ИНМ может длиться до 25 суток, начиная с момента одобрения ИНМ. Он завершается предоставлением доклада о ходе инспекции, который ИГ передает в ИС. Если в пределах 72 часов после получения доклада ИС не примет большинством голосов своих членов решение о прекращении ИНМ³⁶, начинается период продолжения ИНМ, который может длиться до 60 дней, начиная с момента одобрения запроса. ИГ наделена правом, при необходимости, просить ИС о продлении ИНМ на срок до 70 дней сверх упомянутого выше 60-дневного срока. Решение относительно такого продления ИНМ также принимается в пределах 72 часов после получения ИС соответствующего запроса от ИГ. Инспекция продлевается, если в поддержку продления выступит большинство членов ИС³⁷. Чередование механизмов принятия решений – «зеленый свет» при рассмотрении запроса, «красный свет» при завершении первоначального периода и возможном начале периода продолжения, и вновь «зеленый свет» при принятии решения о продлении ИНМ – было согласовано в пакетном режиме на завершающей стадии переговоров. Такой порядок отражает стремление государств, с одной стороны, защитить себя от «легкого» запуска ИНМ и, с другой стороны, в случае одобрения ИНМ почти автоматически дать ИГ достаточное время (около 60 дней) для установления точного места события, вызвавшего запрос, и сбора такого объема информации, который позволил бы достаточно уверенно определить его природу. ИГ может также рекомендовать ИС прекратить инспекцию. Эта рекомендация должна быть рассмотрена ИС в течение 72 часов, и считается принятой, если не будет отвергнута большинством в две трети голосов.

Договор не предусматривает создания постоянного инспектората в составе ТС, как это имеет место в КЗХО. В рамках ДВЗЯИ, с учетом обстоятельств запроса, ИНМ проводится специально формируемой инспекционной группой, назначаемой ГД из списка назначенных инспекторов и их помощников. В список инспекторов входят как кандидатуры, номинированные государствами, так и сотрудники ТС, номинированные ГД. Все номинированные для включения в список кандидатуры подлежат согласованию в соответствии с постоянными процедурами, изложенными в договоре. Сверх того, все включенные в список должны пройти необходимую подготовку. Численность членов ИГ, находящихся на территории инспектируемого государства, не должна превышать 40 человек, при этом они наделяются привилегиями и иммунитетами в объеме Венской конвенции, как это имеет место и в КЗХО. Обязательные процедуры, сходные с процедурами КЗХО, установлены также для назначения необходимого числа пунктов въезда и возможного использования нерегистровых самолетов.

Подобно КЗХО, ДВЗЯИ предусматривает для ИНМ возможность присутствия при ее проведении одного или нескольких (до трех) наблюдателей от государств, запросивших инспекцию, если их согласно принять инспектируемое государство. Наблюдатели пользуются практически теми же привилегиями и иммунитетами, что и члены ИГ, они имеют право знакомиться с результатами деятельности ИГ и высказывать свои соображения и рекомендации.

Универсальность запрета договором любых ядерных взрывов, вне зависимости от уровня их энерговыделения, а также от места, среды и других условий их проведения, определяет необходимость иметь в составе инспекционных средств обширный перечень достаточно сложных технологий и видов деятельности. В перечень входят визуальные наблюдения, фото- и видеосъемка, получение многоспектральных изображений, включая инфракрасные, сейсмологический мониторинг «афтершоков», измерение гамма-излучения, отбор и анализ проб, активное сейсмическое зондирование и резонансная сейсмика, составление карт магнитного и гравитационного полей, измерение электропроводности грунта, обследование с помощью грунтопроникающего радара и бурение в зоне предполагаемого взрыва с отбором проб. Помимо деятельности на поверхности предусмотрено проведение облетов. Первоначальный облет, продолжительностью до

12 часов, с проведением визуальных наблюдений, фото- и видеосъемки и, по согласованию с инспектируемым государством, дополнительных наблюдений, в рамках которых могут проводиться также измерение гамма-излучения, многоспектральная съемка и измерения магнитного поля. Вся эта деятельность проводится ИГ непосредственно на месте, за исключением анализа проб, к которому могут быть, в рамках соответствующих процедур, привлечены *назначенные лаборатории*. Можно утверждать, что по объему и разнообразию инспекционной деятельности ДВЗЯИ является уникальным международным соглашением. Не вдаваясь в дальнейшие технические детали, отметим лишь, что применяемые технологии и виды деятельности, с одной стороны, увязываются с периодом ИНМ³⁸, а, с другой стороны, должны быть перечислены в мандате. Особым видом деятельности ИНМ является *бурение* – для его проведения ИГ обязана направить ИС отдельное предложение и получить одобрение большинством голосов.

В восприятии участников Договора одной из серьезных проблем касательно ИНМ стала присущая ей высокая интрузивность, затрагивающая законные интересы инспектируемого государства в области защиты чувствительной информации и объектов, не имеющих отношения к цели инспекции. Эта проблема была решена лишь на заключительном этапе переговоров в составе упомянутого выше «пакета». В ДВЗЯИ присутствует ряд положений, позволяющих защитить эти интересы. Положения эти сформулированы в виде перечисления *прав инспектируемого государства*. Так, представители инспектируемого государства имеют право наблюдать за инспекционной деятельностью, получать по запросу копии информации, собранной в районе инспекции. При этом любые собранные материалы, признанные не относящимися к целям инспекции, возвращаются инспектируемому государству. В ДВЗЯИ, как и в КЗХО, предусмотрен механизм *регулируемого доступа*, который может применяться инспектируемым государством на чувствительных участках или объектах в инспектируемом районе. Механизм регулируемого доступа предусматривает ряд возможных ограничений доступа, вплоть до полного его запрета на участках, не превышающих 4 кв. км каждый и в сумме не превосходящих 50 кв.км. В рамках своих прав инспектируемое государство может также ограничивать или запрещать облеты чувствительных участков, взять на себя функцию ведения съемки, удерживать на своей территории под совместными с ИГ печатями оригиналы фотоснимков и фотографических продуктов первого поколения и т.п.

После завершения ИНМ или одного из ее этапов все полученные результаты вместе с другой – имеющей отношение к делу – информацией поступают в ИС в форме *доклада*, передаваемого туда ГД и направляемого всем государствам–участникам Договора. В рамках своих прав по защите законных национальных интересов инспектируемое государство имеет возможность заранее получить проект любого доклада и высказать свои замечания, включая предложения по изъятию из него сведений, которые оно считает не относящимися к цели ИНМ. Все предлагаемые изменения должны быть рассмотрены и удовлетворены в той мере, в какой это, по мнению ГД, окажется возможным. При изучении доклада ИС обращает внимание на то, имело ли место какое-либо несоблюдение Договора, и одновременно на то, имело ли место злоупотребление правом запроса, если по этому поводу будет какой-то из сторон высказана озабоченность. Если ИС придет к выводу, что могут потребоваться дальнейшие действия в связи с вопросом несоблюдения Договора, он может запросить проведение специальной сессии Конференции государств-участников, предложив при этом свои рекомендации. В случае же признания запроса надуманным или недобросовестным предусмотрены санкции, которые могут быть, по решению ИС, применены к виновной стороне.

Даже беглое рассмотрение механизма ИНМ в рамках ДВЗЯИ, проделанное выше, дает возможность оценить, насколько ДВЗЯИ, имея ряд общих элементов с инспекционными механизмами других соглашений, и прежде всего с ИНМ в КЗХО, является одновременно уникальным и сложным. Эта сложность, с одной стороны, и ограниченное время, отведенное на переговоры, – с другой, не позволили полностью решить некоторые проблемы через соответствующие положения и процедуры Договора и Протокола. Примеры нерешенных вопросов, возможные подходы, пути и методы их решения, а также уже сделанные практические шаги рассматриваются ниже, в следующем разделе.

НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНМ В РАМКАХ ДВЗЯИ И РАБОТА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ НАД РЕШЕНИЕМ ЭТИХ ПРОБЛЕМ

Генеральная Ассамблея (ГА) ООН, рассмотрев проект договора, включавший описанный здесь механизм ИНМ, одобрила открытие договора к подписанию, которое началось незамедлительно – в сентябре 1996 г. Вскоре приступила к работе Подготовительная комиссия (ПК) будущей Организации по договору. Перед комиссией была поставлена задача, среди прочего, обеспечить практическую готовность всех элементов международного режима контроля к моменту вступления ДВЗЯИ в силу. ПК предстояло также решить немало вопросов, относящихся к ИНМ. На первый взгляд, таких вопросов было сравнительно немного – это разработка и подготовка Оперативного руководства по ИНМ (содержащего все соответствующие юридические, технические и административные процедуры) для одобрения на первой сессии Конференции государств–участников договора, перечня оборудования для ИНМ, а также разработка программы подготовки инспекторов. Однако в процессе работы над составлением Оперативного руководства, начатой в Вене в 1997 г., стало ясно, что проблемы ИНМ являются отнюдь не такими простыми и малочисленными, как казалось. В чем же состояли эти сложности?

Если говорить о свойствах затруднений общего характера, то можно выделить два главных обстоятельства. Первое из них – это сама по себе сложность и уникальность механизма ИНМ в рамках ДВЗЯИ. Ни в каком другом договоре ИНМ не имеет перед собой такой широкомасштабной задачи – обнаружить в достаточно большом по размерам районе признаки ядерного взрыва с **любым** энерговыделением, проведенного в заведомо неизвестной постановке и с вероятным применением мер по его маскировке и сокрытию остаточных проявлений. К тому же место осуществления взрыва и, соответственно, район поиска могут располагаться практически в любом месте земного шара. Кроме того, инспекция может потребоваться в любое время года, следовательно, требуется готовность к работе в любых природно-климатических условиях – от варианта проведения ИНМ в пустыне, в экваториальной зоне, летом до зимней экспедиции в районы Северного или Южного полюса. Нельзя не учитывать также всевозможные ограничения, определенные договором, начиная с численности ИГ и заканчивая возможностью применения мер регулируемого доступа. Во всем этом многообразии условий процедуры, отраженные в Оперативном руководстве по ИНМ, и включенное в список оборудования должны обеспечить достижение ИНМ своей цели. Не менее сложны требования и к программе подготовки инспекторов – она должна дать членам ИГ знания, навыки и опыт, требуемые для эффективной работы в описанных выше условиях.

Другим обстоятельством, осложняющим работу по налаживанию механизма ИНМ, является некоторое несовершенство положений Договора и протокола, относящихся к инспекциям. Как известно, работа над ними велась в условиях большой спешки, и относительно быстрое завершение этой работы сказалось в виде недостаточной проработанности некоторых вопросов ИНМ и даже пробелов в договорных положениях. Более того, после компоновки текста из разных вариантов в единый документ – упомянутый выше «проект Рамакера» – остались разночтения и даже противоречивые положения. «Проект Рамакера» был составлен, исходя, прежде всего, из стремления возможно быстрее найти «наилучший из возможных» баланс несовпадающих интересов. Времени на подготовку документа было отведено в обрез, и вдобавок превалировал оптимистический взгляд на перспективы вступления ДВЗЯИ в силу и надежда на то, что все недоработки в тексте договора могут быть компенсированы в будущем – например, через решения Конференции государств–участников договора, через национальные меморандумы о понимании и т.д. Что касается недоработок, то в качестве простого и наглядного примера, правда, не относящегося к ИНМ, можно назвать ситуацию с перечнем объектов МСМ, приведенным в Приложении 1 к Протоколу. Приведенные в Приложении 1 координаты многих уже существовавших к моменту завершения работы над Договором станций мониторинга на деле не совпадают с истинными координатами. А в некоторых случаях указанные в Приложении места вообще оказываются за пределами суши, в морской акватории. А результат обследования мест, которые рекомендуются в Приложении для размещения новых станций МСМ, подтвердил полную их непригодность для эффективного мониторинга (недопусти-

мо высокий уровень помех, отсутствие необходимой инфраструктуры и т.п.). Конечно, применительно к международным договорам существует практика исправления ошибок, не связанных со сложными процедурами, однако изменение ошибочных координат не может интерпретироваться как простое исправление опечаток. В результате потребовалось выработать временную формальную процедуру обхода такого рода неточностей, по которым окончательное решение еще предстоит принимать первой Конференции государств-участников договора после его вступления в силу. Очевидно, что по крайней мере часть из выявляемых сейчас в Приложении 1 неувязок можно было бы избежать, располагая разработчики проекта договора временем и возможностями для проверки координат. Кроме того, имеет смысл включить в договор формулировки, позволяющие вносить необходимые изменения по «облегченной процедуре».

Недоработки и нечеткие формулировки в договоре и протоколе имеют место и в отношении ИНМ. Можно в качестве примера указать на совокупность положений, определяющих степень транспарентности деятельности ИГ для инспектируемого государства и права обеих сторон в этом аспекте. Здесь можно выделить две существенно отличающиеся друг от друга точки зрения. Согласно одной из них, ИГ должна иметь право на закрытые для инспектируемого государства внутренние совещания и обсуждения, а также на неподконтрольный ему обмен информацией с ТС. По мнению сторонников этой точки зрения, ИГ не должна раскрывать все свои карты инспектируемому государству, поскольку в случае выявления нарушения договора излишняя транспарентность деятельности ИГ поможет нарушителю успешнее «замести следы». В подтверждение законности такой позиции приводятся формулировки протокола, относящиеся к привилегиям и иммунитетам. Согласно этим формулировкам, ИГ имеет право пользоваться кодами для своих сношений с ТС, а служебные помещения ИГ пользуются такой же неприкосновенностью, какой, согласно Венской конвенции, пользуются помещения дипломатических сотрудников, стало быть, там могут проводиться закрытые обсуждения. Другая точка зрения высказывается государствами, которых в отношении возможных инспекций на их территории особенно беспокоят проблемы сбора конфиденциальной информации, не имеющей отношения к цели ИНМ, и возможной утечки такой информации за пределы страны. По мнению сторонников такой точки зрения, вся деятельность инспекционной группы, включая любые совещания и информационный обмен с ТС, должна быть прозрачной для инспектируемого государства. В обоснование этого также приводятся положения протокола, но уже иные, говорящие об обязанности ИГ предоставлять инспектируемому государству по его запросу копии информации и данных, собранных в районе инспекции, а также о праве этого государства направлять представителей для наблюдения за всей инспекционной деятельностью, проводимой ИГ. Этот пример является отнюдь не единственным в ряду проблем, скрытых среди многочисленных формулировок договора и протокола, относящихся к ИНМ и заметно затрудняющих разработку проекта Оперативного руководства, поскольку государства пытаются отразить свои позиции по чувствительным для них вопросам, обосновывая их соответствующими договорными формулировками. Такого же рода осложнения имеют место, например, в отношении облетов, или проверок инспекционного оборудования. Что касается проблем, связанных с недостаточной полнотой договорных положений в области ИНМ и так же осложняющих работу над проектом Оперативного руководства, то здесь можно в качестве примера указать на полное отсутствие положений, относящихся к конфиденциальности (в КЗХО имеется специальный раздел, посвященный этой теме). Другим примером является недоработанность и недостаточность процедур ИНМ, проводимой в открытом море, вне национальных границ. В результате и соответствующая глава проекта Оперативного руководства пока еще не наполнена конкретными формулировками, пригодными для обсуждения.

Серьезные проблемы имеются и в той части работы ПК, которая относится к оборудованию для ИНМ. Ведь в действительности задача здесь не сводится к составлению некоего перечня, который должен быть представлен на утверждение первой Конференции государств-участников после вступления договора в силу. Задача состоит в том, чтобы прежде всего выработать согласованные технические требования к оборудованию, которое соответствовало бы потребностям ИНМ применительно к каждой из инспекционных технологий. При этом следует учесть и озабоченность инспектируемой стороны в

отношении избыточных возможностей такого оборудования, использование которого позволяет получать не требующуюся для целей ИНМ информацию, включая информацию конфиденциального характера. Такое совмещение функций оказалось непростой задачей даже для того оборудования, которое будет использоваться только для обучения и испытаний. Принятая ныне в ПК многоэтапная процедура согласования характеристик оборудования является весьма громоздкой и тормозит процесс его получения в распоряжение ВТС. Кроме того, некоторые виды оборудования с требуемыми уникальными свойствами пока просто не существуют в природе, и требуется организовать их разработку на базе наиболее близких по характеристикам прототипов. А это оказывается далеко не простой задачей, учитывая, с одной стороны, ограниченные финансовые ресурсы ПК и, с другой стороны, слабую заинтересованность потенциальных производителей в разработке нового уникального оборудования, потребность в котором не будет превышать нескольких единиц. Кроме того, предстоит решить вопросы, находящиеся на стыке с разработкой проекта Оперативного руководства. Это, например, процедуры сертификации оборудования, его защищенного хранения на территории государств-участников, порядок проверки в пункте въезда, чтобы, с одной стороны, не создавалось задержек для проведения ИНМ, а с другой стороны – не вызывало беспокойства у инспектируемого государства.

Несколько менее драматичной выглядит ситуация в части разработки программы подготовки будущих инспекторов, однако и здесь требуется приложить еще немало усилий. Ведь такая программа должна обеспечивать необходимую подготовку для пополнения ИГ кадрами, способными эффективно применять более десятка инспекционных технологий в нужной последовательности и взаимодействии для достижения цели ИНМ во всем многообразии возможных ее сценариев. Предстоит еще большая работа по апробации и доводке программ разнообразных курсов и учений, включая полномасштабные полевые учения, для их последующего использования в подготовке инспекторов, которая будет реализовываться после вступления договора в силу.

Существует еще одна проблема, относящаяся к ИНМ, о которой уже упоминалось выше и которую необходимо решить для обеспечения готовности к своевременному запуску и эффективному осуществлению ИНМ. Эта проблема заключается в почти полном отсутствии практического опыта проведения инспекций в формате ДВЗЯИ. Это и недостаточность знаний в области методологии эффективного поиска признаков скрыто проведенного ядерного взрыва, и неотработанность на практике разного рода процедур, которые должны регламентировать деятельность основных участников процесса проведения ИНМ (ИГ, инспектируемое государство, ТС, назначенные лаборатории и т.д.). Кроме того, нет разработанных процедур взаимодействия всех участников процесса друг с другом на всех этапах подготовки и проведения ИНМ. Чтобы восполнить этот пробел, весьма важно использовать все имеющиеся возможности для изучения эффективности применения инспекционных технологий во всем спектре условий проведения ИНМ и выработать рациональные и приемлемые для государств процедуры, адаптированные к реальным условиям. В этом отношении предстоит продолжить изучение опыта, накопленного при проведении ИНМ по другим международным договорам, и использовать его в той мере, в какой он применим для ДВЗЯИ. Другое направление в решении этой задачи – проведение экспериментов различного уровня сложности и с максимальной реалистичной имитацией условий, которые могут иметь место в действительности при проведении ИНМ. Такие эксперименты, при продуманной их постановке, могут дать как ценные рекомендации в отношении методологии ИНМ и использования инспекционных технологий, так и обеспечить проверку, отработку и оптимизацию различного рода необходимых процедур. Эта работа, важность которой в полной мере признана ПК, уже ведется в ТС, и должна вестись и далее с максимальным вовлечением государств, что, несомненно, повысит ее эффективность.

Завершая рассмотрение поставленного вопроса, напомним о состоянии дел с подписанием и ратификацией ДВЗЯИ к моменту завершения работы над этой статьей. К началу мая 2004 г. договор подписало 171 государство, ратифицировали 112 государств, в том числе и Россия. Из 44 государств, ратификация которыми договора требуется для его

вступления в силу, не подписали договор только три – Индия, Пакистан и Северная Корея. Еще девять стран из этого списка подписали, но не ратифицировали договор. В их число из членов «ядерного клуба» вошли США и Китай. Остальная семерка – это Колумбия, Демократическая Республика Конго, Египет, Индонезия, Иран, Израиль и Вьетнам. Таким образом, на сегодня три государства, важных для вступления в силу договора, вообще не участвуют в работе ПК, в том числе, разумеется, и по вопросам ИНМ. Следует добавить, что ситуацию в отношении ИНМ осложняет позиция нынешней администрации США, заявившей об отсутствии намерения возвращаться к вопросу ратификации ДВЗЯИ. Более того, администрация США отказалась от участия в работе ПК по вопросам ИНМ и от выплаты той части своего взноса, которая соответствует доле США в финансировании работ по ИНМ.

Сложившаяся ситуация показывает, что даже при самом оптимистичном подходе к будущей судьбе ДВЗЯИ, необходимо быть готовыми к тому, что, возможно, придется вновь вернуться к рассмотрению многих вопросов ИНМ. Некоторые из этих вопросов на сегодняшний день выглядят в той или иной степени решенными в ПК при ее нынешнем составе либо могут быть решены в будущем, но без участия США и до того, как в ПК войдут после подписания ими ДВЗЯИ Индия, Пакистан и Северная Корея с их собственной позицией в отношении ИНМ. С учетом всех изложенных выше факторов можно полагать, что и после завершения отработки важных деталей механизма ИНМ потребуются еще немалые усилия, прежде чем будет обеспечена готовность этого механизма к исполнению функций, необходимых после вступления ДВЗЯИ в силу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматривая сегодняшнее многообразие и эволюцию подходов к использованию ИНМ в качестве средства контроля за соблюдением международных соглашений в области разоружения и обеспечения международной безопасности и изменение позиций государств в этой области, нельзя не отметить, что в последние годы, несмотря на общую тенденцию к сближению и сотрудничеству между ведущими мировыми державами, происходит своего рода «откат» назад к прежнему взаимному недоверию и подозрительности, свойственным эпохе конфронтации и холодной войны. Это отражается на ситуации, сложившейся в отношении ИНМ в рамках ДВЗЯИ. Те трудности, с которыми сталкивается работа по вопросам ИНМ в ПК ОДВЗЯИ, можно считать следствием того, что сегодняшний уровень взаимного доверия государств вряд ли повысился по сравнению с тем, каким он был в 1970–1980 гг.

Проявление некоторого «отката» в готовности государств к открытости при осуществлении контроля заметно не только в случае с ДВЗЯИ. То же самое имеет место как в отношении других уже существующих соглашений, так и в разработке новых. Например, до сих пор не увенчались успехом попытки дополнить эффективным механизмом контроля Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. Не в последнюю очередь из-за трудностей в области контроля заморожена разработка соглашения о прекращении производства расщепляющихся материалов в целях создания ядерного оружия. Непросто идет и поиск взаимоприемлемых решений по контролю Договора о СНП.

На фоне общих негативных явлений, происходящих в последние годы, таких, как определенное снижение роли ООН в урегулировании конфликтных ситуаций и возврат к решению международных проблем односторонними силовыми методами, уменьшение взаимного доверия государств и их готовности к открытости, можно в какой-то мере считать естественной реакцией на эти изменения. Существует даже мнение, что «окно возможностей» для прогресса в разоруженческой сфере, возникшее в начале 1990-х гг., «захлопнулось» на весьма долгий или, по крайней мере, неопределенный период. Тем не менее, хотелось бы надеяться, что это не так. Ведь в противовес упомянутым здесь негативным процессам и связанным с ними проблемам можно отметить и положительные шаги к расширению сотрудничества, и повышение готовности государств к участию

в процессе укрепления международной безопасности. К положительным сдвигам можно отнести, например, присоединение Кубы к ДНЯО и Договору Тлателолко, подписание и реализацию на практике Ираном Дополнительного протокола к соглашению о гарантиях с МАГАТЭ, недавний отказ Ливии от продолжения своих программ разработки оружия массового уничтожения и ее присоединение к ДВЗЯИ и другим соглашениям. Таким образом, можно ожидать, что позитивные тенденции, несмотря на все сложности нынешнего периода, будут сохраняться и развиваться.

Что же касается ДВЗЯИ, то он сохраняет свое значение существенного стабилизирующего и сдерживающего фактора в ядерно-оружейной сфере, хотя договор до сих пор не вступил в силу. В подтверждение можно привести, например, мораторий на ядерные испытания, объявленный и соблюдаемый Индией и Пакистаном, что можно рассматривать как первый шаг на пути присоединения этих двух государств к договору. Другим примером является то, что, несмотря на негативное отношение нынешней администрации США к ДВЗЯИ, эта страна продолжает придерживаться моратория на ядерные испытания и активно участвует в работе ПК по вопросам МСМ и Международного центра данных. Все это демонстрирует высокий уровень воздействия ДВЗЯИ – одного из ключевых договоров в разоруженческой сфере, который, безусловно, поддерживается в мире как подавляющим большинством государств, так и широкими кругами общественности. Продолжающаяся работа по формированию инспекционной составляющей в рамках создания международного режима проверки соблюдения договора, новые подходы к решению проблем расширяют и обогащают накопленный ранее опыт в отношении ИНМ. Инспекции на месте, безусловно, и в будущем сохранят свое значение и будут востребованы при создании механизмов контроля новых международных соглашений в области разоружения и укрепления международной безопасности, работа над которыми еще предстоит.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЗЯИ	– Всеобъемлющее запрещение ядерных испытаний
ГД	– Генеральный директор
ДВЗЯИ	– Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ДНЯО	– Договор о нераспространении ядерного оружия
ИГ	– Инспекционная группа
ИНМ	– Инспекции на месте
ИС	– Исполнительный совет
КЗХО	– Конвенция по запрещению химического оружия
КИР	– Консультации и разъяснения
КР	– Конференция по разоружению
МАГАТЭ	– Международное агентство по атомной энергии
МСМ	– Международная система мониторинга
МУД	– Меры укрепления доверия
МЦД	– Международный центр данных
НТС	– Национальные технические средства

НЦУЯО	– Национальный центр по уменьшению ядерной опасности
ОДВЗЯИ	– Организация договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ОЗХО	– Организация по запрещению химического оружия
ПК	– Подготовительная комиссия
РМД	– Ракеты малой дальности
РСД	– Ракеты средней дальности
СК	– Специальный комитет
ТС	– Технический секретариат
ЯВУ	– Ядерные взрывные устройства
ЯО	– Ядерное оружие

Примечания

¹ Здесь и далее мы будем использовать термины «соглашение», «договор» и «конвенция» как синонимы, если иное прямо не оговорено в тексте или не следует из него.

² Таким местом может, в частности, являться заранее объявленное место ведения деятельности, к которой применимы основные обязательства соглашения, либо место, в котором, как предполагается, могло произойти нарушение основных обязательств.

³ Конечная цель, как она определена здесь, не обязательно совпадает с непосредственной целью ИНМ. Подробнее об этом в контексте ДВЗЯИ говорится в разделе 3.

⁴ Затруднения могут возникнуть в случае вовлечения в рассмотрение чувствительной информации, однако имеющийся опыт показывает, что на практике, удаётся находить решения, приемлемые как для инспектируемой, так и для инспектирующей стороны.

⁵ Исключением из этого является вариант ИНМ, предусматривающий проверку соблюдения обязательств путем непосредственного наблюдения соответствующей деятельности и/или проведения в ходе ее необходимых измерений, как это предусмотрено, например, в Договоре об ограничении подземных испытаний ядерного оружия между СССР и США.

⁶ При этом важна и возможность датировки, то есть установления примерного времени образования признаков. В случае отсутствия этой возможности следы «старой» деятельности, проводившейся до запрета на ее проведение, могут быть восприняты как признаки нарушения этого запрета, и, наоборот, «свежее» нарушение может быть выдано за упомянутую выше «старую деятельность».

⁷ Этот термин не следует ассоциировать со способом запуска ИНМ, описываемым ниже. Инспекции такого типа могут проводиться как в режиме уведомления (например Договор об обычных вооруженных силах в Европе), так и в режиме запроса (ДВЗЯИ).

⁸ Для этого и других соглашений данные приведены по состоянию на начало 2004 г.

⁹ Эти обязательства относятся к той части дна морей и океанов, которая не входит в прибрежную двенадцатимильную зону государств.

¹⁰ Далее по тексту, если не оговорено иное, термин «участник» будет означать «государство–участник соглашения».

¹¹ Аналогичные инспекции в области ядерного оружия той же резолюцией были поручены МАГАТЭ.

¹² Для ядерных государств в ДНЯО предусмотрен запрет на передачу ядерного оружия и иных ядерных взрывных устройств или контроля над ними, помощь, поощрение или побуждение к их производству.

¹³ Помимо исключения использования предоставляемой помощи для военных целей, гарантии предусматривают также меры по безопасности и охране здоровья. Этот аспект здесь не будет затрагиваться.

¹⁴ Терминология здесь соответствует официальному глоссарию МАГАТЭ по гарантиям (IAEA Safeguards Glossary, 2001 Edition. Vienna, International Atomic Energy Agency, 2002. IAEA/NVS/3).

¹⁵ Участниками рассматриваемых региональных договоров являются неядерные государства, их ратифицировавшие или присоединившиеся к ним иным установленным образом. Ядерные державы участвуют в них через ратификацию относящихся к ним протоколов.

¹⁶ Уже после вступления договора в силу после ряда дискуссий было разрешено использование в этом качестве рентгеновского просвечивания, которое и применялось американской стороной в Воткинске.

¹⁷ Только в Воткинске и Магне требовалось постоянное присутствие от 20 до 30 инспекторов каждой из сторон с периодической их заменой.

¹⁸ Впоследствии OSIA волилось в состав Оборонного агентства по снижению угрозы (DTRA).

¹⁹ В этом случае определяется одно из этих государств, которое наделяется правами инспектирующего и должно отвечать за соблюдение соответствующих положений договора.

²⁰ Это относится к периоду, начиная с середины 1996 г.

²¹ Кроме ИНМ с перечисленными выше целями, предусмотрены также инспекции-расследования в отношении возможного применения химического оружия.

²² Иногда термины «красный свет» и «зеленый свет» пытаются неверно интерпретировать как затрудненный и, соответственно, облегченный запуск ИНМ. Однако в действительности эти термины как в КЗХО, так и в ДВЗЯИ определяют возможный тип принимаемого по запросу решения. Если на голосование ставится и принимается решение о **непроведении ИНМ**, то это аналогично включению красного света на светофоре. Противоположный случай, когда на голосование ставится и принимается решение о **проведении ИНМ**, аналогично включению зеленого света. Это означает, что применение процедуры «красного света» ведет к облегчению запуска ИНМ, а процедура «зеленого света» затрудняет запуск.

²³ Время от момента прибытия в пункт въезда до окончания доставки к месту проведения инспекции не должно превышать 36 часов.

²⁴ В этот период (1958–1962 гг.) предложения США и Англии варьировались в диапазоне от 20 до 12 ИНМ в год, в то время как СССР тогда соглашался на 3 ИНМ в качестве годового лимита.

²⁵ Из числа государств, которые официально признаны либо неофициально считаются обладателями ядерного оружия, СССР, США и Англия ратифицировали Московский договор в октябре 1963 г., Индия – также в октябре 1963 г., Израиль – в январе 1964 г., Пакистан – в марте 1998 г. Китай, Франция и КНДР до сих пор не являются участниками Московского договора.

²⁶ ДНЯО, по сути, может рассматриваться, как шаг в направлении достижения всеобъемлющего запрещения испытаний, поскольку его положения исключают, хотя и опосредованно, какую-либо возможность проведения ядерных испытаний его государствами-участниками, не обладающими, в понимании ДНЯО, ядерным оружием. В то же время он зафиксировал неравенство между «обладающими» и «не обладающими государствами» и одним из элементов компенсации этого неравенства было включение в преамбулу ДНЯО напоминания о решимости «стремиться достичь навсегда прекращения всех испытательных взрывов ядерного оружия» и продолжать переговоры с этой целью.

²⁷ Для ядерных испытаний устанавливался максимум разрешенного энерговыделения в 150 килотонн тротилового эквивалента (кт ТЭ). Для ядерных взрывов в мирных целях потолки разрешенного энерговыделения составили 150 кт ТЭ для единичного взрыва и 1500 кт ТЭ для группового взрыва.

²⁸ Зона гидродинамических измерений находится в ближайшей окрестности взрываемого ядерного заряда (не далее примерно 140 метров от центральной точки зарядного контейнера).

²⁹ Сюда можно отнести, в частности, Соглашение между СССР и США по созданию центров по уменьшению ядерной опасности (1987 г.), Договор о РСМД (1987 г.), Договор об обычных вооруженных силах в Европе (1990 г.), Парижскую хартию для новой Европы (1990 г.), Договор СНВ-1, Хельсинкский документ (1992 г.), Договор СНВ-2 (1993 г.), Договор по открытому небу (1993 г.) и, разумеется, КЗХО (1993 г.).

³⁰ Последний такой эксперимент (ТЭГНЭ-3) проходил в течение ряда лет непосредственно перед открытием переговоров в Женеве и продолжался параллельно с ходом переговоров.

³¹ Как известно, Индия заняла резко отрицательную позицию по отношению к проекту договора, который был предложен для передачи ГА ООН от имени КР, отказавшись поддержать не только проект как таковой, но и его передачу. В результате этот проект был формально представлен ГА «группой друзей договора» во главе с Австралией.

³² На промежуточном этапе переговоров рассматривалось также предложение о наделении правом подавать запрос не только государств-участников, но и Технического секретариата Организации по ДВЗЯИ. Однако такой пункт не был включен в окончательный текст договора.

³³ Проблема допустимости использования данных НТС как основания для запроса была одной из «горячих точек» для ИНМ. Против этого активно выступали Индия, Китай и Пакистан.

³⁴ В ДВЗЯИ консультации и разъяснения предусмотрены и как самостоятельный элемент международного режима проверки, который рекомендовано применять всякий раз, когда это возможно, прежде чем подать запрос на ИНМ.

³⁵ Эти ограничения (совпавшие с предложенными Швецией в ее проекте договора 1993 г.) были приняты с учетом реальных возможностей МСМ по точности местоопределения событий.

³⁶ Таким образом, решение относительно продолжения ИНМ в отличие от решения о ее начале принимается по механизму «красного света».

³⁷ Это означает механизм «зеленого света».

³⁸ В течение первоначального периода ИНМ разрешаются только визуальные наблюдения, фото- и видеосъемка, получение многоспектральных изображений, включая инфракрасные, мониторинг «афтершоков», измерения радиоактивности (гамма-излучения), отбор и анализ проб.

На наших глазах происходит достаточно быстрая смена парадигмы вооруженной борьбы, что объективно приводит к необходимости пересмотра политики оснащения вооруженных сил. Для войн XXI века разработан даже новый термин – «бесконтактная война». Сопряжение хорошо организованных разведывательных возможностей (включая космические средства), дальнобойного высокоточного оружия и современных информационных технологий в единую информационно-разведывательно-навигационно-ударную систему позволяет высоко развитому в военно-техническом отношении государству добиваться решающего военного преимущества в военных конфликтах разной степени интенсивности без крупных для себя потерь. Кроме того, целый ряд военных специалистов и ведущих конструкторов вооружений считают, что уже в обозримом будущем высокоточное оружие может создать фактор сдерживания, подобный ядерному¹.

Эту тенденцию уже некоторое время назад уловили во многих странах мира, в связи с чем в них растет интерес ко всем разновидностям так называемого «интеллектуального оружия». В современной военной науке наравне с ранее упоминавшимся термином «бесконтактная война» все большее хождение получает понятие «асимметричная война», под которым чаще всего имеется в виду «террористическая борьба» в различных проявлениях. Основной характеристикой этих форм борьбы является вооруженное противоборство между государством (коалицией государств), вооруженные силы которого оснащены оружием, созданным на основе новейших технологий, и террористическими организациями и группировками, а в ряде случаев и государством, как это было в Ираке, в военно-техническом и экономическом отношении относительно слабым. Можно согласиться с той точкой зрения, что в большинстве случаев мир будет свидетелем подавляющего военно-технического превосходства одной из противоборствующих сторон. Однако независимо от этого и слабые, и мощные государства усиленно накапливают запасы самого современного оружия и боевой техники, в числе которых все большее место занимают крылатые ракеты и беспилотные летательные аппараты (БЛА). На последних мы и остановимся более подробно в данной статье.

СОВРЕМЕННЫЙ УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ БЛА И СФЕРЫ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Специалистам еще предстоит провести обоснованную классификацию БЛА, исключив дублирование в терминах. Кроме того, как указывает в своем докладе Главное счетное управление (ГСУ) США, в последнее время быстро стирается различие между крылатыми ракетами и БЛА, поскольку в США вооружают традиционные разведывательные БЛА ракетами и вообще создают новые типы БЛА с задачей выполнения боевых ударных операций².

Некоторые эксперты дают следующую классификацию БЛА³:

- по массе – микро-БЛА (вес менее 5 кг), мини-БЛА (вес менее 200 кг) и макси-БЛА (вес свыше 1000 кг);
- по продолжительности нахождения в воздухе – аппараты с длительностью полета менее одного часа, до трех часов, до шести часов, до 12 часов, до 24 часов;
- по высоте полета – летательные аппараты с практическим потолком до 1 км, до 3 км, 9–12 км, а также до 20 км.

По решаемым задачам БЛА можно подразделить на ударные, разведывательно-ударные, радиоэлектронной борьбы, обеспечивающие, многоцелевые, противоракетной обороны и т.п. БЛА также различаются по дальности – аппараты поля боя, оперативного назначения, фронтовые, континентального плана и межконтинентального применения.

Базироваться БЛА могут на земле (стационарные, мобильные платформы запуска и т.д.), на палубах кораблей и на различных авиационных средствах. По типу создания подъемной силы БЛА делятся на авиационные, аэростатические и ракетные. Важную роль играет способ управления. Существуют теле- и радиоуправляемые модели, совершающие полеты по программе и по командам через космическую систему навигации. Все вышеперечисленное создает уникальные возможности гибкого применения БЛА.

На сегодняшний день 41 страна мира имеет на своем вооружении более 80 типов БЛА. В основном они используются для целей разведки. К этому можно добавить, что 32 страны разрабатывают и производят свыше 250 моделей БЛА. Эти же страны во все возрастающем масштабе занимаются экспортом беспилотных летающих аппаратов⁴. Военные эксперты считают, что разработка мини-БЛА ныне под силу практически каждой стране, располагающей более или менее развитой авиационной промышленностью. Это все европейские страны, а также Индия, Пакистан, Иран, Малайзия и некоторые другие⁵. Макси-БЛА способны выпускать только лидеры мирового авиастроения. Следует признать, что в БЛА-строении наибольших успехов добились американцы, которые создали уникальный беспилотный летательный аппарат *Глобал Хоук*.

Достаточно сказать, что в 2001 г. эта машина совершила автономный перелет из Калифорнии в Австралию. Вообще американские вооруженные силы располагают широким набором различных типов БЛА, что позволяет подбирать конкретные аппараты для решения специфических боевых задач еще с вьетнамской войны. Во время конфликта в Персидском заливе в 1991 г. с помощью БЛА *Пионер-1* и *Пойнтер* (а всего таких БЛА было свыше 30 единиц) проводилась разведка переднего края иракских войск и вскрывались объекты иракской обороны на глубину до 160 км. Было совершено более 480 боевых вылетов. Характерно, что за все время операции «Буря в пустыне» иракцы, по американским данным, сбили только два БЛА. В этой же операции Франция также использовала БЛА. Четыре французских комплекса БЛА *Март* неплохо зарекомендовали себя при сборе данных, наблюдении, целеуказании и корректировке огня⁶. В 1995 г. с базы в Албании американцы использовали тогда еще экспериментальные образцы БЛА *Предэйтор* – для поддержки своих войск, задействованных в миротворческой операции в Боснии. Эта многофункциональная машина имеет следующие параметры: длина – 8,5 м, размах крыльев – 14,6 м, масса полезной нагрузки около 210 кг; дальность полета может быть доведена до 5500 км с расстоянием удаления от базового аэродрома до 950 км, а время нахождения в зоне разведки может быть доведено до 24 часов.

Высокие тактико-технические данные *Предэйтора* позволили оснастить его управляемыми ракетами, и в таком качестве машина была впервые испытана в Афганистане. Опыт использования этого БЛА в разведывательных целях в Югославии, Ираке и Афганистане показывает, что *Предэйтор* может обеспечивать командование снимками цели уже через 15 минут (т.е. практически в режиме «реального времени»), в то время как самолет-разведчик выдает первые снимки через 36 часов⁷.

В настоящее время большие работы по БЛА ведутся во Франции. Французы поставили перед собой необычную цель – создать и принять на вооружение «миниатюрные ручные БЛА», которые могли бы усилить боевые возможности мотопехоты. Расходы французов не пугают. Одна разработка демонстрационного образца мини-БЛА *Мирадор* обошлась в 4 млн долл. Ожидают, что серийный образец будет стоить не более 4200 долл. Размер этого аппарата по длине составляет всего 25 см, а его двигатель обеспечивает 20-минутный полет. Второе поколение будет способно зависать в воздухе⁸. На базе *Мирадора* Франция и Бельгия совместно разрабатывают БЛА *Фелин*. Он будет иметь длину – 40 см, массу – 1,5 кг, радиус действия – 1000 м, продолжительность полета – до 20 мин. Пресса сообщает, что *Фелин* проходит испытания на предмет возможности включения его в снаряжение пехотинца! С другой стороны, в США проходит летные испытания БЛА *X-47A* с боевой нагрузкой до 1800 кг, нагрузка включает управляемые авиабомбы, противотанковые управляемые ракеты *Хеллфайр* и контейнеры с аппаратурой радиоэлектронной борьбы (РЭБ), США и Великобритания ведут разработку новых типов БЛА с использованием технологии «Стелс». Словом, в

будущих военных конфликтах наряду с истребителями пятого поколения *F-22* и *JSF* будут применяться и новые поколения боевых БЛА (ББЛА), которые могут превратить многих летчиков-истребителей в наземный персонал централизованного командного поста, управляющий настольными компьютерами! В США в рамках проекта *Глобал Хоук* ведется разработка БЛА большой продолжительности полета в качестве носителя управляемых ракет *ТАЛОН* (*Theatre Application-Launch on Notice*), которые предназначены для перехвата оперативно-тактических ракет на активном участке траектории полета.

Большие достижения в деле разработки и строительства различных типов БЛА имеет государство Израиль. Достаточно сказать, что идея использования БЛА в интересах ПРО впервые была выдвинута в Израиле⁹.

Россия имеет большой опыт создания различных типов БЛА. Первым отечественным БЛА военного назначения стал беспилотный самолет *ЯК-9В*. Эти машины осуществляли дозиметрический контроль в атмосфере при проведении ядерных испытаний. В годы холодной войны в СССР был создан стратегический беспилотный разведчик – БЛА *Ту-123 (ДБР-1)*. После выполнения разведывательного полета *Ту-123* в автоматическом режиме возвращался в район старта, и на высоте 4000 м аппарат разделялся на две части, которые опускались на парашютах. Затем последовал *ДБР-2*. В последующие годы в нашей стране была создана линия беспилотных тактических разведывательных комплексов *ВР-3 Рейс*. Состоящий сейчас на вооружении комплекс БЛА армейского подчинения *Рейс-Д* в два с половиной раза эффективнее своих предшественников¹⁰. На его основе в последующем были выпущены БЛА *Стриж* и *Стриж-2*. Последняя система позволяет вести круглосуточную и всепогодную разведку наземных объектов, включая малоразмерные и подвижные цели, на глубине 500 км от линии фронта. На наземный пункт управления информация передается в реальном масштабе времени. В настоящее время ОКБ «Сухой» проводит разработку БЛА *БАС-62*, который по ряду характеристик должен превзойти американский *Глобал Хоук*. Машина обещает быть многофункциональной, и одна из предложенных функций – проводить инспекции в контексте соблюдения договорных положений Договора «Открытое небо» – может быть востребована на международном уровне.

В России создан один из лучших в мире мини-БЛА *Пчела* и, в частности, *Пчела-1Т*, который стал первым отечественным БЛА многоцелевого использования. Сейчас идут активные работы по многоплановым БЛА самого разного предназначения, и можно сказать, что перед беспилотными летательными аппаратами большое будущее, особенно в том случае, если разработчики смогут успешно реализовать главную задачу – снижение веса БЛА при повышении боевых возможностей.

Чтобы примерно представить уровень востребованности БЛА в вооруженных силах некоторых зарубежных государств, достаточно прислушаться к мнению американских военных специалистов, которые утверждают, что в недалеком будущем бригада, состоящая из трех–пяти тысяч человек, будет использовать не менее 200 БЛА оперативно-тактического назначения¹¹.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА УГРОЗЫ, ИСХОДЯЩЕЙ ОТ ШИРОКОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Как правило, оценка угроз безопасности, исходящей от БЛА, рассматривается вкуче с крылатыми ракетами, и против этого трудно возражать, учитывая быстрое стирание граней между этими сторонами одной и той же медали. В августе 2002 г. шеф Пентагона Д. Рамсфелд направил в Белый дом секретный меморандум, в котором предупреждал американскую администрацию о нарастающей угрозе для США со стороны крылатых ракет и беспилотных аппаратов, против которых нет адекватной защиты. Как известно, администрация Дж. Буша сделала создание и развитие противоракетной обороны своим главным приоритетом, но упор делается на защиту от баллистических ракет. А Д. Рамсфелд поставил вопрос о платформах, потенциал которых по доставке ядерных, биологических и химических зарядов, даже при самом примитивном оснащении, по крайней мере непредсказуем. В своем меморандуме министр обороны США не представлял каких-то сенсационных данных разведывательного характера, но высказывал обоснованное предупреждение о потенциальной опасности¹². Опасения базировались на косвенных данных о растущем интересе «противни-

ков», то бишь «стран оси зла», к закупкам крылатых ракет, небольших газотурбинных двигателей, точных навигационных приборов, систем космической ориентации и связи и т.д. Утверждается, что уже сейчас по крайней мере 81 страна имеет крылатые ракеты и БЛА, а общее число таких вооружений в мире, по оценкам американского разведсообщества, достигает 70 000 единиц. Один из сотрудников американской администрации заявил: «У нас есть все основания полагать, что террористы попытаются добыть сами системы или же постараются создать собственную способность производить их»¹³. Генерал-лейтенант Дж. Касумано, глава командования сухопутных сил США по защите от ракетных ударов противника, бьет тревогу относительно отсутствия в Пентагоне специального агентства по типу известной национальной системы противоракетной обороны (НПРО), ответственного за разработку защиты от новой опасности. Уже в 2004 г. Главное счетное управление США заявляет: «Крылатые ракеты и БЛА представляют растущую угрозу интересам национальной безопасности США, поскольку эти системы доставки являются точными и недорогими, и могут быть приспособлены как для обычных, так и для химических и биологических вооружений».

В другом документе Главного счетного управления, которое в США является весьма влиятельным государственным органом, говорится: «БЛА представляет собой долгосрочную угрозу как средства доставки химического и биологического оружия. Они в возрастающей степени становятся предметом интереса со стороны негосударственных игроков (другими словами – террористов) [...]». В июне 2002 г. помощник Дж. Болтона, заместителя госсекретаря по контролю над вооружениями и международной безопасности, подтвердил, что БЛА являются потенциальными системами доставки ОМУ и идеально подходят для доставки химического и биологического оружия, учитывая их способность распылять аэрозоли в заданных местах и на необходимой высоте. Он добавил, что хотя главная озабоченность связана с тем, что с помощью БЛА организовать атаки ОМУ могут прежде всего государства, тем не менее и у террористических групп имеется возможность произвести или заполучить в свои руки мини-БЛА для нанесения ударов химическим или биологическим оружием»¹⁴.

Известно, что большую озабоченность в связи с расположением и легкой доступностью технологий и компонентов для создания крылатых ракет и БЛА проявляет НАТО, где в контексте проблемы распространения ОМУ и средств их доставки осуществляется мониторинг наличия БЛА и крылатых ракет (КР) в различных армиях мира. Впрочем, вплотную этим занимаются и различные российские ведомства и специалисты.

Считается, что БЛА имеют перспективу развития по крайней мере на несколько десятилетий вперед. В будущем, скорее всего, крылатые ракеты станут одной из разновидностей БЛА, а последние будут разрабатываться под конкретные миссии и не только с целью доставки оружия. Одной из наиболее перспективных линий в развитии БЛА является создание небольших и микро-БЛА, оснащенных более совершенной «начинкой» и имеющих низкую стоимость, что само по себе предвещает широкое их распространение и опасность попадания в руки нежелательных элементов. С другой стороны, быстро снижается «технологический порог» для начала производства БЛА в различных странах – по причине легкой доступности навигационного оборудования и комплексов систем управления аппаратами. К тому же для «негосударственных игроков» стало намного легче решать вопросы подбора двигателей для БЛА. Хотя эффективность легко доступных на обычном рынке двигателей, пригодных для ракет, невысока, она может оказаться вполне достаточной для выполнения задач, которые ставят перед собой террористические организации. В этом смысле для террористов крылатые ракеты и БЛА намного предпочтительнее, чем баллистические ракеты. Даже самые незамысловатые БЛА могут доставить на приличное расстояние десятки килограммов химических и биологических агентов и, что особенно опасно, с помощью достаточно примитивных диспенсоров распылить их более эффективно, чем это достигается путем подрыва головной части. А именно это и нужно террористическим группам – вызвать панику среди населения и нанести существенный экономический ущерб. В этом смысле часто приводят в пример незавершенные работы в Ираке по превращению устаревшей модели истребителя в радиоуправляемый БЛА.

Использование БЛА для доставки ядерного оружия или устройств, созданных на основе ядерных технологий, в том числе так называемых «грязных бомб», считается более проблематичным, хотя имеются сведения о том, что в ряде стран такие работы ведутся.

Кроме вышеперечисленных особенностей важным преимуществом многих типов БЛА является небольшой размер, что позволяет с большой скрытностью перемещать их на значительные расстояния и хранить в специальных контейнерах в течение длительного времени без ущерба их техническому состоянию.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЛА В АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ, А ТАКЖЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Некоторые типы БЛА идеально подходят для использования в операциях, проводимых специальными подразделениями, и в отдельных случаях даже при проведении миротворческих акций – для нейтрализации скоплений агрессивно настроенного населения в условиях городской и сельской местности.

Сведения об использовании БЛА в антитеррористических операциях, по вполне объяснимым причинам, являются довольно скудными. Тем не менее, есть убедительные примеры некоторых операций, проведенных с помощью БЛА. В частности в Афганистане американцы продолжают активно использовать БЛА *Предэйтор* и нарабатывают при этом различные тактические схемы участия БЛА в боевых действиях. Представители разведсообщества США особенно гордятся операцией в Йемене в 2002 г., когда с помощью БЛА *Предэйтор* особыми боеприпасами был уничтожен автомобиль, в котором ехали руководители местной ячейки «Аль-Кайды».

Не вызывает сомнения, что за прицельными ударами израильтян по конкретным руководителям ряда палестинских руководящих деятелей стоит планомерное и скоординированное с авиацией применение БЛА.

Россия также имеет опыт использования БЛА против террористических групп и незаконных вооруженных формирований. В основном в этом деле были задействованы БЛА *Пчела*. В 1995 г. с их помощью был «засечен» съезд чеченских полевых командиров в Ведено, и сведения, полученные при этом, были учтены при подготовке штурма этого населенного пункта. Осенью 1999 г. операцию по уничтожению террористов, вторгшихся из Чечни в Дагестан, осуществляло подразделение, на вооружении которого находились БЛА *Пчела-1Т*. В целом тогда были достигнуты неплохие результаты¹⁵. Анализ полученных результатов показывает, что российский БЛА *Пустельга* имеет определенные перспективы при проведении контртеррористических операций в городских условиях. Не будет преувеличением утверждать, что среди имеющихся на сегодняшний день возможностей российских БЛА можно обоснованно выделить следующие полезные направления использования БЛА, которые кроме всего прочего помогают решать важнейшую задачу – снижение уровня человеческих потерь:

- поиск и обнаружение террористов;
- своевременная передача данных о террористах и их действиях в антитеррористические центры;
- выявление маршрутов движения и перевалочных баз террористов.

Как известно, международный терроризм тесно связан с наркоторговлей и криминальными организациями, и думается, что использование БЛА для контроля государственной границы, выявление и уничтожение наркоплантаций, отслеживание и сопровождение транспортных средств и курьеров, перевозящих наркотический товар, должны стать нормальной ситуацией, а не чем-то экзотическим.

При всем вышесказанном не следует закрывать глаза и на имеющиеся проблемы. Прежде всего проблема заключается в том, что большинство современных БЛА являются достаточно уязвимой целью для наземных средств ПВО. Большинство всех потерянных БЛА были сбиты огнем зенитной артиллерии и индивидуальными средствами ПВО. Во-вторых, продолжает оставаться невысоким уровень технической надежности (много потерь из-за отказов техники – зачастую до 30–40%). В-третьих, переход к партизанским методам борьбы делает актуальной задачу создания ударных БЛА с высокой кратностью применения.

Однако эти и другие проблемы, связанные с БЛА, безусловно, преодолимы. Важно, что на обозримую перспективу БЛА уже заняли свою нишу.

АСПЕКТЫ В ОБЛАСТИ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С РАЗВИТИЕМ БЛА

В определенном смысле внедрение в нашу жизнь различных типов БЛА (и не только в военное дело) носит массовый и стремительный характер. Маркетинговые агентства прогнозируют, что в США к 2012 г. только коммерческие и муниципальные службы будут использовать более восьми тысяч БЛА различного назначения и класса. С учетом, так сказать, «террористического потенциала» большинства из этих аппаратов и с учетом ожидаемой неограниченной доступности их на коммерческом рынке можно предполагать, что в самом ближайшем будущем возникает исключительная «головная боль» для служб безопасности и органов экспортного контроля, особенно в тех странах, которые производят такие аппараты и их компоненты, в том числе на экспорт. Уже сейчас, по выводам Главного счетного управления (ГСУ) США, органы экспортного контроля США в том виде, как они действуют, могут оказаться недостаточными для того, чтобы предотвратить утечку из страны как крылатых ракет, так и БЛА, а также технологий и компонентов, применяемых при их создании. Более того, ГСУ США отмечает, что правительство США очень редко использует программы проверки так называемого «конечного пользователя» с тем, чтобы подтвердить истинный характер использования поставленных материалов. В итоге правительственные органы, отвечающие за то, чтобы указанные технологии и компоненты не попали в руки нежелательных элементов, не имеет достаточной информации о том, каким образом получатели контролируемых материалов защищают их в контексте своих обязательств по нераспространению¹⁶. В частности, министерство торговли США в период между 1998 и 2002 гг. провело только один процент верификационных инспекций в отношении 2 500 лицензий, связанных с ракетными сделками. А министерство обороны США вообще не провело ни одной инспекции в отношении более чем 500 крылатых ракет, которые оно вместе с запчастями поставило в зарубежные страны. В общем картина не особенно радующая. Думается, она мало чем отличается от ситуации, которая сложилась и в других странах, бросившихся осваивать быстро расширяющийся международный рынок крылатых ракет и БЛА. А это чревато непредсказуемыми событиями.

Не случайно эксперты Режимы по контролю за распространением ракетных технологий все-раз озаботились складывающейся ситуацией и ведут поиск реальных путей ее выхода из-под контроля. Чем раньше им удастся найти приемлемые для всех решения, тем безопаснее будет жизнь мирового сообщества.

Примечания

¹ Федоров Е.А. Полвека в авиации. Записки академика. М.: Изд-во «Дрофа», 2004. С. 381.

² GAO USA-04-493T Nonproliferation. 2004, March 9. P. 3.

³ Каримов Альтаф, Ильин Владимир. В России задумались над беспилотниками. *Независимое Военное Обозрение*. 2001, 14 декабря.

⁴ GAO USA-04-175 Nonproliferation. 2004, January. P. 11-12.

⁵ Каримов Альтаф, Ильин Владимир. Цит. соч.

⁶ Амусин Б., Лосев Е. Летающие роботы. *Армейский Сборник*. 2002, № 2. С. 38-41.

⁷ Беспилотный летательный аппарат ВВС США «Предэйтор». *Морской Сборник*. 1999, № 7. С. 73-74.

⁸ Таверна Майкл. Франция планирует демонстрационные испытания и запуски беспилотных летательных аппаратов. *Aviation Week and Space Technology*. 2002, 10-17 июня. С. 63.

⁹ Использование беспилотных летательных аппаратов в интересах ПРО. *Зарубежное Военное Обозрение*. 2002, № 12. С. 27.

¹⁰ Кобрусев Сергей, Дробышевский Александр. Разведка без разведчиков. Комплексная программа беспилотных летательных аппаратов пробивает себе дорогу. *Независимое Военное Обозрение*. 2003, 16 мая.

¹¹ Литовкин Д., Махайловская Н. Иные средства. *Новый Век*. 2003.

¹² Graham Bradley. Cruise Missile Threat Grows, Rumsfeld Says. *Washington Post*. 2002, August 18.

¹³ Ibid.

¹⁴ GAO USA-04-175 Nonproliferation. 2004, January. P. 11-12.

¹⁵ Манушкин А. Летающая телекамера ищет боевиков в Чечне. *Красная Звезда*. 1999, 7 октября.

¹⁶ GAO USA-04-493T Nonproliferation. 2004, March 9. P. 11.

В конце февраля 2004 г. состоялся совместный семинар ПИР-Центра политических исследований и Фонда гражданских инициатив в политике Интернет (ГИПИ) на тему «Трансформация понятия национальной безопасности в информационную эпоху»¹.

С докладами выступили заместитель начальника департамента аппарата Совета безопасности РФ А.А. Стрельцов, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН В.Г. Барановский, президент Фонда аналитических программ «Экспертиза» М.Ю. Урнов.

В дискуссии приняли участие государственные и неправительственные эксперты, представители бизнеса, включая сотрудников МИД РФ, ФСБ России, Министерства РФ по связи и информатизации, Российского авиационно-космического агентства, аппарата Правительства РФ, аппарата Совета Федерации РФ, группы «Глобал Консалтинг», компании «Microsoft», компании «Ринотелеком», Российского гуманитарного научного фонда, Российского института стратегических исследований, Института стратегической стабильности, Центра политических и международных исследований, Института системного анализа РАН, Союза промышленников и предпринимателей атомной отрасли, Фонда «Новая экономика», МИФИ, Фонда «Энциклопедия», ПИР-Центра и ГИПИ.

Ниже приводится текст стенограммы заседания круглого стола (в сокращении).

А.А. СТРЕЛЬЦОВ (АППАРАТ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ РФ)

Представляется, что пока информационное общество – во многом экономическая категория... Если информационный сектор составляет достаточно значительную часть экономики общества, то такое общество можно считать информационным. Наверное, этим и обусловлена социальная значимость современных информационных технологий.

По некоторым оценкам, объем финансовых средств в информационном секторе уже сейчас превышает средства, которые возвращаются в автомобильной промышленности или нефтяном бизнесе. К сожалению, эти деньги не наши. Основным показателем в нашей экономике считается валовой внутренний продукт (ВВП). Например, Министерство Российской Федерации по связи и информатизации обоснованно сообщает, что доля прироста ВВП, полученная в результате деятельности отрасли связи и информатизации, составила в 2003 г. три процента ВВП. Но когда мы начнем считать, какая часть этого прироста получена за счет производства отечественных информационных технологий, то обнаружим, что она весьма невелика. Достаточно сказать, что практически 98% информационных и телекоммуникационных систем базируются на зарубежных информационных технологиях. Таким образом, основная составляющая наших затрат, которая идет в ВВП, – это закупка информационных технологий. Поэтому, когда мы говорим о нацио-

нальных интересах в связи с информационным обществом, в связи с тем, что наше общество объективно должно двигаться в эту сторону, возникает вопрос: в чем заключаются эти национальные интересы?

Мне довелось принимать участие в разработке проекта Доктрины информационной безопасности России. То, что там записано, во многом совпадает с моим представлением о содержании национальных интересов в информационной сфере. На мой взгляд, за прошедшие четыре года содержание национальных интересов, закрепленных в этом документе, совершенно не изменилось. Более того, прошедшее время показало, что реализация этих интересов создает основу для вступления России в информационное общество.

Первая основная составляющая национальных интересов России в информационной сфере связана с правами и свободами граждан, которые реализуются в этой сфере. На самом деле, можно сказать шире – с правами всех субъектов информационной сферы. Субъекты – это личность, общество и государство. Представляется, что любой субъект, действующий в информационной сфере, имеет три основных вида интересов. Первый из этих интересов связан с получением информации, необходимой для жизни, потому что информация – это основное средство для анализа возможных вариантов адаптации к изменяющимся условиям и принятия правильного решения; второй – с передачей информации, которую субъект считает необходимым распространять; третий – с сохранением части информации в неизвестности для других субъектов. На реализацию этих интересов направлена информационная деятельность субъектов, и в создании лучших условий для их реализации заключается содержание национальных интересов, которые определяются в Доктрине как сбалансированная совокупность интересов личности, общества и государства, связанных с информацией и информационной структурой.

Можно сказать, что права и свободы гражданина, правовой статус других субъектов информационной сферы – это такой объект национальных интересов, содержание которого мы пока даже не до конца понимаем. Так, в Конституции РФ закреплено право на «неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну». Если вы посмотрите, как это право подкрепляется законодательно, то обнаружите, что практически никак. За исключением одной статьи в Уголовном кодексе, которая не раскрывает ни содержания института личной и семейной тайны, ни содержания института неприкосновенности личной и семейной жизни, ничего другого пока нет. Даже не понятно, как эти тайны образуются и что значит «неприкосновенность частной жизни» по существу.

У нас много проблем в области обеспечения безопасности правового статуса субъектов в информационной сфере. Достаточно отметить проблемы защиты государственной тайны. Наличие таких проблем подтвердили результаты судебных разбирательств по делам о разглашении сведений, составляющих государственную тайну, которые проходили на Дальнем Востоке и в некоторых других регионах России. Они отражают несовершенство имеющихся правовых гарантий соблюдения правового статуса, что затрудняет парирование угроз безопасности прав и свобод субъектов информационной сферы.

Второй составляющей национальных интересов в информационной сфере является информационное обеспечение государственной политики. Я бы сказал, что важность этого направления за прошедшее время только увеличилась. Сейчас некоторые участники вооруженной акции в Ираке говорят, что они якобы ошиблись. Верится с трудом. Представляется, что это была преднамеренная акция, которой предшествовала хорошо проведенная информационная кампания, направленная на манипуляцию общественным мнением международного сообщества. Во многом это удалось. Более того, эта кампания продолжается. Аналогичная акция проводилась совсем недавно против Югославии. Учитывая тот информационный потенциал, который имеют страны-участницы вооруженной акции против этого государства, говорить о том, что Югославия проиграла информационную войну, бессмысленно. Там такой войны не было, и быть не могло. Там было подавляющее преимущество. Мы тоже периодически сталкиваемся с подобными информационными кампаниями, которые проводятся против России. Достаточно вспомнить проблемы, которые у нас были в этой области в период начала восстановления конституционного порядка в Чеченской Республике.

До сих пор имеются определенные трудности в доведении до мирового сообщества объективной информации о действиях, которые предпринимает федеральная власть в этом субъекте Российской Федерации, о том, какие цели поставлены, чего власти хотят добиться.

Третьей составляющей национальных интересов, о чем говорится в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, является проблема интеграции России в мировое информационное пространство и создания конкурентоспособных современных информационных технологий, достойного участия в мировом информационном рынке, формирования в нем заметного российского сегмента. Это тоже, к сожалению, очень сложная проблема. Ее содержание пояснять не буду – оно очевидное. Особыми успехами в этой области пока похвастаться не можем.

Четвертой составляющей национальных интересов в информационной сфере является обеспечение безопасности функционирования информационной структуры в условиях, когда сложность самой информационной структуры объективно уже вышла из рамок управляемости со стороны человека. Уязвимость этой инфраструктуры со временем только возрастает. В этих условиях весьма затруднительно найти рациональное решение, которое могло бы обеспечить реализацию этого национального интереса России.

Например, решение проблемы обеспечения безопасности критически важных объектов информационной структуры затрудняется сложностью ситуации, в которой находится исполнительная власть. Дело в том, что каждый орган власти так или иначе решает проблемы обеспечения безопасности информационных и телекоммуникационных систем, относящихся к области его компетенции, но ни один из этих органов объективно не может быть головным по вопросам обеспечения безопасности информационной инфраструктуры в целом. Сама по себе эта ситуация не является угрозой, но создает условия для усиления существующих угроз.

В связи с этим вопрос о том, кто должен заниматься обеспечением безопасности информационной инфраструктуры, критически важных объектов этой инфраструктуры, носит весьма актуальный характер. Например, кто должен обеспечивать безопасность информационной инфраструктуры РАО «ЕЭС» или Газпрома? Видимо, не государство, потому что оно не имеет прямого отношения к данным акционерным обществам. Это самостоятельные хозяйствующие субъекты. Но, с другой стороны, должно ли государство оставаться спокойным наблюдателем в случае, если такой хозяйствующий субъект заявит, что безопасность информационной инфраструктуры его не интересует, что он не считает целесообразным вкладывать деньги в обеспечение безопасности этой инфраструктуры, что проблемы терроризма его не волнуют, так как он застраховался? Разве с последствиями возможных сбоев в работе информационных инфраструктур таких хозяйствующих субъектов не будет разбираться государство, как это, например, было в США после сбоев в работе систем электроснабжения?

Если говорить об угрозах национальным интересам России в информационной сфере, то в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации они четко сформулированы. Я не хочу их повторять. Отмечу только, что целый ряд из этих угроз в настоящее время, по-моему, уже не является актуальным. Это результат большой работы федеральных органов исполнительной власти, которая позволила во многом парировать некоторые угрозы. Они перестали быть такими опасными, какими казались раньше.

Теперь несколько слов об информационной войне, о которой так много говорят. Есть такие журналистские штампы, например холодная война. Это вроде как война, но вроде как и не война. Это некое состояние отношений. Вот и «информационная война» в представлении многих «специалистов» – это некое состояние отношений между любыми субъектами. По их мнению, есть информационная война между партиями, между депутатами, между мужем и женой. В принципе, девальвация этого термина очевидна, хотя в чисто военном плане он может иметь определенное содержание. Как и всякая война – это определенное состояние отношений между государствами, когда для разрешения существующих противоречий используют насилие, в частности в информационной сфере. Су-

ществуют вполне реальные средства осуществления насилия, о которых немного говорилось в начале выступления. Это насилие имеет конкретные политические цели, и с этой точки зрения «информационная война» ничем не отличается от обычной войны. При определенных условиях в этой войне могут быть вполне реальные и значительные жертвы.

Коротко о законодательстве. К сожалению, в области информационной безопасности единого представления о структуре правового обеспечения в настоящее время пока не существует. Можем предложить много различных вариантов структурирования этой области деятельности. Проведенный анализ показал, что основная проблема состоит в слабом развитии гарантий соблюдения правового статуса субъектов информационной сферы, что негативно сказывается на их деятельности по реализации национальных интересов.

Так, закон Российской Федерации «О государственной тайне» был написан в 1992 г. Он очень короткий и отражает то состояние наших представлений о регулируемых отношениях и механизмах регулирования, которое существовало на тот момент. А на тот момент мы знали только практику, сложившуюся в период существования СССР. Последующие 10 лет правоприменительной практики показали, что данный закон несовершенен. Например, до сих пор остается неясным вопрос о реализации нормы закона, предусматривающей возможность выкупа государством у субъекта информации, составляющей государственную тайну, если он не давал обязательства не разглашать ее, но способен ее создавать. А определить, что относится к государственной тайне, а что нет, может только уполномоченное лицо.

Частное лицо, которое получило какую-то информацию, иногда не знает или даже не может знать, что это государственная тайна. Поэтому должен существовать некий юридический факт, касающийся порядка определения того, что данная информация относится к государственной тайне. Только после этого могут начаться какие-то разговоры о выкупе. Не очень понятно, что делать в том случае, если субъект не желает продавать данную информацию. Правовой механизм решения этих вопросов в законе не прописан. И это не единственная проблема, которая существует в области реализации права государства на государственную тайну. Есть проблемы, связанные с приватизацией объектов, которые ранее были государственными и где сохранилось огромное количество информации, в том числе и секретной.

На самом деле вопрос еще шире. Он затрагивает также проблему интеллектуальной собственности, которая была создана в государственных организациях, в результате приватизации оказавшихся в частных руках. Но это имеет отношение уже к другим нормативно-правовым актам.

М.Ю. УРНОВ (ФОНД АНАЛИТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ «ЭКСПЕРТИЗА»)

Есть два варианта рассмотрения таких суперсложных концепций, как национальная или информационная безопасность. Первый. Углубиться в их отдельные аспекты и впасть в ступор от сложности картины без всякой надежды выйти на обобщения. И второй. Ценой некоторых упрощений и отказа от деталей постараться увидеть некую целостность, которую потом можно будет детализировать.

Я попробую пойти вторым путем. Мне кажется, что представления о безопасности зависят от формулировки целей тех систем, безопасность которых защищается. В обобщенном виде безопасность есть нейтрализация угроз, которые мешают системе свои цели реализовывать.

Если предположить, что цель любой страны, не собирающейся разваливаться, – это обеспечение собственной конкурентоспособности в ключевых сферах, то информационная безопасность может пониматься как нейтрализация информационных факторов, мешающих стране быть конкурентоспособной.

Это рабочее определение, разумеется, не снимает проблему сложности концепции информационной безопасности. И не только потому, что само понятие информации крайне сложно. Но еще и потому, что такое понимание информационной безопасности предпола-

гает крайне сложный поиск оптимального соотношения между информационной открытостью и закрытостью. Вполне справедливо утверждение, что конкурентоспособность страны будет тем выше, чем выше ее информационная открытость, то есть чем легче в ней будет доступ к любой информации. Но столь же очевидно, что для обеспечения конкурентоспособности страны часть информации должна быть закрыта, то есть что доступ к ней должен быть максимально затруднен.

Иными словами, зависимость конкурентоспособности страны от ее информационной открытости (закрытости) отнюдь не линейна. «Избыточная» открытость, равно как и избыточная закрытость ведут к снижению конкурентоспособности. А потому необходим тонкий и динамичный баланс между легкостью доступа к информации, создающей конкурентные преимущества «своим» пользователям, и затрудненностью доступа к ней, чтобы уменьшить конкурентные преимущества соперников. В этом балансе необходимо учитывать и прямые затраты на обеспечение открытости и закрытости, эффективность и объем которых также связаны далеко не линейной зависимостью.

Каким образом найти оптимум открытости и закрытости? Для начала можно было бы собрать экспертов и попробовать определить, как в самом общем виде, качественно описать конкурентоспособность страны, из каких компонентов она складывается. Затем понять, опять-таки в самом общем виде, как описывать информационную открытость/закрытость. Затем постараться подыскать количественные характеристики отобранных показателей. Затем спускаться ниже – на уровень подсистем. Задача в принципе решаемая. Главная трудность, препятствующая разработке такой модели, – дефицит экспертов по конкретным вопросам. Но зато, разработав ее, можно было бы формулировать доктрину информационной безопасности в более или менее четких терминах.

Один из ключевых вопросов, ответ на который должна дать концепция информационной безопасности: кто и как будет открывать и закрывать информацию. Очевидно, что это прерогатива государства. Но отдавать подобные решения на откуп отдельным ведомствам нельзя. Иначе мы попадем в ту же ловушку, в которую в свое время попал СССР. Когда ведомство начинает приписывать себе право закрывать ту или иную информацию, рано или поздно начинается засекречивание не для обеспечения конкурентоспособности страны, а для спасения неконкурентоспособного ведомства. Мне кажется, что вопросы открытия и закрытия информации должны решаться на уровне не зависимой от ведомственного давления коллегии специалистов.

Впрочем, говорить о независимости от ведомственного давления значительно проще, чем этого добиться. Давление различных ведомств неизбежно. Но важно понять, что давление это разнонаправленно и конфликтно, а потому его можно сбалансировать. Конфликты между структурами и людьми, защищающими открытость, и людьми и структурами, отстаивающими закрытость информации, всегда были и будут. Одни защищают открытость, другие – закрытость не потому, что одни хорошие, а другие плохие, а потому, что у них разные общественные роли и, соответственно, разные интересы. Да еще потому, что абсолютного знания, где именно находится точка оптимума между открытостью и закрытостью, нет ни у кого. Мы имеем дело с объективным и неизбежным конфликтом ролей и интересов. А это означает, что концепция информационной безопасности будет неполной, пока в ней не будут прописаны процедуры согласования интересов и решения конфликтов между «закрывающими» и «открывающими».

Вопрос, что закрывать, с моей точки зрения, является одним из самых тяжело решаемых. Все, кто имеет отношение к информации, прекрасно это понимают. Вспомним СССР – там закрывалось практически все, но, анализируя различные открытые источники, можно было восстановить картину по очень многим суперзакрытым проблемам и отраслям. Как вычленивать некое «ядро» информации, закрыть которое абсолютно необходимо, и не закрывать остальную информацию – проблема огромной сложности и, насколько мне известно, до сих пор не решенная. Но это не значит, что ее не надо решать.

Еще одна сложная проблема информационной безопасности, о которой здесь неоднократно говорили, связана с информационными потоками комплексного воздействия. Потоками, в которых переплетена эмоциональная и рациональная информация. Появление

систем, распространяющих комплексную информацию, мощно воздействующую на человеческую психику, делает общество уязвимым, порождая массовые неврозы, фобии, волны агрессии.

Как бороться с этой угрозой? Способ зависит от ценностей, которые общество разделяет. Можно бороться запретами. Однако в этом случае общество перестает быть демократическим и становится тоталитарным, а граждане утрачивают свободу. Можно бороться моральными средствами. Тогда общество остается в пределах демократии и не уничтожает индивидуальной свободы. Но для того, чтобы моральные инструменты заработали, надо преодолеть некоторый предрассудок, который сейчас существует и портит нам жизнь. В частных разговорах все соглашаются, что СМИ, Интернет и остальные структуры распространения комплексной информации – это мощнейшее средство воздействия на человеческую психику. Между тем, публично говорить об этом не очень принято. Куда более политкорректно называть эти структуры нейтрально: «средства информации».

Ситуация, допускающая якобы информационную деятельность, которая на самом деле является промыванием мозгов, преодолима только одним способом – честным и открытым признанием того, что потоки комплексной информации не только информируют людей, но мощно влияют на психологическую атмосферу общества. Честное признание этого факта повлечет за собой выработку кодексов поведения журналистов, работников PR-сферы и представителей власти, занимающихся распространением информации от ее имени.

В.Г. БАРАНОВСКИЙ (ИМЭМО РАН)

Оба компонента, которые мы пытаемся свести воедино и установить связь между ними, с одной стороны, информационная эпоха и, с другой стороны, понятие национальной безопасности, – это вещи, по поводу которых можно много спорить. У нас есть два набора, по поводу которых существуют неопределенности. Их мы пытаемся соединить воедино и посмотреть, что из этого получится. Я подозреваю, что в результате будет увеличение количества и, может быть, даже масштаба этих неопределенностей.

Сама постановка данной проблемы: как влияет одно на другое, как вопрос об информационной эпохе влияет на понятие национальной безопасности, – с одной стороны, кажется совершенно правомерной по целому ряду оснований.

Считается, что национальная безопасность затрагивает только военные аспекты, но есть масса измерений, масса срезов, которые также являются важными для национальной безопасности. Мы знаем, что даже сторонники политического реализма уже не противопоставляют национальной безопасности международную безопасность.

Можно говорить об экономической безопасности, экологической безопасности, продовольственной безопасности, сырьевой безопасности, нефтяной безопасности. Некоторые говорят о лингвистической безопасности, культурной безопасности, о безопасности, которая касается национальной этичности общества, государства, этноса и т.д.

Говоря о проблеме информационной безопасности, необходимо ставить вопрос следующим образом: как вхождение в информационную эпоху влияет на социум и, уже во вторую очередь, как это меняет национальную безопасность и как влияет на нее. Здесь необходимо иметь в виду более широкий контекст, который касается последствий информатизации, информационной революции для общества в целом. Потому что если мы попытаемся устанавливать только прямые связи информации и национальной безопасности, то этот подход будет очень ограниченным, и мы сами для себя сузим аналитическую перспективу и те возможности, которые у нас возникнут, когда речь пойдет о других практических рекомендациях.

Важно понять, что имеется в виду. Никакие инновации, которые связаны с информационной эпохой, не отменяют сути того, что связано с обеспечением национальной безопасности. Если не вдаваться в какие-то серьезные виртуальные изыски на эту тему, то суть такова: это нейтрализация угроз интересам страны, общества, личности, как об этом сказано в Концепции национальной безопасности.

Сегодня, как и ранее – в информационную и доинформационную эпохи, для информационной безопасности ключевое значение имеет установление определенного баланса между тремя составляющими. Во-первых, нужно добиваться эффективной отдачи тех мер, которые нацелены на обеспечение национальной безопасности. Во-вторых, они должны носить рациональный характер. Рациональный характер – в смысле затрачиваемых усилий, реальных усилий, организационных усилий. В-третьих, эти усилия, эти меры не должны перекрывать возможности развития социума по некоторым важным для него направлениям. Баланс этих трех компонентов – это ключевая вещь для национальной безопасности.

Трудно отделить значимую информацию от информационного шума, расширяется вариативность интерпретации информационных потоков, возникают проблемы с их селекцией и классификацией. Хочу подчеркнуть, что здесь нет ничего особенного, это нормальные проблемы того информационного поля, в котором существует проблематика национальной безопасности.

Применительно к национальной безопасности очень важно иметь возможность эти плюсы максимизировать, плюсы, о которых я говорил, а минусы минимизировать. Думаю, что здесь при этом очень важно не поддаваться соблазну поиска каких-то простых решений. Потому что простое решение, которое может появиться при рассуждениях на эту тему, состоит в том, что надо попытаться свести издержки к минимуму, главным образом путем сужения того информационного поля, которое создает такие неоднозначные последствия для национальной безопасности. Несомненно, что ограничения на содержание информации по чувствительным вопросам правомерны. Но необходимо чувство меры при введении таких ограничений, потому что дефицит информации для национальной безопасности может оказаться еще более болезненным, еще более опасным, чем ее избыток.

Второе: серьезно, значительно расширяется круг субъектов информационного взаимодействия, и, естественно, возникают все проблемы, которые связаны с вопросом о том, как это влияет на национальную безопасность. Следовательно, здесь опять возникает инстинктивный рефлекс, который касается ограничения этого круга применительно к чувствительным вопросам, связанным с национальной безопасностью. Это разумно, это правомерный подход. Но возникают определенные вопросы, когда мы говорим о максимальной интерпретации национальной безопасности. Получается, что число носителей соответствующей информации оказывается настолько высоким, что отстранить их от нее становится невыполнимой задачей.

Существует еще один аспект этой проблемы. Речь идет об информировании общества по вопросам, относящимся к национальной безопасности. Здесь тоже могут быть естественные ограничения, но и они тоже должны носить разумный характер, и я сказал бы сильнее: они должны осуществляться крайне осторожно.

Главное состоит в том, что отсутствие информации, ее дефицит или неадекватная информация по вопросам национальной безопасности подрывают общественную поддержку государственной политики в области национальной безопасности, а подчас могут вообще усугубить проблему доверия к властям. Например, эффект стратегических учений весной 2004 г. был смазан не только потому, что случилась нештатная ситуация с пусками баллистических ракет подводных лодок, но еще в большей степени повредили неуклюжие попытки скрыть это происшествие или дать ему такую интерпретацию, которая никого не убедила. По-моему, это очень показательный пример, который выводит нас на более серьезную проблему.

Еще одной болезненной темой является привлечение неправительственных экспертов к обсуждению наболевших вопросов национальной безопасности. Мы все очень хорошо знаем, что мнением таких экспертов зачастую склонны пренебрегать из-за отсутствия у них доступа к соответствующей информации. Зачем нужно учитывать мнение людей, которые не знают того, что происходит на самом деле? Это весьма популярный тезис.

Важно не забывать и другой аспект. Потому что за ним может часто скрываться и нежелание подвергнуть независимой экспертизе предлагаемые решения и в области национальной безопасности. Это чревато неприятными последствиями, в первую очередь, возмож-

ностью произвольного определения конкретных параметров национальной безопасности и тем, что политика в области национальной безопасности становится очень уязвимой для воздействия каких-нибудь лоббистских групп. Примеров этого явления более чем достаточно. На мой взгляд, американцы с этим столкнулись, когда принимали решение о военной операции в отношении Ирака.

Еще один сюжет возникает, когда в связи с проблематикой национальной безопасности мы говорим о том, что становится очень много субъектов информационного взаимодействия.

Кроме того, важно обозначить проблему широких возможностей, которые обусловлены вступлением в информационную эпоху, возможностей, которые обусловлены таким мощным манипулятивным воздействием на обеспечение национальной безопасности через использование информационных потоков. Мы хорошо знаем, что эта тема не новая: хорошо известны психологические войны в условиях мира и психологическое воздействие на противника в условиях боевых действий. Сегодня такое воздействие приобретает большое значение, поскольку информационная составляющая в вопросах национальной безопасности в сочетании с огромными возможностями современными информационными технологиями нередко служит основанием для тезиса, который формулируется прямо и однозначно: здесь возник качественный прорыв, и если действовать целеустремленно, если мобилизовать соответствующие ресурсы, то можно добиться совершенно фантастических результатов, используя эти новые информационные технологии, воздействуя на общественное сознание. Мне кажется, что в таких рассуждениях есть много спекулятивного, нарочито сенсационного, но неверным было бы полагать, что эти рассуждения беспредметны или беспочвенны.

Обращу внимание на вопрос эффективности использования манипулятивных технологий. Это спорная тема, потому что здесь можно сформулировать две противоположные гипотезы. Одну гипотезу можно сформулировать, прибегая, по-моему, к цитате из А. Линкольна: «Можно какое-то время обманывать часть народа, можно какое-то время обманывать весь народ, но невозможно все время обманывать весь народ». То есть это тезис о том, что некоторое время можно пользоваться манипулятивными технологиями, но результат, в конечном счете, не будет таким, каким его видят те, кто прибегает к этим технологиям.

И другая, прямо противоположная гипотеза – максима Й. Геббельса: «Чем чудовищнее ложь, тем охотнее люди ее принимают». Это значит, что с помощью манипулятивной технологии можно добиться какого угодно результата, и долговременные последствия могут оказаться необратимыми. Это спорная тема, так как существует предположение, что в долговременной перспективе эффективность таких технологий обратно пропорциональна масштабам информационных манипуляций, но и этот тезис совсем не очевиден.

Проблема выходит далеко за рамки национальной безопасности. Фактически речь идет о конструировании политической реальности: можно ли конструировать политическую реальность с помощью информационного инструментария? Иногда с использованием административного ресурса, иногда, чтобы противодействовать административному ресурсу, но это проблема, которая ставится в постмодернистском политическом дискурсе, а мы знаем, что в российских условиях эта тема носит отнюдь не умозрительный характер.

Вопрос об информационной структуре страны. Потенциальная уязвимость этой структуры приобретает жизненно важное значение. Это предмет особого внимания в сфере национальной безопасности, и в этой связи возникает необходимость, во-первых, исключить несанкционированный доступ к этим чувствительным информационным ресурсам и, во-вторых, исключить или минимизировать возможность создания помех для функционирования информационного управленческого комплекса. Иногда эту сторону рассматривают в качестве краеугольного камня для обеспечения национальной безопасности в области информации. Сделать так, чтобы никто не имел доступа к информационным ресурсам, которые являются чувствительными, и сделать это так, чтобы этот информационный комплекс нормально функционировал в любых условиях, в том числе и в критических условиях. В этом и лежит решение проблемы.

В связи с этим отметим следующее: во-первых, эта проблема очень серьезная и требует огромных усилий, но алгоритм решений этой проблемы достаточно прост – технологические и организационные мероприятия, которые здесь могут быть осуществлены для того, чтобы добиться этого нужного результата.

Но здесь опять же возникают две серьезные проблемы. Во-первых, ограничительная или запретительная ориентация таких мероприятий вступает в конфликт информационного взаимодействия с внешней средой. И, во-вторых, такие мероприятия нанесут ущерб информационной устойчивости социума, так как информационная устойчивость социума определяется информационной насыщенностью, информационным разнообразием.

Вывод из этих рассуждений следующий: информационная эпоха накладывает огромный отпечаток на понимание национальной безопасности, но связанные с этим концептуальные и практические вызовы возникают прежде всего из проблематики национальной безопасности и в меньшей степени из проблем, которые связаны с развитием информационного комплекса. Информационная эпоха выдвигает некоторые аспекты проблематики национальной безопасности на первый план, но не она создает эти проблемы. То же самое можно сказать и о событиях 11 сентября 2001 г. Не сами события вызвали к жизни проблему международного терроризма, они выдвинули эту проблему на первый план, но проблема существовала и до этого. Проблемы, связанные с национальной безопасностью, из того же ряда. Из этого следует важный вывод: поиск решений возникающих коллизий следует вести прежде всего в политической, а не в информационной сфере.

Другой вывод заключается в том, что в области защиты национальной безопасности иногда возникают инстинктивные рефлексы. Во-первых, это инстинктивное стремление к ограничению информационных потоков, бурное развитие которых чревато новыми проблемами для национальной безопасности. Здесь ключевым словом должно быть не ограничение, а регулирование информационной сферы, причем такое регулирование, которое ориентировалось бы на развитие информационной сферы, а не на ее свертывание. И другой инстинктивный рефлекс – это стремление максимально отгородиться от враждебного информационного воздействия, которое предположительно может иметь негативные последствия для национальной безопасности. Здесь тоже важно сконцентрировать внимание на организации информационного пространства, его функционировании, на формировании общепризнанных норм и правил, налаживании эффективного трансграничного сотрудничества.

И заключительный тезис – национальная безопасность не проиграет, а только выиграет, если впишется в рационально организованный глобальный информационный контекст.

В.3. ДВОРКИН (ПИР-ЦЕНТР)

По-видимому, отличие проблем информационной безопасности от всех других состоит в том, что если все виды военной и экономической безопасности можно представить относительно полно, то в информационной сфере спектр угроз безопасности бесконечен.

Не так трудно представить себе проблемы, связанные с влиянием информации на психику индивидуума и социума. Однако намного важнее помочь обществу понять место информационной безопасности в системе приоритетов угроз. Обществу надо показать, что степень опасности, угрожающей со стороны шахидов, не выше, чем угроза от информационного терроризма, потому что эту угрозу несут в себе информационные системы, которые присутствуют на транспорте, в сфере повседневного обслуживания, в управлении разнообразными системами повышенной опасности, в военных системах, транснациональных корпорациях и т.п. В информационную эпоху результаты воздействия на эти системы значительно опаснее, чем многие «привычные» террористические акты. Общество должно осознать это. В обеспечение этой безопасности надо вкладывать значительные средства. Следует отметить, что помочь обществу осознать систему приоритетов – непростая задача.

В том, что касается соотношения закрытой и открытой информации, можно сказать, у нас нет глубоких исследований на тему, что надо закрывать, а что не надо. Существуют довольно простые критерии. Американцы считают так: сколько стоит закрыть информацию и сколько стоит для оппонентов ее раскрыть? Во многих областях мы тратили такие средства для закрытия информации, которые не соотносились с затратами, которые наши оппоненты производили, чтобы эту информацию раскрыть. Американцы открывали такие характеристики систем вооружения, которые у нас были под грифом «особой важности». И это вынуждало нас вкладывать колоссальные средства для парирования потенциала систем вооружения США в то время, когда можно было бы безболезненно демонстрировать высокие характеристики оружия, а закрывать только «дыры на брюках», то есть уязвимые места. Проблема исследований в этой области не потеряла актуальности и в настоящее время.

В.Л. МАНИЛОВ (СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ ФС РФ)

Я думаю, что вопрос о трансформации понятия национальной безопасности поставлен своевременно. Именно в связи с феноменом глобализации. Этот процесс, хотим мы этого или нет, ведет к изменению представления о суверенитете государства, о независимости, о государственности как таковой, потому что данные процессы все глубже проникают в различные сферы жизнедеятельности обществ и социумов.

Ну и, конечно, очень серьезен вопрос, связанный с информационной безопасностью. Это вопрос национальной самоидентификации.

С точки зрения информационной безопасности мы тоже должны, здесь уже об этом говорилось, самокритично оценивать ситуацию. И говорить о том, что с точки зрения информационной безопасности Россия пока находится в более выигрышном положении, потому что уровень компьютеризации в нашей стране невысок по сравнению с другими субъектами мирового сообщества. Объективно защищенность населения от информационного проникновения в России более высокая, чем в других странах.

В этой связи особую актуальность приобретают представление о наших национальных интересах и построение иерархии угроз. Можно как угодно ее определять – вот здесь много говорилось об информационной блокаде. Наряду с блокадой налицо объективная информационная экспансия в отношении России, причем массированная, системная, многоуровневая, которая осуществляется уже около двух десятков лет очень серьезно, интенсивно, целенаправленно. Это стратегическая операция, в которой используются все информационные средства, ресурсы и, прежде всего, электронные средства массовой информации и другие каналы и средства воздействия на социум, на государство, на личность.

Следует упомянуть вопрос о рекламе в средствах массовой информации. «Кто платит, тот заказывает музыку». Подмена тех позиций, тех критериев нравственности и духовности, которые испокон веку были в укладе и в образе жизни нашего народа, а сегодня они очень интенсивно, последовательно искореняются из общественного сознания. Поэтому в этой области информационная безопасность и трансформация национальной безопасности требуют от нас адекватных и, я думаю, даже упреждающих действий. Мы же пока не очень активно работаем в этом направлении.

Должен сказать об одном аспекте, который вызывает у нас очень серьезную озабоченность. Это информационная война. Если говорить о военно-политической сфере, то в американской стратегии это составной элемент. Может, кто-нибудь из вас слышал о сегодняшней, современной стратегии, которая называется «эффekt бабочки». Информационное воздействие на социум, на государство, на личность вводится в стратегическое планирование, обеспечивается соответствующими силами, средствами, ресурсами, структурами, задачи ставятся и реализуются. Мне пришлось непосредственно заниматься информационными проблемами в период агрессии против Югославии, в том числе и информационными проблемами.

Отмечу, что не Югославия проиграла эту информационную войну, а прежде всего Россия. Вспомните голосование Совета Безопасности, когда Россия осталась в одиночестве. Не-

смотря на явные и очевидные, казалось бы, вещи в отношении геноцида, якобы существовавшего, в отношении понимания, откуда исходит агрессия, в отношении понимания угрозы терроризма и носителей этой угрозы в лице албанских экстремистов и террористов. Мы проиграли информационную войну и в иракском вопросе. Потому что нам не удалось убедить мировое сообщество в том, что это неспровоцированная агрессия, и мы оказались бы снова в меньшинстве при голосовании в Организации Объединенных Наций.

Для экспертов и исследователей это очень серьезный повод для того, чтобы задуматься над тем, что Россия способна противопоставить; каким образом наша страна способна интегрироваться в информационную сферу, в информационную систему, и влиять на ее развитие таким образом, чтобы все-таки защищать и реализовывать свои национальные интересы, которые очень часто совпадают с прогрессивным мировым развитием, предотвращением войн, конфликтов и т.д. Вот эта третья позиция, на которой просто хотелось бы заострить внимание, – очень важный вопрос, о котором, как мне кажется, наше экспертное сообщество должно подумать и выдвинуть свои предложения.

Для меня вопрос мучительный и реальный – это система принятия политических решений в области национальной безопасности и информационной безопасности в частности. В свое время в Совете Безопасности мы такую систему создавали, и она начала функционировать. Провели несколько практических занятий с участием президента, премьер-министра, ведущих министров, которые в реальном масштабе времени участвовали в анализе информационной ситуации и выработывали решения, которые потом обретали форму конкретных государственных документов, или директив Верховного главнокомандующего, или указов президента и т.д.

Нашей задачей может быть постановка вопроса ПИР-Центром или нашими экспертными структурами. Вопросы об отборе и целенаправленной подготовке экспертов различного уровня, в том числе и самого высокого, которые способны комплексно оценивать процессы, которые протекают в сфере национальной и информационной безопасности. И выработывать предложения, которые могут стать реальной основой для принятия политических решений.

Если мы сможем решить хотя бы первый вопрос, внести свой вклад в подготовку таких экспертов, то от защиты «на словах» национальных интересов в информационной сфере мы сможем перейти к конкретным шагам по реализации этой идеи.

Ю.Е. ФЕДОРОВ (МГИМО МИД РФ)

Мне представляется, что цельная и непротиворечивая концепция информационной безопасности до сих пор не выработана. Это, естественно, затрудняет выработку реалистичной и прагматичной стратегии противоборства с угрозами и вызовами информационной безопасности. Более того, сам список таких угроз и вызовов требует детального анализа, обсуждения и уточнения.

В ходе дискуссии вполне закономерно был поставлен вопрос: «Какие новые угрозы национальной безопасности связаны с нынешней «информационной эпохой?». Например, к информационной безопасности часто относят защиту государственных и военных секретов. Действительно, с одной стороны, необходимо надежно защищать ту информацию, разглашение которой может нанести ущерб оборонным или экономическим интересам государства. С другой стороны, нельзя допускать, чтобы государственные ведомства использовали механизмы засекречивания информации для сокрытия собственных недоработок и провалов или для манипулирования общественным мнением. Это, бесспорно, важная проблема. Но ведь это – проблема не только сегодняшнего дня. Она существовала много столетий, хотя по-разному формулировалась и по-разному разрешалась. Столь же стара проблема «опасной информации». Я имею в виду информацию о том, например, как изготовить яд, сделать взрывное устройство и тому подобное. Развитие всемирных коммуникационных и информационных сетей придало этой проблеме остроту, особенно если учесть растущий вал терроризма, но не изменило ее природы. По сути дела, в этом контексте новым – и весьма важным – является лишь вопрос о том, какими техническими

средствами и на основе каких юридических критериев можно установить контроль над информационным пространством так, чтобы предотвратить его использование в преступных целях, но и не допустить введения международной или национальной цензуры.

По-настоящему новым фактором является растущая зависимость современного общества от бесперебойного функционирования все более разветвленных, сложных и в силу этого все более уязвимых информационно-компьютерных систем и сетей. Вывод из строя даже относительно небольших сегментов этих сетей чреват весьма тяжелыми, подчас фатальными последствиями регионального или национального масштаба. Примеры такого рода известны. Сбой в компьютерной системе управления воздушным движением может вызвать хаос с многочисленными жертвами, а в системе управления финансовыми потоками – вызвать крах банковской системы государства. В этом свете главное и, возможно, единственное содержание понятия информационной безопасности связано с обеспечением надежной, многослойной защиты от враждебного проникновения или разрушения информационно-компьютерных сетей, связанных с государственным и экономическим управлением, в частности с управлением системами вооружений от враждебного проникновения или разрушения. Это исключительно актуальная задача, поскольку технический прогресс не только расширяет возможности общества, но и одновременно усиливает его технологическую уязвимость.

Я придаю этому тезису особое значение, поскольку появилась опасная тенденция неоправданно расширять спектр угроз информационной безопасности. Такой подход приводит к распылению средств, но не только. В частности, у меня вызывает беспокойство включение в понятие информационной безопасности понятий защиты «национальной идентичности», «национально-культурной идентичности» или «национальных ценностей».

Если защита «национальной идентичности» будет признана одним из компонентов обеспечения национальной безопасности, то естественным и необходимым следствием этого должно стать создание государственных институтов и проведение в жизнь системы мер, призванных оградить «национальную идентичность» от искажения, враждебного влияния и угрожающих воздействий. Но для этого необходимо операционально и юридически грамотно определить, что собственно имеется в виду под «национальной идентичностью» или «национальными ценностями».

Между тем не только в юриспруденции, но и в общественных науках в целом нет единого, общепринятого подхода к определению не только понятия «национальная идентичность», но и базового по отношению к нему понятия «нация». Критерии, используемые в известных определениях, неустойчивы, допускают противоречивые толкования. Возьмем, к примеру, известное сталинское определение нации, основанное на «общности языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющегося в общности культуры». С одной стороны, это определение оставляет вне нации любую диаспору (нарушается общность территории) или национальную группу, не имеющую своей территории, например евреев до образования Израиля. С другой стороны, при желании на основе этого определения можно «сконструировать» некие региональные нации, например «сибирскую». Еще сложнее обстоит дело с определением «идентичности». Неясно, какие ценности присущи собственно той или иной нации, а какие имеют общечеловеческий характер. Дело доходит до того, что российскую идентичность выводят нередко из печально известной примитивной формулы «православие–самодержавие–народность».

В практическом же плане государственные меры по защите «национальной идентичности» неизбежно сведутся к установлению цензуры и репрессиям против тех, кого сочтут ведущим враждебную в отношении «национальной идентичности» деятельность. При этом отсутствие сколько-нибудь объективных критериев «национальной идентичности» приведет к тому, что при осуществлении такой цензуры и решении вопроса о репрессивных мерах будут руководствоваться произвольно выбранными критериями идеологического толка. Все это прямо противоречит действующей конституции.

У этой проблемы есть и другая сторона. Хотя формирование относительно устойчивого мирового порядка далеко от завершения, некоторые тренды тенденции вырисовываются достаточно отчетливо. Во многом они порождаются глобализацией в сочетании с очеред-

ным этапом научно-технической революции. Глобализация не сводится только к формированию транснационального сектора мировой экономики, бурному развитию глобальных информационно-компьютерных систем, всемирной сети коммуникаций. Глобализация в тех обществах, которые втянуты в ее орбиту, приводит к формированию единых систем ценностей и основанных на них норм и институтов. Теряет абсолютное значение национальный суверенитет. Усложняется взаимодействие национальных государств и наднациональных институтов, растет роль международных режимов, обязательств и норм. Расширяется спектр идентификаций личности: человек все чаще чувствует себя одновременно и «гражданином мира», и европейцем, и русским или французом, и москвичом, сибиряком, парижанином или гасконцем. Перед всеми странами стоит дилемма: либо адаптироваться к этим процессам, использовать их в интересах технологического прогресса и решения социальных проблем, либо выбрать изоляцию, ведущую к отставанию и стагнации. В этой связи возникает вопрос: как неизбежное и необходимое для России «вхождение в глобализацию» соотносится с упорным стремлением абсолютизировать и оградить «национально-культурную идентичность»?

В ходе нашей дискуссии несколько раз поднимался вопрос об «информационных войнах». Это очень непростой и очень деликатный вопрос. С одной стороны, «информационные войны» – не более чем новое, «модное» название того, что ранее называли «психологической войной» или «идеологическими диверсиями». За этими названиями стоят реальные явления. Но вот что важно. В связи с «информационными войнами» в очередной раз распространился миф о том, что с помощью изощренных технических средств и психологических методик можно эффективно манипулировать массовым сознанием. Манипулировать сознанием человека действительно можно. Этим не без успеха занимались шаманы в первобытных племенах, египетские жрецы, вавилонские маги и тому подобные. Им пытаются подражать наши телекомментаторы, но им явно не хватает как профессиональных способностей, так и общей культуры.

Но дело в другом. Главными средствами манипулирования массовым сознанием являются вовсе не пресловутое «лингвистическое нейропрограммирование» или «25-й кадр», но цензура, замалчивание собственных проблем и недостатков, попытки изолировать граждан от независимых источников информации и так далее. Подобные средства дают лишь краткосрочный эффект, а в относительно длительной перспективе, как показывает исторический опыт, контрпродуктивны. В частности, в советское время в нашей стране и в других странах социалистического лагеря огромные средства вкладывались в партийную пропаганду. Была создана, как тогда казалось, эффективно работающая система промывания мозгов. Но она оказалась неспособной внедрить в массовое сознание на относительно длительный период времени систему ценностей, стереотипов и мотиваций, основанную на предпосылках, несовместимых с природой и потребностями индивида. Именно поэтому она не выдержала сравнения с действительностью. В этой связи проигрыш режимом С. Милошевича информационной войны в Югославии обусловлен не особой изощренностью технических средств и методов, использованных Западом, но тем, что ценности, которые пытались защищать С. Милошевич и его клика, оказались объективно неконкурентоспособными.

В. Н. МАМЫКИН («MICROSOFT»)

Есть одно очень интересное определение информационной эпохи – это эпоха, в которой доля информационных технологий в продукте, производимом в стране, резко возрастает и превышает 50%. Могу сказать, что в настоящий момент себестоимость автомобиля больше чем на 50% состоит из программного обеспечения, которое работает в станках, автоматически сваривающих корпус, и т.д. Так что мы действительно живем в информационную эпоху.

Я абсолютно согласен с М.Ю. Урновым, что повышение конкурентоспособности страны – это, по-видимому, единственная стратегия, которая позволяет выстроить баланс равных национальных государств. Исходя из того, что мы живем в информационную эпоху, можно предположить, что для построения конкурентоспособного общества критически важным является большой сектор услуг и продуктов, которые производят локальные компании в

области информационных технологий. Только они смогут обеспечить рост валового национального продукта.

Я сформулирую теорему о связи национального и интернационального. Некоторые интернациональные компании могут являться союзниками при построении систем национальной безопасности.

Доказательство: для интернациональных компаний интерес представляет бизнес как таковой. При этом часто совпадают цели, преследуемые этими компаниями и обществом. Интернациональные компании не могут ориентироваться только на локальный рынок. Они зарабатывают за рубежом значительно больше денег, чем в своей стране. Но так как все страны защищают свои национальные интересы, то интернациональные компании вынуждены быть одинаково честными перед всеми странами, так как в противном случае специальные условия для одной из стран (даже если штаб-квартира компании находится на территории этой страны) приведут к недоверию к компании со стороны других стран. А это крах бизнеса. Теорема доказана.

Если компания не преследует никаких национальных интересов, она может являться союзником при построении систем национальной безопасности при условии, что продукты этой компании отчуждаемы, проверяемы и сертифицируемы. Из этого следует, что некоторые корпорации заинтересованы в росте национального рынка средств вычислительной техники. Это относится к компаниям, которые поставляют только базовые технологии, позволяя развиваться своим партнерам, поскольку нельзя быть стопроцентным монополистом. В России, например, на каждый доллар, который зарабатывается российскими компаниями на продаже непосредственно продуктов нашей корпорации, приходится около десяти долларов, которые зарабатывают российские компании, производящие свои собственные продукты на базе наших технологий (при этом некоторые из них экспортируются). Поэтому такие национальные компании также являются возможными союзниками построения систем национальной безопасности, так как они заинтересованы в росте и развитии рынка локального программного обеспечения.

У меня есть конкретное предложение для ПИР-Центра. Абсолютно необходимо подумать над тем, как дать возможность российским компаниям – производителям программного обеспечения, производителям вычислительной техники – развиваться и выходить на зарубежные рынки. Мы помогали некоторым российским компаниям продавать их продукты за рубежом. При этом есть огромные проблемы, например некая компания готова продавать свои криптомодули в Канаду, Малайзию и т.д., но это очень сложно сделать.

Хотел бы добавить, что мы занимаемся не только конкретными проблемами. У нас есть своя стратегия и понимание, что такое безопасность. Это концепция и стратегия построения защищенных информационных систем (Trustworthy Computing). Ознакомиться с ними можно на нашем российском сайте.

Н.И. КАЛИНИНА (НЕЗАВИСИМЫЙ ЭКСПЕРТ)

Характер выступления основных докладчиков показывает, что затронут настолько широкий круг проблем, что семинар должен был бы называться не «национальная», а «международная безопасность». Информационная составляющая, влияющая на международную безопасность, набирает силы. Учитывая профиль деятельности и интересы ПИР-Центра, мне бы хотелось приблизиться в дискуссии к общим интересам, связанным с национальной безопасностью, и ограничиться темой влияния информации на обороноспособность. В этом плане отмечу несколько критериев, которые могут влиять на обороноспособность страны.

Первым из них является информация и связанная с процессом обмена информацией опасность потери интеллектуальной собственности. Это очень серьезная проблема. Недавнее заседание Госсовета было посвящено анализу этих угроз.

Второе – это информация как источник потери государственных секретов, как совокупность информационных компонентов всех сфер деятельности государства. Если раньше

информация распространялась среди профессиональных кругов через специальные журналы и семинары (т.е. направленность информации была ограничена кругом профессионалов, работающих в одном поле и не соприкасающихся с другим полем), то сейчас можно получать информацию из разных сфер деятельности, и в зависимости от того, какая ставится цель, можно получать и интерпретировать ее в совершенно разных целях. К примеру, недавно издано постановление правительства о стратегически важных объектах, не подлежащих приватизации. Разведчик посмотрит на перечень из 400 предприятий и сделает пометки, какие объекты надо посетить. Таким же образом из других информационных областей можно вылавливать компоненты, которые в совокупности будут отражаться на национальной безопасности.

Третье – это информация как дезинформация. Мы имеем опыт в прошлом, в советские времена, когда наши потенциальные или стратегические «партнеры», в то время условные противники, представляли через собственные средства информации и научные журналы «случайную утечку», то есть описывали направления исследований, попытка воспроизведения которых нередко заводила в тупик. И делалось это для того, чтобы направить научные коллективы на занятия ложными исследованиями. Таким образом, на некоторое время достигалось блокирование усилий научных коллективов.

Последнее, о чем мне хотелось бы сказать, – это об информации как источнике распространения знаний. С этой точки зрения надо оценивать информацию по определенным критериям, в том числе влияющим на обороноспособность. Пример – Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. К ней присоединилось 156 стран, хотя владельцами химического оружия являются четыре страны. Почему идет присоединение к конвенции? Потому что в Конвенции есть статья о международном содействии развитию мирной химической промышленности. Сто с лишним слаборазвитых стран, не имеющих промышленности, хотят через ОЗХО, инспекции и визиты получить доступ к современным промышленным технологиям. Но современные промышленные технологии – это, как правило, технологии двойного назначения. Следовательно, присоединение к таким соглашениям не может исключить потерю знаний и негативного влияния на обороноспособность.

Другой пример, связанный с опасностью распространения знаний о способах синтеза химического оружия, особенно сейчас, в условиях расширения террористической деятельности. Более трех десятков лет назад немецкий химик А. Франк опубликовал открытый двухтомник «Химия отравляющих веществ». В то время это издание интересовало только профессионалов. Сейчас эта книга может стать пособием. Вот к чему может привести нерегулируемое распространение знаний нерегулируемого характера.

Если мы начинаем заниматься вопросами национальной безопасности, связанными с распространением информации, то хотелось бы, чтобы эти вопросы были более детально обсуждены в среде экспертов, которые могли бы и выработать соответствующие рекомендации, которые ограничили бы влияние нерегулируемого информационного поля на национальную безопасность.

Т.Г. ПАРХАЛИНА (ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ИНИОН РАН)

Мне хочется прореагировать на два тезиса наших уважаемых докладчиков, поскольку мне представляется, что они взаимосвязаны. Это тезис о том, что эффективная национальная безопасность не должна блокировать развитие социума и вопрос об открытости и закрытости информации.

На самом деле оба тезиса связаны с информационной эпохой, то есть они, эти вопросы, более остро стоят в информационную эпоху, но возникли, конечно, раньше. И мне представляется, что эта проблема принципиальна, но она носит социальный характер и зависит от типа политической, стратегической и общей культуры общества. Прекрасная рекомендация относительно того, что группа экспертов должна разрабатывать процедуры, формулировки и т.д. Но у меня складывается ощущение, что, сколько бы групп и какие бы

процедуры ни разрабатывали, то все равно мы можем вернуться на круги своя. Сколько бы мы велосипед ни изобретали, может снова получиться автомат Калашникова.

Здесь мы непосредственно выходим на гораздо более широкую проблему. Демократия versus безопасность. Эта проблема существует не только у нас в стране, она существовала и существует в различных странах. С особой остротой она была поставлена после 11 сентября 2001 г. и в Соединенных Штатах, и в Европе. Скажем, были различные подходы. Кое-кто высказывался, что лучше меньше демократии, тогда возрастает безопасность.

Но мне кажется, что на самом деле не бывает много демократии, а бывает мало демократии, вот с этим и связаны проблемы безопасности. Если мы будем предлагать какие-то рецепты, то выходом может стать развитие демократических институтов и строительство гражданского общества. И тогда можно будет воспользоваться рекомендациями М.Ю. Урнова, и тогда начнут действовать процедуры. Потому что на самом деле демократия – это процедуры, демократия – это нормы, стандарты и процедуры.

Хотелось бы остановиться еще на одной проблеме. Здесь упоминалось об угрозах и их иерархии. Безусловно, мы не сможем выстроить иерархию угроз до тех пор, пока не сформируем концепцию национально-государственных интересов страны, которой у нас, к величайшему сожалению, до сих пор нет. А поэтому у нас идет реактивная политика на очень многие события, включая и те, что связаны с развитием информационного общества, информационной безопасности.

Мне представляется, что у нас есть только два варианта: эта концепция может быть сформулирована либо в геополитических категориях, либо в социально-экономических. Я пока не говорю о том, какая из них плоха, какая хороша, хотя, естественно, у меня есть соображения на этот счет. Но мне представляется, что, не имея такого концептуального документа, иерархию угроз выстроить просто невозможно, не имея концепции национально-государственных интересов, невозможно позиционировать себя, невозможно определить потенциальных стратегических партнеров, союзников, возможных противников. Без концепции и это наше шарханье будет продолжаться. Ведь мы до сих пор не определились, с кем нам быть – с Западом, с Востоком, в середине?

Мне представляется, что все остальные вопросы, включая и вопросы информационной безопасности в информационную эпоху, являются вторичными. Может быть, экспертному сообществу пора приступить к тому, чтобы генерировать какие-то идеи в сфере разработки концепции национально-государственных интересов России, и ПИР-Центр мог бы выступить инициатором в этом процессе.

А.В. БЕДРИЦКИЙ (РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Сегодняшнее обсуждение показало, что существуют две основные позиции в определении вызовов национальной безопасности, связанных с «информационной эпохой». Первая из этих позиций делает акцент непосредственно на информации как таковой, на информационном воздействии на человека: пропаганде, воздействии через СМИ, изменении культуры. Вторая – фокусируется на информационных технологиях, внедрении в повседневную жизнь информационных устройств и на том, какими угрозами чревато нарушение их работоспособности.

Говоря о первом подходе, надо отметить, что хотя все отмеченные угрозы и имеют место, они все же не являются чем-то принципиально новым или даже вышедшим на первый план с наступлением «информационной эпохи». Так, например, упоминавшееся ранее размытие культурной идентичности имело место и в XIX веке, когда многие дворяне в России предпочитали французский язык русскому и многие даже плохо знали родную речь. Точно так же деморализация, дезинформация и моральное разложение были в арсенале средств воздействия на противника еще с древних времен, примером чему может служить популярный в наше время древнекитайский трактат Сунь Цзы «О войне».

Конечно, невозможно отрицать ускорение информационных потоков, появление новых трансграничных средств доставки информации, включая Интернет, телевидение, сотовую связь, что, безусловно, усиливает возможности информационного воздействия на человека. Один из наиболее ярких примеров тому – теракты 11 сентября 2001 г., транслировавшиеся в прямом эфире практически по всему миру. Но ведь это в первую очередь свидетельствует о том, что, хотим мы того или нет, актуальность вопросов информационной безопасности, появление самого понятия «информационная эпоха» вызваны в первую очередь развитием информационных технологий.

Безусловно, проблема информационной безопасности, как бы она ни понималась, существует. Но для того, чтобы найти конкретные решения, снижающие возникающие риски, требуется более четко определить предметную область. Здесь можно выделить три базовых блока новых вызовов, связанных с распространением информационных устройств.

Первый блок – оценка роли воздействия на психику и сознание человека ускорения и увеличения информационных потоков, вызванных прогрессом средств в сборе, обработке и передаче информации.

Второй блок – оценка возможности нарушения работоспособности критических (системообразующих) инфраструктур, например систем энергоснабжения, управления воздушным движением, банковской системы и т.п. посредством воздействия на задействованные в них информационные системы. При всей кажущейся простоте выявления рисков в этой области ответ относительно их наличия по-прежнему оказывается неоднозначным. Вполне возможно, что потенциальным злоумышленникам для быстрого спуска воды окажется гораздо проще воспользоваться чем-то из набора традиционных средств разрушения (например попросту подорвать плотину гидроэлектростанции), чем каким-то образом воздействовать на информационные управляющие системы. Как ни парадоксально, в данном случае наиболее серьезным риском является то, что мы не знаем точно, откуда ждать угрозу, в какой именно области и насколько серьезна предполагаемая угроза.

Третий базовый блок новых вызовов – это использование информационных устройств в военной сфере. Системы спутниковой навигации и связи, высокоточные виды оружия, многие инновации в военной сфере также обязаны своим появлением информационным технологиям и также должны рассматриваться в числе вызовов информационной эпохи. Обходя стороной эти вопросы, мы в конце концов рискуем прийти к тому, что вся международная договорная база в сфере ограничения вооружений окажется под угрозой из-за появления новых факторов, требующих переоценки баланса сил. Маленький пример: оснащение истребителя второго поколения *МиГ-21* новой авионикой и управляемым оружием позволило причислить модернизированный *МиГ-21бис* к поколению 3+. При всей умеренности такой градации поколений они достаточно наглядно демонстрируют, за счет чего осуществляется приобретение новых боевых качеств.

С.Б. ПЕРЕСЛЕГИН (ФОНД «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»)

Хотелось бы конкретизировать рассмотренные проблемы, исходя из того, что наша сегодняшняя задача состоит в том, чтобы не только понять происхождение существующих трудностей, но и как-то их преодолеть. Было бы полезно оценить, какие новые проблемы возникнут в ближайшее время, потому что их тоже придется решать.

На мой взгляд, в наших рассуждениях уже есть одна принципиальная ошибка. Мы все время говорим, что информационная эпоха и информационное общество в значительной сфере уже построены. Я склонен предположить, что это не так. Мы по-прежнему живем в индустриальном обществе, в формации государственно-монополистического капитализма. Сошлюсь хотя бы на две вещи – линейное падение производительности капитала, которое продолжается с 1960-х гг. XX в., и полное несоответствие современных международных законов и обязательств в области издательского права элементарным потребностям информационного общества.

Для постиндустриального общества характерны другие типичные скорости перемещения товаров, людей, информации, характерно другое использование энергии, другие политические процессы (иногда не соответствующие нашему пониманию демократии). Мы приходим к пониманию, что живем сейчас не в начале информационного века, а в конце века индустриального, что означает абсолютно иное распределение приоритетов. А именно: нам приходится думать не об одной, а о трех системах безопасности.

Это:

- система безопасности информации сейчас, в конце индустриальной эпохи;
- система обеспечения информации информационной безопасности потом, в начале постиндустриальной эпохи;
- система обеспечения информационной безопасности в период между первой и второй эпохами.

Последнее – самое сложное и самое важное. Естественно, эти три системы безопасности могут быть различными. Это первая проблема, которую я предлагаю вашему вниманию.

Вторая проблема. Если мы будем исходить из того, что в постиндустриальном информационном обществе основным энергетическим элементом будет не сама информация, а ее рефлексия или управление информацией, придание ей соответствующих форматов, возникает следующая группа задач: управление информацией и злоупотребление информацией. Приведу простой пример. Нетрудно составить список людей, заинтересованных в теракте 11 сентября 2001 г. Но почти каждый, кто входит в этот список, не имел реальной возможности осуществить и подготовить столь сложный теракт.

Не так легко, но можно составить список тех, кто имел такую возможность. И у них у всех, конечно, полностью отсутствует мотив. Теперь представим себе человека, который сравнил два этих списка. И одним информационным сообщением в сети соединил потребности одного с возможностями другого. Я говорю, разумеется, не только об одном конкретном действии, но о целой совокупности подобных действий. Это одна из тех сложностей, с которыми нам, по всей вероятности, придется скоро столкнуться. В мире становится настолько много информации, что, во-первых, ее почти бесполезно систематизировать. А во-вторых, ее нелинейные взаимодействия создают самые разные, но преимущественно катастрофические эффекты.

Решение вопросов прогнозирования катастроф «следующих системных типов»² и борьбы с такого типа катастрофами может стать интереснейшим вкладом России в работу мирового сообщества. Но, насколько я понимаю, это вопрос сейчас не только не решен, но и даже толком не поставлен.

И, пожалуй, последнее, что хотелось бы затронуть, – проблема катастроф, вызванных избыточной сложностью существующих мировых систем и средств. Существуют ли сегодня механизмы работы, позволяющие предсказывать и оперировать с такими катастрофами, я не знаю и боюсь, что пока их нет. Это – тоже тема, нуждающаяся в специальных условиях.

Представляется, что, кроме решения сегодняшних проблем, необходимо на дискуссионном уровне прописать логику решения проблем завтрашнего дня, дав провести определенную разведку будущего. Я имею в виду разведку тех трудностей, с которыми общество сегодня еще пока не сталкивается, но неизбежно столкнется завтра.

Примечания

¹ ПИР-Центр благодарит члена Экспертно-консультативного совета Центра М.В. Якушева за идею проведения данного мероприятия.

² Речь идет о «катастрофах – уроках для целой эпохи»: «Титаник», «Гинденбург», «Чернобыль»...

Роланд
Тимербаев

Александр
Шилин

О ПРОБЛЕМАХ ПОДГОТОВКИ К ОБЗОРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ДНЯЮ 2005 ГОДА

С 26 апреля по 7 мая 2004 г. в Нью-Йорке проходила третья и заключительная сессия Подготовительного комитета Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. В задачу сессии входили выработка консенсусных рекомендаций для конференции и принятие решений по процедурным вопросам этой конференции. Комитет смог достичь общего согласия только по процедурным вопросам и по срокам проведения конференции – она пройдет со 2 по 28 мая 2005 г. в Нью-Йорке. Согласовано также, что председателем конференции будет посол С. Дуарте (Бразилия). Каких-либо рекомендаций по существу вопроса, т. е. как оценивают государства–участники ДНЯО ход выполнения договора и решений обзорных конференций 1995 и 2000 гг. и что следует предпринять для реализации этих решений, комитет выработать не смог из-за глубоких разногласий между неядерными и ядерными странами и в значительной степени из-за негибкой позиции США.

Если на предыдущих двух сессиях Подготовительного комитета, проходивших в 2002 и 2003 гг., в общие доклады по итогам сессий удавалось включить хотя бы так называемые «фактологические резюме» председателей, в которых содержались некоторые согласованные рекомендации для конференции (о чем читатели *Ядерного Контроля* были в свое время информированы¹), то на сей раз и это оказалось невозможным. Резюме председателя данной сессии посла Индонезии С. Парнохадининграта, которое во многом сходно с предыдущими резюме, выпущено только в качестве отдельного «рабочего документа» от имени самого председателя, и только.

Впрочем, все государства–участники выразили поддержку ДНЯО как краеугольному камню режима нераспространения оружия массового уничтожения. Было очевидно, что делегации всех государств полностью отдают себе отчет в том, что режим ядерного нераспространения переживает серьезные трудности и необходимо в срочном порядке искать пути выхода из создавшейся непростой ситуации. Широко обсуждались новые вызовы и угрозы, с которыми столкнулся режим нераспространения в последние годы.

Практически все участники дискуссии выразили озабоченность в связи с выявленным «черным рынком» ядерных материалов и технологий, основателем которого стал создатель пакистанского ядерного оружия д-р А.К. Хан. Кроме того, в той или иной степени большинство выступавших затронуло проблематику северокорейской и иранской ядерных программ. Иранская тема звучала в выступлениях по-разному – если США и ряд других западных стран подвергали Тегеран жесткой критике, то развивающиеся страны, особенно члены Движения неприсоединения, высказывались в более спокойном тоне.

Американская делегация сделала основной упор на проблематику несоблюдения обязательств по ДНЯО и на реализацию инициатив Дж. Буша в области нераспространения, высказанных им 11 февраля 2004 г., – об ограничении круга стран, владеющих технологиями обогащения урана и химпереработки облученного ядерного топлива, о создании специального комитета Совета управляющих МАГАТЭ по соблюдению гарантий, о недопущении членства в Совете государств, подозреваемых в нарушении обязательств по ДНЯО и о подписании Дополнительного протокола к соглашениям о гарантиях Агентства как условия для дальнейшего развития атомной энергетики.

Однако американские предложения о полном запрете экспорта чувствительных технологий не поддержала ни одна делегация. Эти предложения были расценены как противоречащие ДНЯО и как попытка создать еще один «клуб избранных». Идея же Генерального директора МАГАТЭ М. Эльбаррадея о создании группы экспертов для подготовки предложений по международному контролю над чувствительными объектами ядерного топливного цикла получила достаточно широкую поддержку.

По вопросу создания зон, свободных от ядерного оружия, американцы подтвердили свою позицию по тем договорам, протоколы к которым США подписали (Тлателолко, Раротонга и Пелиндаба), при этом, как обычно, намеренно обходя тему создания зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО) на Ближнем Востоке.

По проблематике разоружения, в частности по статье VI договора, американцы, чтобы ответить критику стран, входящих в «Коалицию за новую повестку дня (КНПД – это Бразилия, Египет, Ирландия, Мексика, Новая Зеландия, ЮАР и Швеция), продемонстрировали меры, принятые США и Россией совместно. Это реализация Договора о СНП и др. Американцы также предпринимали усилия, чтобы отвергнуть неоднократно выдвигавшиеся в их адрес обвинения в срыве процесса разоружения, работах по созданию новых типов ядерного оружия и негативном отношении к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Отрицая факт проведения работ по созданию новых видов ядерных боеприпасов, США напоминали, что такие разработки укладываются в рамки ДНЯО, и подчеркивали, что во времена холодной войны такие работы велись во всех ядерных странах и, по утверждению американской делегации, якобы не вызывали никаких нареканий.

Вашингтон также всячески популяризировал сотрудничество по линии программ Совместного уменьшения угрозы и Глобального партнерства как свой практический вклад в ядерное разоружение.

Тематика несоблюдения обязательств по ДНЯО проходила красной нитью через все выступления американцев (США оперировали понятием «кризис несоблюдения» ДНЯО). «Кризис нераспространения», по мнению Вашингтона, связан в первую очередь с невыполнением участниками Договора своих обязательств по соглашениям о гарантиях с МАГАТЭ. С этой точкой зрения солидаризировались многие страны Запада. При этом были выдвинуты достаточно радикальные инициативы. Например, Австралия, Канада и Австрия предложили решением предстоящей Конференции 2005 г. выработать новый стандарт статьи III ДНЯО – трактовать гарантии не только как соглашения с МАГАТЭ о всеобъемлющих гарантиях, как это имеет место сейчас, но плюс к ним и как Дополнительный протокол к этим соглашениям.

Существующий механизм проверки соблюдения обязательств был назван американцами совершенно недостаточным. Необходимо, как полагает Вашингтон, дополнить режим ДНЯО «эффективными инструментами принуждения».

Выступая в ключе «несоблюдения», американская делегация в основном занималась критикой ядерных амбиций КНДР и Ирана и ставила вопрос о необходимости принятия жестких мер в отношении государств, которые якобы пользуются статьей IV ДНЯО (о неотъемлемом праве участников договора на использование атомной энергии в мирных целях) для реализации своих стремлений заполучить ядерное оружие. При этом вновь в выступлениях США прозвучал термин «страны-изгои». Американцы (это не стало, впрочем, неожиданностью) продолжали утверждать, что Тегеран развивает военную ядерную программу под видом разработки мирных ядерных технологий и по-прежнему «обманывает мировое сообщество». Иран подвергся особенно резкой критике со стороны американцев.

Обвинения, прозвучавшие со стороны США в адрес Тегерана, вызвали весьма резкую ответную реакцию иранцев. Иран в ответ обвинил США в нарушении обязательств по ДНЯО, указывая как на вертикальное, так и на горизонтальное распространение ЯО. Главным источником этого распространения, по их мнению, являются американцы.

Американцы, которых поддерживали делегации Франции и Великобритании и некоторых других стран-членов НАТО, также стремились всячески принизить значение принятых Обзорной конференцией 2000 г. решений по вопросам разоружения – так называемых «13 шагов».

Российскую делегацию на сессии комитета возглавлял посол по особым поручениям А.И. Антонов. Делегация стремилась найти выход из создавшейся ситуации на основе компромисса, с тем чтобы подготовить благоприятную почву для проведения предстоящей в 2005 г. Обзорной конференции. В заявлении делегации России было отмечено, что в последние годы в сфере нераспространения накапливаются неблагоприятные тенденции. Это наглядно проявилось в заявлении Северной Кореи о выходе из ДНЯО, нежелании стран, остающихся вне договора (т.е. Индии, Пакистана и Израиля), присоединиться к нему в качестве неядерных государств, известных случаях несоблюдения договора, появлении негосударственных структур, прежде всего международных террористов, а также в слабости или отсутствии национальных мер экспортного контроля у многих государств. Вызывает озабоченность ситуация с ДВЗЯИ, который является важной мерой нераспространения и ограничения ядерных вооружений. Позитив, который был накоплен в сфере нераспространения за последние десятилетия, по мнению российской делегации, должен быть сохранен и приумножен.

Россия продолжает, заявила на сессии российская делегация, практическими шагами подтверждать приверженность строгому выполнению своих обязательств в области ядерного разоружения в соответствии со статьей VI ДНЯО. К настоящему времени российской стороной ликвидировано 1250 пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок, 2580 МБР, 43 стратегические атомные подводные лодки и 65 тяжелых бомбардировщиков. По состоянию на 1 января 2004 г. российская сторона располагала 1031 единицей развернутых носителей стратегических наступательных вооружений и 4978 единицами боезарядов, числящихся за ними по Договору СНВ. Практически выполнены инициативы по сокращению нестратегических ядерных вооружений (НЯО) за исключением ликвидации ядерных боеприпасов сухопутных войск. Процесс уничтожения ядерных боеголовок для тактических ракет наземного базирования, ядерных артиллерийских снарядов и ядерных инженерных мин осуществляется исходя из технологических возможностей предприятий ядерного оружейного комплекса и реальных объемов финансирования. Было особо отмечено, что все ядерное оружие сосредоточено на территории России, которая ожидает взаимности. Говорилось о необходимости вывода всего ядерного оружия на национальные территории ядерных держав².

Делегацией России было подчеркнuto, что ядерное разоружение, включая сокращение НЯО, невозможно осуществлять в отрыве от других видов вооружений, вне контекста развития политической ситуации в мире и Европе, в частности в отрыве от состояния дел в обеспечении международной стабильности, от эволюции и расширения военно-политических союзов и т.д.

По другим проблемам было далее заявлено, что Россия рассчитывает в скором будущем завершить ратификацию Дополнительного протокола к соглашению о гарантиях с МАГАТЭ. Что касается северокорейской ядерной проблемы, то было высказано убеждение, что ситуация может быть урегулирована только политико-дипломатическими методами. Хотя ситуация вокруг иранской ядерной программы развивается непросто, однако положительная тенденция налицо. Россию беспокоит отсутствие прогресса в создании зоны, свободной от ядерного оружия, на Ближнем Востоке. Российская Федерация по-прежнему считает, что сохранение космического пространства свободным от оружия любого рода является важным залогом поддержания международной стабильности. Размещение же оружия в космосе могло бы стать стимулирующим фактором распространения ядерного и других видов ОМУ.

Страны Движения неприсоединения (ДН), ведомые активно действовавшей делегацией ЮАР, а также делегациями Бразилии и Малайзии, добивались включения в рекомендации для Обзорной конференции положений, отражающих прежде всего то, как идет дело с выполнением статьи VI ДНЯО (о разоружении) и, в частности, как реализуются принятые Обзорной конференцией 2000 г. решения относительно осуществления «13 шагов по разоружению»³. Особый упор неядерные страны делали на необходимость скорейшего вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, которое тормозится главным образом из-за отказа Соединенных Штатов ратифицировать этот договор.

Страны ДН, сосредоточив внимание на проблеме выполнения ядерными державами своих обязательств по статье VI ДНЯО и реализации «13 шагов», подчеркивали, что бессрочное продление Договора не означает бессрочное обладание ядерным оружием. Полная ликви-

дация ЯО рассматривается государствами ДН как единственная абсолютная гарантия его неприменения.

Вина за срыв процесса ядерного разоружения была возложена на ядерные державы. Большинство вопросов нераспространения было в той или иной степени увязано с фактическим отказом ядерных держав сокращать свои арсеналы или снижать зависимость от ЯО в своей военной политике. Хотя страны ДН и приветствовали реализацию Договора о СНП, сам Договор был назван недостаточно эффективной разоруженческой мерой, так как он, якобы, не предполагает необратимости процесса сокращения вооружений, а его осуществление не является транспарентным. Продолжение работ над совершенствованием ЯО и созданием новых его видов, повышение роли ЯО в стратегических доктринах ядерных держав страны ДН считают противоречащими ДНЯО.

Поддерживая универсализацию гарантий МАГАТЭ, страны ДН выступили против любых инициатив, направленных на ограничение международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии. Предложения США об ограничении круга стран – пользователей технологий обогащения урана и химпереработки ОЯТ характеризовались как подрывающие основы Договора.

Страны ДН вновь выразили поддержку созданию на Конференции 2005 г. дополнительных органов по ядерному разоружению, негативным гарантиям и Ближнему Востоку.

Схожую позицию в отношении недискриминационного доступа к получению содействия в области мирного использования атомной энергии заняли государства КНПД, высказавшись категорически против того, чтобы подписание Дополнительного протокола к соглашениям с МАГАТЭ о гарантиях, как это предлагается многими странами Запада во главе с США, было условием поставок ядерных материалов и технологий. Бразилия отметила, что увязывает свое подписание Дополнительного протокола с прогрессом в области ядерного разоружения.

Страны КНПД, выступив с четко скоординированной единой позицией, выдвинули целый набор рекомендаций из 44 пунктов для включения в итоговый документ конференции 2005 г. В общем рекомендации направлены преимущественно на повышение эффективности процесса ядерного разоружения и увеличения транспарентности сокращения ядерных арсеналов. Как и предполагалось, ядерные державы подверглись резкой критике за срыв процесса разоружения. Особенную аллергию «коалиции» вызвала политика ядерных держав в области нестратегического ЯО, от которого они, якобы, не желают отказываться.

Как полагают присутствовавшие на сессии Подготовительного комитета наблюдатели, в том числе представители неправительственных организаций, на заключительном этапе сессии неприсоединившиеся страны и многие другие неядерные государства решили не идти на уступки жесткой линии Соединенных Штатов, которых поддерживали западные ядерные государства, и предпочли изобразить «фигуру ожидания» в расчете на возможности дальнейших консультаций, которые в период до Обзорной конференции будет проводить ее будущий председатель бразильский посол С. Дуарте. Не в последнюю очередь неядерные страны ожидают возможных изменений в общей политической ситуации в мире, в особенности в зависимости от результатов предстоящих президентских выборов в Соединенных Штатах. Насколько правильную и дальновидную тактику избрали неядерные государства, покажет время.

Примечания

¹ Тимербаев Роланд. Конференция 2005 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия. *Ядерный Контроль*. 2002, Т. 8, № 4, июль-август; Тимербаев Роланд. О ходе подготовки к конференции по рассмотрению ДНЯО 2005 года. *Ядерный Контроль*. 2003, Т. 9, № 3, осень.

² Напомним, что США продолжает размещать до 200 единиц ядерного оружия на территориях ряда европейских стран-членов НАТО.

³ Один из этих «шагов», принятых конференцией на основе консенсуса, т.е. с согласия и США, в частности, предусматривал безоговорочное обязательство ядерных держав осуществить «полную ликвидацию» своих ядерных арсеналов.

18 июня 2004 г. Совет управляющих МАГАТЭ принял резолюцию о ситуации с продвинутой ядерной программой Ирана и о применении положений Дополнительного протокола МАГАТЭ в этой стране. Отметив достигнутый прогресс, Совет управляющих обратил внимание на остающиеся вопросы: решение Ирана возобновить работы по конверсии урана, продолжение производства оборудования для центрифуг, несмотря на добровольное решение иранского руководства о прекращении любой деятельности в области переработки и обогащения урана, проволоочки в ратификации Дополнительного протокола и др. «Краеугольным камнем иранского досье остается следующий: когда, наконец, Иран полностью откроет нам свою программу по обогащению? Этот вопрос нам еще предстоит решить. И при его решении мне бы хотелось видеть активное и деятельное участие иранской стороны», – отметил в своем выступлении генеральный директор МАГАТЭ М. Эльбарадей.

Реакция Ирана последовала незамедлительно: 25 июня 2004 г. стало известно, что Тегеран известил МАГАТЭ и «тройку» Евросоюза в лице Великобритании, Франции и Германии о возобновлении производства газовых центрифуг, используемых для обогащения урана.

Напомню, что еще 1 июня 2004 г. М. Эльбарадей, на основе переданных иранской стороной почти тысячестраничных данных, а также проведенных Агентством инспекций и собственных бесед с руководством Ирана, выпустил доклад, который и обсуждался в Вене 14–17 июня 2004 г.

С одной стороны, в декабре прошлого года Иран подписал Дополнительный протокол к соглашению о гарантиях с МАГАТЭ. Он, правда, пока не ратифицировал его, но придерживается его положений. Подписание протокола прошло без каких-либо серьезных затяжек или условий с иранской стороны. Это особенно примечательно, учитывая, что вообще-то подписание этого протокола идет медленно: к настоящему времени к нему присоединились только 83 страны, а такие крупные и амбициозные государства, как Бразилия, продолжают уклоняться от присоединения к протоколу. Однако проволоочки с ратификацией уже вызывают соответствующую негативную реакцию МАГАТЭ – в резолюции Совета управляющих на это обстоятельство обращено внимание.

Далее, Иран заморозил программу по обогащению урана, вызывавшую особенное беспокойство международных инспекторов МАГАТЭ, правда, с задержками, смогло удостоверить в этом. Однако заявление Ирана о возобновлении производства центрифуг для обогащения урана резко осложнило ситуацию. Так, в заявлении заместителя Госсекретаря США Дж. Болтона от 25 июня 2004 г. говорится, что «это решение противоречит обязательству (Ирана. – В.О.) заморозить работы в сфере подозрительной ядерной деятельности».

Однако, несмотря на возникающие трудности, Иран продолжает сотрудничество с МАГАТЭ, и Агентству в основном предоставлена возможность для всеобъемлющего изучения продвинутой ядерной программы Ирана. Хотел бы напомнить, что именно такое требо-

вание содержалось в жестком документе годичной давности, подписанном во французском Эвиане лидерами «восьмерки», включая Россию.

С другой стороны, чем глубже «копают» инспекторы МАГАТЭ, тем больше возникает нестыковок. Часть из них – иногда обтекаемо – названа в июньском докладе М. Эльбарадея.

Прежде всего, Иран предоставил пока что не слишком убедительные разъяснения по поводу факта загрязнения U-235 (замечу – 36%-ного обогащения!) на предприятиях в Калайе и Фарайанде некоторых комплектующих к центрифугам, поставленных ранее в Иран из других стран. Не могу исключить, что речь идет об уране российского происхождения. Как он попал в Иран? Зачем? Могу предположить, что его путь в Иран совсем не обязательно пролегал напрямую из России, а, скорее всего, через другие государства бывшего СССР.

Далее, у МАГАТЭ сохраняется ряд вопросов к Ирану по поводу импорта, производства и масштабов использования центрифужного оборудования. Ответы иранской стороны на некоторые ключевые вопросы инспекторов пока невняты, а замораживание деятельности по обогащению урана не является полноохватным, – признав это, лидеры «восьмерки» на саммите на о. Морской выразили свою «глубокую обеспокоенность».

Еще один любопытный вопрос – о производстве Ираном Po-210. Пока не ясно, зачем иранцам понадобилось экспериментировать с полонием. В мирных целях он может использоваться для развития космических программ, что в данном случае вряд ли правомерно предполагать. А вот в сочетании с бериллием Po-210 используется в военных ядерных программах.

Что еще более серьезно, так это несколько полос препятствий, которые приходится преодолевать МАГАТЭ, а также представителям европейских государств (России, Великобритании, Франции и Германии) в их диалоге с иранской стороной. Нередко случается, когда от дипломатов они слышат одно, а технические специалисты-ядерщики говорят им совсем другое. Или – ничего не говорят. Руководитель Организации по атомной энергии Ирана (он же по должности вице-президент Ирана), судя по всему, подчиняется не столько президенту М. Хатами, сколько духовному лидеру А. Хаменеи. В то время как иранские дипломаты во главе с министром К. Харрази настроены достаточно кооперативно и открыто, руководители иранской ядерной программы «темнят», подчас подставляя своих коллег-дипломатов. Что это – игра перед внешним миром в «хорошего» и «плохого» полицейского, или точнее – в хорошо и плохо осведомленного специалиста? Или же – сохраняющийся серьезный раскол внутри иранского руководства по поводу сотрудничества с МАГАТЭ и – шире – о конечном предназначении иранской ядерной программы? Такой раскол, безусловно, имел место в 1980–1990-е гг., но в последнее время появилась надежда, возможно, иллюзорная, что президент М. Хатами стал лучше контролировать своих ядерщиков и их конечные замыслы.

Как бы то ни было, все это тревожные симптомы.

Не может не тревожить и история российско-иранского ядерного диалога. Иранская сторона за последние годы нередко вводила российскую сторону в заблуждение или, проще говоря, дезинформировала ее относительно масштабов собственной ядерной программы. Хотя с учетом того, что Россия сегодня – единственный партнер Ирана в развитии там атомной энергетики, Москва была бы вправе рассчитывать на куда большую откровенность Тегерана.

Сейчас с подобными проблемами, вероятно, сталкиваются Великобритания, Германия и Франция, предпринявшие осенью прошлого года, параллельно с Россией, немалые усилия по убеждению Ирана в необходимости более активно сотрудничать с МАГАТЭ.

Иран, в свою очередь, считает, что уже прошел достаточную часть пути, чтобы получать не только очередные удары кнута, но и наконец «пряники». Речь, среди прочего, может идти о создании Ираном совместного с этими странами Европы и Россией консорциума по производству обогащенного урана, строительству в Иране новых атомных энергоблоков.

Соединенные Штаты в оценке иранской ситуации занимают на сегодняшний день позицию, значительно отличающуюся от позиции Европы и МАГАТЭ. США убеждены, что в Иране

развернута продвинутая военная ядерная программа и что принято политическое решение, прикрытое сотрудничеством с МАГАТЭ, создать ядерное оружие в короткие сроки. Таким образом, считают в Вашингтоне, говорить с Ираном – не главное; главное – Иран нужно остановить.

Имеющиеся сегодня данные МАГАТЭ, насколько я понимаю, дают пока отрицательный ответ на вопрос, есть ли в Иране серьезная военная ядерная программа. Инспекторы продолжают работать. Учитывая большое количество остающихся вопросов и «замедленную реакцию» иранских властей при ответах на наиболее чувствительные из них, нельзя исключать, что инспекторы в дальнейшем скорректируют свои выводы. Этому мог бы способствовать и более активный обмен информацией между МАГАТЭ и теми государствами, которые, как им кажется, обладают тревожной информацией относительно Ирана. И тут можно согласиться с высокопоставленным представителем администрации США, который заявил в ходе саммита на острове Морской о наличии консенсуса между государствами «восьмерки» по стратегическому подходу в отношении Ирана: Иран с ядерной бомбой ни для кого из них неприемлем. Так что Тегерану не стоило бы заблуждаться о наличии серьезных разногласий между государствами «восьмерки» в подходе к Ирану.

Разногласия остаются. Но они касаются тактических вопросов.

Как строить отношения с Ираном – нашим «давним, стабильным партнером», как назвал его недавно президент В.В. Путин, – серьезный вопрос для России. Не видя пока что оснований для сворачивания строительства первого энергоблока Бушерской АЭС, Россия обуславливает продолжение сотрудничества, во-первых, честным и динамичным диалогом Ирана с МАГАТЭ по всему спектру поставленных вопросов, во-вторых, ратификацией подписанного Ираном Дополнительного протокола и, в-третьих, заключением соглашения между Россией и Ираном о возврате в Россию с Бушерской АЭС отработанного ядерного топлива (ОЯТ). Поэтому важно, что министр иностранных дел Ирана К. Харрази в мае 2004 г. подтвердил: «Отработавшее топливо нужно возвращать в Россию». Наконец, в духе обсуждений лидерами «восьмерки» на о. Морской, Москва приветствовала бы решение Ирана заморозить обогащение урана на постоянной основе, а не на временной. В вопросе об обогащении, впрочем, дипломаты могли бы поискать компромиссы.

Одно из решений «восьмерки» на острове Морском направлено на то, чтобы исключить сотрудничество в вопросах ядерного топливного цикла с государствами, нарушающими свои обязательства в области ядерного нераспространения и гарантий МАГАТЭ. Впрочем, приостановить такое сотрудничество или вовсе отказаться от него могут только правительства самих стран-экспортеров или же Совет Безопасности ООН. Другое решение позволяет не допустить Иран к обсуждению вопроса в МАГАТЭ о его собственном «ядерном досье», если нарушения, допущенные Ираном, будут признаны не просто «техническими».

И все же уже выявленные МАГАТЭ несоответствия и нарушения заставляют сегодня Россию подходить к сотрудничеству с Ираном более щепетильно, чем ранее.

Иранская сторона, публично называя сотрудничество с Россией «образцовым», на деле начинает нервничать. Один из наиболее влиятельных игроков по «ядерным вопросам» в Иране – секретарь высшего совета национальной безопасности Х. Роухани призвал «дружественную Россию к тесному сотрудничеству с Ираном» накануне июньского заседания Совета управляющих МАГАТЭ. Он же указал на «необходимость форсирования» строительства Бушерской АЭС, намекнув, что «этот проект рассматривается в качестве индикатора отношений и даже уровня доверия между двумя странами».

Это, конечно, так. Наверное, при решении выше обозначенных вопросов ничто не мешает России вести переговоры по строительству в Иране второго Бушерского энергоблока, да и АЭС на новых площадках. Но с «уровнем доверия» уже не раз возникали проблемы, и их как раз надо бы адресовать иранской стороне.

Также вряд ли можно согласиться с Х. Роухани, когда он говорит, что у МАГАТЭ «в настоящее время не осталось никаких неопределенностей в отношении деятельности Ирана в ядерной сфере».

Поэтому «иранское досье» закрывать рано. Наоборот, его следует оставить на повестке дня, на одном из самых видных мест. Это понимают и в Вене, и в Москве, и в других европейских столицах. Думаю, что понимают это и в Тегеране.

В то же время, рассматривая в МАГАТЭ иранский вопрос и говоря о необходимости крайней сдержанности в сотрудничестве с Ираном, не следует впадать и в другую крайность.

Сегодня МАГАТЭ обладает всеми возможностями для завершения полномасштабной проверки иранской ядерной программы, а также для дальнейшего мониторинга. Надо помочь в этом МАГАТЭ, но не стоит подталкивать эту организацию на политические заявления, которые не совпадали бы с выводами инспекторов. В совсем недавней истории мы уже имели примеры «сенсационных» повестей об обнаружении программ оружия массового уничтожения... Потом следовала смена режима без санкции международного сообщества... А потом – сеанс разоблачения.

Не видно пока оснований и для передачи «иранского досье» в Совет Безопасности ООН. При этом понятно, что при обнаружении серьезных нарушений Ираном Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) такой поворот не исключен. И в случае выявления серьезных нарушений и прекращения Тегераном сотрудничества с МАГАТЭ Россия вряд ли будет блокировать передачу «досье» в СБ ООН.

России в активном сотрудничестве с Великобританией, Германией и Францией, а возможно, и с некоторыми другими европейскими странами, имеющими традиции диалога с Ираном, следует максимально способствовать повышению эффективности диалога между МАГАТЭ и Ираном.

России следует также расширить число своих «контактеров» в Иране: свою позицию и обеспокоенность важно доносить не только до президента М. Хатами и его министра иностранных дел, но также и до таких традиционно влиятельных лиц, как Х. Рафсанджани, прекрасно осведомленных о ситуации с ядерной программой своей страны и способных искать и находить конструктивные развязки.

В настоящий момент в равной степени были бы опасны как поспешное закрытие «иранского досье», так и непродуманное излишнее давление на Иран, которое может привести к тому, что страна, ныне (пусть и не всегда адекватно) сотрудничающая с МАГАТЭ, в раздражении и под влиянием внутривнутриполитических трений хлопнет дверью, покинет МАГАТЭ и ДНЯО, как это сделала в свое время Северная Корея.

Что последует за этим? Цепная реакция. Ядерный Иран будет означать активизацию интереса к ядерному оружию у Саудовской Аравии (ее связи с Пакистаном еще предстоит проследить и предать гласности), возможно, также Египта и Турции. ДНЯО будет разрушен, регион, да и весь мир – дестабилизированы.

Таким образом, Иран держит в своих руках ключ к режиму ядерного нераспространения. Его лидеры, какими бы серьезными ни были их противоречия в вопросах о ядерном выборе Ирана, это хорошо понимают. Следовательно, у них может появиться соблазн шантажа.

Но пока еще Иран, похоже, не сделал выбора между политикой шантажа и ответственным поведением на международной арене. Нужно убедить его, что именно, и только последнее принесет ему гарантии безопасности в настоящем и политические и экономические дивиденды в будущем. У России есть все возможности проиллюстрировать своим иранским партнерам эти аргументы.

Учитывая, что наиболее существенными факторами, влияющими на развитие современного рынка вооружений, являются все большее усиление конкуренции между производителями вооружений и военной техники и удорожание разработок и производства самих систем военного назначения, мировые спецэкспортеры реагируют на новые вызовы развитием кооперации и специализации при ведении опытно-конструкторских работ и налаживании производства.

Эта тенденция уже давно и хорошо прослеживается в мире. Причем речь идет не только о создании транснациональных корпораций в Европе, но и об объединении в рамках конкретных проектов. К примеру, вполне успешная реализация четырехстороннего проекта «Морской старт» (Sea Launch), в котором принимают участие США, Норвегия, Россия и Украина, говорит о пользе объединения стран для реализации конкурентоспособных проектов. Россия в течение нескольких последних лет сделала и ряд шагов по созданию подобных проектов с государствами как Европы, так и Азии. Классическим примером может служить подписание на международной выставке вооружений «Le Bourget-2003» соглашения между Московским вертолетным заводом им. М.Л. Миля и французской группой SAGEM о совместной модернизации российского вертолета *Ми-24*. Или реализация совместного российско-индийского проекта по созданию новой корабельной ракеты *Брамос*. Украина тоже имеет в активе несколько похожих проектов. Например, «Укроборонсервис» (дочернее предприятие «Укрспецэкспорта») во время работы «Le Bourget-2003» активно рекламировал украинско-израильский проект модернизации учебно-боевого самолета *L-39*. Ныне предприятия украинского ОПК реализуют или принимают участие в ряде проектов, где задействован иностранный капитал.

В то же время наличие на Украине и в России идентичных научно-технических школ, фактически единых подходов к созданию проектной документации и, самое главное, взаимодополняемость оборонных комплектов как некогда единого целого бывшего военно-промышленного монолита позволяет говорить о значительном потенциале военно-технического сотрудничества двух государств. Но несмотря на то, что первые межправительственные соглашения между Украиной и Россией, регламентирующие военно-техническое сотрудничество, были подписаны еще в 1993 г., и на протяжении 1990-х гг., и в начале нынешнего Украина и Россия оставались конкурентами на мировом рынке вооружений¹.

ПАРТНЕРЫ-КОНКУРЕНТЫ

Нельзя сказать, что новая история постсоветских государств не имеет опыта практического взаимодействия по военно-техническим проектам. Более того, анализ взаимодействия спецэкспортеров и предприятий оборонно-промышленных комплексов Украины и России подтверждает, что два государства последовательно выходят на новый уровень развития

кооперации. Ее целью постепенно становятся не только модернизация вооружений армий двух стран и поддержание боеготовности военной инфраструктуры, но и совместное производство нового оружия, а также получение прибылей от его продажи на рынках третьих стран. В течение последнего года заметные колебания начались и в таких чувствительных сферах, как научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Все происходит отнюдь не внезапно. Нередко решения в этой чувствительной сфере продвигались порой даже слишком медленно, но зато они оказались на редкость последовательными.

Украинские специалисты утверждают, что в вооруженных силах (ВС) страны общий объем вооружений, нуждающихся в замене, достигает 50%. Относительно современные образцы, которые по своим характеристикам все же уступают лучшим мировым системам вооружений, составляют лишь 30%. Не менее 70% вооружений требуют капитального ремонта. Значительная проблема украинской армии заключается в том, что разработчики многих основных вооружений и военной техники после распада СССР остались в России.

По мнению главы Госкомиссии оборонно-промышленного комплекса (ОПК) Украины В.П. Горбулина (это ведомство было на Украине в 2000–2002 гг.)², в нынешних условиях наиболее перспективным партнером в ВТС для Украины является Россия³. В.П. Горбулин убежден, что для России разработка новейших вооружений – скорее попытка не потерять современные оборонные технологии и потенциал ВПК. Это и реклама для потенциальных стран-импортеров, нежели производство ВВТ для собственных ВС. Более того, Россия понимает, что Украина как никакая другая страна с технологической и производственной точек зрения подготовлена к взаимовыгодному сотрудничеству, а это – значительная экономия средств. Кроме того, Украина для России – довольно привлекательный рынок вооружений, потребности в которых, учитывая состояние вооружений ВС, из года в год будут возрастать. «Украина ни с какой другой страной, кроме России, не сможет обеспечить в нужные сроки крайне необходимое техническое переоснащение своих ВС. Предприятия ОПК Украины вносят вклад в производство российских вооружений, в том числе тех, что стоят на вооружении ВС Украины. Сегодня более 400 российских предприятий зависят от поставок с Украины; с другой стороны, более 70% предприятий–поставщиков систем и комплектующих для украинских оборонных предприятий находятся в России», – подчеркнул В.П. Горбулин. Он сделал акцент на том, что сотрудничество с Россией не нарушает планы Украины наладить военно-техническое сотрудничество (ВТС) со странами Запада, несмотря на их неизменную сдержанность и настороженное отношение к России, которая может рассматривать расширение ВТС с Западом как попытку сделать рынок вооружений Украины «прозападным».

Еще более серьезным по значению рынком для самой Украины является Россия. Наиболее это заметно в авиастроительной и ракетно-космической областях. Некоторые предприятия до 90% продукции отправляют российским заказчикам. К примеру, 90% оборонного экспорта запорожского ОАО «Преобразователь» идет в Россию⁴. И таких предприятий довольно много. Говоря о перспективах ЕЭП – Единого экономического пространства, председатель парламентского Комитета по вопросам национальной безопасности и обороны Г. Крючков прямо заявил: «[...] для Украины реализация этой идеи была бы очень выгодной, потому что нас в Европе сейчас никто не ждет, а все наши попытки туда пробиваться не имеют успеха»⁵.

Украина и Россия имеют сходные президентско-правительственные системы ВТС. Все основные политические решения в сфере ВТС на Украине принимает Комитет по политике военно-технического сотрудничества и экспортного контроля при президенте Украины⁶, более простые и понятные в политическом отношении схемы заключения контрактов реализуются решениями Госслужбы экспортного контроля Украины. Последняя была создана в 1996 г. на базе существовавшего с 1993 г. Экспертно-технического комитета при Кабинете министров почти одновременно с самим «Укрспецэкспортом». Функции контролирующего органа за деятельностью спецэкспортеров исполняет Служба безопасности Украины. Однако учитывая, что в составе и «Укрспецэкспорта», и Госэкспортконтроля есть сотрудники СБУ, а также весьма жесткую позицию США относительно этого факта⁷, в конце 2002 г. в стране начал создаваться еще один контролирующий орган – в администрации президента. А именно, в составе Главного управления по вопросам судебной рефор-

мы, деятельности военных формирований и правоохранительных органов было решено образовать отдел, который возьмет на себя полномочия по контролю за военно-техническим сотрудничеством и будет осуществлять координацию работы⁸.

Сотрудничество Украины и России после распада СССР условно можно разделить на три периода. Первый длился до 1996 г. и запомнился определенной инертностью, характерной почти для всех областей взаимоотношений. Постепенное угасание сотрудничества было связано преимущественно с объективными причинами: резким снижением гособоронзаказа и попытками заполнить образовавшийся вакуум конверсией военного производства. Лишь в некоторых сферах целесообразность сотрудничества не вызывала сомнений: в области космоса и создания новой авиатехники. Большей частью из-за того, что речь шла о высокотехнологических наукоемких проектах, неподъемных для каждой из сторон в отдельности, или об обеспечении обороноспособности России. Украинские специалисты привлекались и, кстати, продолжают привлекаться для обеспечения функционирования Ракетных войск стратегического назначения.

Непростым во взаимоотношениях двух государств был так называемый «период развода», который длился с конца 1996 г. до весны 2000 г. Безусловно, он имел серьезную политическую подоплеку. Эксперты полагают, что поводом для разобщенности оказался заключенный в Киеве летом 1996 г. внешнеторговой фирмой «Прогресс» крупнейший танковый контракт с Пакистаном на сумму около 640 млн долл. Участие России в контракте стало явной угрозой российско-индийской военно-технической дружбе. Поэтому неудивительно, что уже 22 марта 1997 г. заместитель гендиректора «Росвооружения» О.Н. Сидоренко заявил, что российская госкомпания «не принимала и не будет принимать участия в реализации украинско-пакистанского контракта. Ни одна пушка, ни одна система управления огнем, ни одна аккумуляторная батарея официально не могут быть вывезены из России на Украину». Скорее всего, по-другому российские официальные лица и не могли поступить, поскольку должны были продемонстрировать позицию, выгодную Индии, которая конфликтовала с Пакистаном. Возможно, поэтому О.Н. Сидоренко заметил в том же интервью, что «существует целый набор известных и неизвестных путей, которыми могут воспользоваться»⁹. То есть предприимчивые бизнесмены не исключали тайного сотрудничества, выгодного для обеих стран. Однако, как показали последующие события, контракт вызвал такой серьезный политический резонанс, что сотрудничество Украины и России оказалось невозможным.

Как отмечали в 1997–1998 гг. украинские официальные представители оружейного бизнеса, только в рамках пакистанского контракта Россия волевым решением лишила свои оборонные предприятия прибыли в 150 млн долл. Но это далеко не все потери сотрудничества. Объемы общей военно-технической кооперации Украины и России продолжали падать и на других направлениях. Через некоторое время после отказа поставлять комплектующие для танков российской оборонно-промышленные генералы объявили, что новый российский вертолет *Ka-60* не нуждается в двигателях завода «Мотор-Сич», как предыдущие модификации фирмы Камова. А еще позже – о том, что для создания новейшего комплекса ПВО *C-400* нет необходимости задействовать Государственную акционерную холдинговую компанию (ГАХК) «Днепропетровский машиностроительный завод» (принимавший участие в создании и производстве *C-300*). Баллистическую ракету *Тополь-М* Россия тоже создала без Украины, фактически обойдясь без услуг Государственного конструкторского бюро (ГКБ) «Южное». Подобных примеров было достаточно.

ПРОЕКТ АН-70. ИСПЫТАНИЕ УКРАИНСКО-РОССИЙСКОЙ ДРУЖБЫ

Первоначально проект *Ан-70* представлялся главным символом украинско-российской дружбы. Объективно таким символом он и был в течение довольно длительного периода времени. Проект, укрепленный политической поддержкой на самом высоком уровне, превратился в визитную карточку постсоветского авиастроения.

Оперативно-тактический военно-транспортный самолет короткого взлета и посадки в свое время создавался для модернизации ВВС СССР и должен был прийти на замену за-

канчивавшему свой жизненный цикл *Ан-12*. Он предназначался для более эффективного решения задач, которые сегодня возложены на самолеты *Ил-76*. Многие западные эксперты довольно высоко оценивали потенциал проекта *Ан-70*. Тем более, что на его базе с минимальными затратами можно было создавать различные модификации гражданских самолетов. Эксперты НАТО признали, что при небольших доработках воздушная машина вполне удовлетворит требования стран альянса и может использоваться для замены парка военно-транспортных самолетов. Хотя *Ан-70* недостаточно вместителен, чтобы транспортировать боевые танки (но и модернизированный американский *C-130J* фирмы «Lockheed» не в состоянии выполнить это требование), военные кампании последних лет значительно ослабили роль танков, а ряд государств в качестве перспективных ориентиров выбрал легкую бронетехнику. Еще в 1993 г. Германия, Франция, Италия и Испания договорились о совместных профильных требованиях к новому транспортному самолету, объединенных под общим названием European Staff Requirement (ESR) для перспективного военно-транспортного самолета Future Large Aircraft (FLA). Позже к этим требованиям примкнули военно-воздушные силы Бельгии, Великобритании и Турции. Объединение взглядов стран НАТО в отношении нового самолета стало предпосылкой для начала обширного переговорного процесса между Украиной и Россией, с одной стороны, и государствами альянса, с другой.

Реально *Ан-70* стал объединяющей силой для Украины и России, а его успех на западном рынке мог бы дать не только значительные прибыли авиастроителям, но и ознаменовать лидерство советских технологий в мире. Кроме киевского конструкторского бюро АНТК и серийного двигателестроительного завода ОАО «Мотор-Сич», в создании и производстве самолета принимали участие 203 предприятия: 136 российских, 56 украинских и 11 узбекских, а также из других стран СНГ. В целях сокращения сроков запуска самолета в производство 6 февраля 1996 г. был подписан учредительный договор о создании международного консорциума «Средний транспортный самолет» (СТС), в который первоначально вошли 12 предприятий России и Украины с различной организационно-правовой формой собственности. Тем не менее, государственная доля в общем объеме финансирования из года в год сокращалась и никогда не превышала 8–10% от необходимого. Особенно проблематичными оказались поступления из России. К 1998 г. общий долг России перед проектом составлял уже 265 млн рублей. Впрочем, на Украине ситуация мало чем отличалась: на программу создания *Ан-70* в 1998 г. Государственный инновационный фонд не выплатил киевскому авиационному заводу «Авиант» 4 млн гривен, а Минобороны в 1998 г. вообще не осуществляло финансирования проекта.

В результате вся тяжесть финансирования проекта легла на генерального разработчика – Авиационный научно-технический комплекс (АНТК) им. О.К. Антонова и поставщика двигателей для воздушной машины – ОАО «Мотор-Сич». Дело доходило до совсем не смешных курьезов. Например, из-за отсутствия финансирования со стороны российского правительства винты опытного самолета после оценки технического состояния и продления ресурса находились с июля по ноябрь 1998 г. на НПО «Аэросила», пока АНТК сам не перечислил необходимые средства «Аэросиле» и смог продолжить плановые испытания самолета. Объем собственных средств, затраченных АНТК на программу *Ан-70*, достиг 100 млн долларов.

Ан-70 мог бы стать украинско-российским проектом века, если бы сумел завладеть европейским рынком. Но его провал в Европе нанес удар и по идее украинско-российской авиационной дружбы, оказавшейся без экономической рыночной основы...

Еще одной попыткой восстановить теряющийся потенциал *Ан-70* был проект поставок нескольких военно-транспортных машин Чехии – в счет погашения внешнего долга России¹⁰. Первоначально Прага намеревалась приобрести три *Ан-70*, однако с началом периода неопределенности во взаимоотношениях Киева и Москвы в этом проекте интересы чешской столицы свелись к закупкам двух воздушных машин этого типа, а также семи вертолетов *Ми-24* и запасных частей для военной техники на сумму 400 млн. долл.¹¹ Наконец в 2003 г. Чехия направила правительству России документ с просьбой разъяснить позицию российской стороны относительно участия в программе *Ан-70*¹².

Впрочем, 3 февраля 2004 г. заместитель главы чешского оборонного ведомства Я. Коприва подтвердил, что военное ведомство Чешской Республики ведет переговоры с Россией о поставке нескольких десятков ударных и военно-транспортных самолетов в счет погашения российского долга¹³. Однако в настроениях военного руководства Чехии зазвучала альтернативная тема: получение не самолета *Ан-70*, а военно-транспортного *Ил-76МФ* – машины российского происхождения. Дело в том, что образовавшаяся в связи с противостоянием Киева и Москвы в проекте *Ан-70* неопределенность тут же была заполнена: в конце сентября 2003 г. в Чехии на аэродроме г. Пардубице для высокопоставленных представителей Министерства обороны Чешской Республики была проведена презентация российского военно-транспортного самолета *Ил-76МФ*¹⁴. Учитывая, что авиатехника включена в список товаров, которыми Москва намерена погасить свой долг Праге, российская сторона довольно активно пыталась заинтересовать чешских военных машинами этого типа. Учитывая сложившуюся ситуацию, вряд ли стоит ожидать поставок *Ан-70* Чехии, что, безусловно, станет негативным моментом на реализации потенциала ВТС двух государств.

МИЛЛЕНИУМ. НАЧАЛО БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН

Тем не менее в течение 1999–2000 гг. произошли значительные изменения в отношениях Украины и России в экономической сфере. Заметными стали перемены и в военном сотрудничестве. Активная эксплуатация Россией военного фактора для реставрации украинско-российских двусторонних отношений и усиления своего политического влияния была заметна уже с первого визита в апреле 2000 г. Новый российский президент, появившись в Киеве вместе с военным министром, дал понять, что для достижения этой стратегической цели российские политики готовы пойти на определенные компромиссы. Например, возобновить нормальное военно-техническое сотрудничество, регламентировать работу на мировом рынке вооружений, где две страны стали едва ли не основными соперниками, и, наконец, помочь Украине привести в порядок свои Военно-воздушные силы и Войска противовоздушной обороны. Если к этому прибавить нормализацию «газовых отношений», то получается немало.

В ходе каждой последующей встречи президентов Л.Д. Кучмы и В.В. Путина достигались новые и новые, порой значительные договоренности. Среди них расширение сотрудничества в военной и военно-технической сферах сразу стало весьма ощутимой частью всего переговорного процесса. Россия довольно неожиданно высказалась за единую в СНГ программу вооружений. «Россия и Украина объединены в вопросах производства вооружений, поэтому сейчас есть перспективы для создания совместных образцов боевой авиации, средств ПВО и других вооружений», – заявил главком ВВС России генерал А.М. Корнуков. Причем, по его словам, «военные двух стран этот вопрос обсуждали, а теперь дело за политиками»¹⁵.

Киев давно «бьется» и над модернизацией зенитного ракетного комплекса *С-300*, состоящего на вооружении войск ПВО страны. Украина владеет различными версиями «трехсотки», как *С-300ПС*, так и *С-300В*. Украинская сторона хочет увеличить дальность обнаружения и уничтожения из *С-300* вражеских самолетов, крылатых ракет и даже боеголовок баллистических ракет. Особое внимание Украины к этому зенитно-ракетному комплексу (ЗРК) эксперты объясняли и тем, что рынок систем противовоздушной обороны считается наиболее перспективным сегментом оружейного бизнеса. Только две страны предлагают подобное оружие на экспорт. Это американский комплекс *Пэтриот* производства «Рейтеон Электроник Системз» и ЗРК *С-300*, традиционно изготавливаемые в кооперации Россией, Украиной и Белоруссией. Минск поставлял мощные автомобильные шасси под комплекс, Украина (ПО «Искра», концерн «Лорта», Новокраматорский механический завод (НКМЗ)) отвечала за радиолокационные станции, вычислители и антенные вышки. Остальное делала Россия, которая и выступает нынче единоличным продавцом этого оружия на мировом рынке, где *С-300* конкурирует с тем же *Пэтриот*. После того как С. Хусейн испугал мир своими ракетами *SCUD*, США заключили контракты на 3 млрд долл. на продажу *Пэтриот*.

Но от первоначальных оптимистических планов наладить производство ракетного вооружения типа *С-300* собственными силами Киеву пришлось отказаться. Теперь украинский ОПК делает ставку на модернизацию и улучшение тех составляющих и параметров комплекса, где позиции национальных оборонных предприятий действительно сильны. На Украине осуществлялись работы, которые позволят продлить ресурс ракеты для ЗРК *С-300* до 8 лет. Стоимость проведения работ по модернизации одной ракеты, по информации украинских военных, составит около 300 тыс. грн. Это в том случае, если работы выполняются отечественными предприятиями. Центральный вычислительный комплекс для *С-300* производился во Львове. Разработками в области автоматизированной системы управления занимались в Ивано-Франковске. Главная ставка в производстве радиолокационного оборудования делалась на казенный электромашиностроительный завод «Искра».

Однако в случае успеха украинские подходы к модернизации этого вооружения применимы лишь для «домашнего» потребления. Во-первых, внешний рынок для приложения украинских услуг невелик. Это вооружение поставлялось в Китай и на Кипр, если не считать «ознакомительной» попытки США в 1994 г. приобрести через Белоруссию образец ЗРК *С-300*. С другой стороны, применение украинских нововведений не может быть реализовано инозаказчиком без согласования с базовым разработчиком – Россией. Так что и тут Украина обречена на тандем с Россией.

КОРРЕКЦИЯ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В начале 2000 г. украинские торговцы оружием в паре с российскими коллегами вышли на рынок государства НАТО – Греции, подписав контракт на поставку двух малых десантных кораблей типа *Зубр* на сумму почти 100 млн долл. К середине 2000 г. на Украине была почти завершена сборка танка нового поколения *МБТ-2000* по заказу Пакистана. Как сообщал заместитель гендиректора «Укрспецэкспорта» А.В. Коваленко, сборка машины осуществляется согласно украинско-китайско-пакистанскому проекту создания нового пакистанского танка *Аль-Халид*, причем «предварительно танк уже был оценен заказчиком – Пакистан вполне удовлетворен ходом разработки»¹⁶.

Важным фактором нового времени стало то, что Азия год от года начала шире раскрывать свои рынки для Украины, и в том числе для ее специфической продукции. Азиатский регион достиг значительных темпов в своем развитии, и можно говорить о достаточно высоком уровне платежеспособности не только «азиатских тигров», но и целого ряда других держав. Уже к 2000–2001 гг. стало ясно, что финансовый кризис 1998 г. для Азии стал историей. В начале нового столетия было зафиксировано развитие отношений в военно-технической области с такими странами региона, как Вьетнам, Малайзия, Мьянма, Индонезия, Филиппины, Сингапур и даже Лаос. Среди четырех наиболее перспективных украинских партнеров в области ВТС в 2001 г. были названы Вьетнам и Индонезия. А некоторые страны Азиатского региона сделали дополнительные заказы сверх того, что ими ранее планировалось. О многом говорит и вояж сразу в пять государств региона руководителя «Укрспецэкспорта» В.И. Малева в конце лета 2001 г.

Украина вполне готова к осуществлению полноценной лицензионной торговли чувствительными товарами и удовлетворению спроса восточных партнеров. Наконец, сложности отношений с Европой в таких высокотехнологичных областях, как авиастроение и космическая индустрия, где Киев и поныне рассматривается скорее как лишний конкурент, чем как добрый партнер, стали неким отрезвлением для тех, кто питал надежды.

Эксперты не исключают, что решение В.В. Путина взять российский оружейный бизнес под свою личную опеку связано не только с желанием главы державы быть поближе к «живым» денежным потокам, но и с некоторыми просчетами лидеров демомонополизированной системы оружейной торговли. Резкое изменение системы военно-технического сотрудничества и появление на месте двух ликвидированных компаний и одной переименованной единой структуры – ФГУП «Рособоронэкспорт» среди прочего отсекает от оружейного бизнеса и всех лиц, за которыми тянется шлейф сомнительных связей.

В конце лета 2001 г. председатель Комитета РФ по военно-техническому сотрудничеству с иностранными государствами (КВТС), заместитель министра обороны М.А. Дмитриев среди первоочередных задач в сфере военно-технического сотрудничества России назвал расширение географии сотрудничества¹⁷. В числе приоритетных для России государств были названы Китай, Индия, Греция, Алжир, Малайзия, Вьетнам и Южная Корея.

Любопытно, что рынки военной продукции и спецслужб Греции, Алжира, Малайзии и Вьетнама являлись ключевыми и для Украины. Работа по завершению крупного контракта на поставку десантных кораблей *Зубр* в Грецию, возможность поставок легких катеров, бронетранспортеров, модернизации бронетехники и средств противовоздушной обороны, а также продолжения сотрудничества по новым поставкам *Зубров* всегда входила в планы украинских спецэкспортеров. Алжир также рассматривался как традиционный импортер украинской продукции и услуг спецназначения. С 1997 по 1999 г. он закупал на Украине танки *T-72*, боевые машины *БМП-2*, боевые вертолеты *Ми-24*, военно-транспортные самолеты-заправщики *Ил-78*.

Вьетнам в 1999–2000 гг. был одним из наиболее важных партнеров в области ВТС в Азиатском регионе: Украина поставляла этой стране ракеты для истребителей, а еще раньше выполнила несколько контрактов в области военно-морских вооружений и помогла организовать линию по производству порохов. Хотя Малайзия раньше больше покупала у России, внимание официального Куала-Лумпура к украинской технике резко возросло после того, как киевские дипломаты провели ряд мероприятий по подготовке переговоров между политическими лидерами. В частности, после визита в Киев малайзийского премьер-министра М. Махатхира переговоры о возможных поставках транспортных самолетов, систем обнаружения и другой номенклатуры вооружений приобрели практический характер. Существенная деталь – ВТС развивается со странами, играющими ключевую политическую субрегиональную роль: Греция – в Юго-Восточной Европе, Алжир – в Северной Африке, Вьетнам – в Южной Азии и Малайзия – в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ?

Если не обращать внимания на демонстративные вояжи В.В. Путина в первый год его правления, то поворотом к возврату Украины в сферу оборонных интересов России стала днепропетровская встреча президентов в начале 2001 г. Правда, перед ней был несколько неожиданный для Вашингтона пророссийский ход Киева. Он произошел во время голосования в ООН, когда выбор в споре двух стратегических партнеров оказался на стороне Москвы. Речь о том, что позиция Киева по вопросу Договора ПРО (1972 г.) из нейтральной вдруг оказалась четко пророссийской: если Украина долгое время воздерживалась от выражения своей позиции, то в ноябре 2000 г. в ООН проголосовала против пересмотра этого документа.

Российская столица стала в ноябре 2000 г. той рубашкой, что ближе к телу. И буквально перед приездом В.В. Путина в Днепропетровск – еще один ход навстречу в чувствительной сфере: решение использовать две украинские станции предупреждения о ракетном нападении (СПРН) в интересах России. Когда же после Днепропетровска расширение сотрудничества даже в таком направлении, как ракетно-космическая сфера, стало реальностью, Москву перестала беспокоить даже украинская евроатлантическая интеграция. К этому можно добавить, что в конце 2001 г. гендиректор «Укрспецэкспорта» В.И. Малев и руководитель «Рособоронэкспорта» А.Ю. Бельянинов подписали договор, регламентирующий отношения двух главных государственных посредников в торговле оружием на рынках третьих стран. Хотя для обеих сторон он оказался лишь еще одной политической предпосылкой к объединению усилий, формы взаимодействия и поддержки медленно становились реальностью. В ноябре 2002 г. в отношениях двух госпосредников появилась конкретика: возникающие проблемы начали довольно быстро решать через совместную консультативную группу. Процесс сближения развивался, и в сентябре 2002 г., когда участие на украинской авиавыставке «АВИАСВИТ-XXI» России в целом и «Рособоронэкспорта», в частности, мало уступало украинскому. В то время, когда многие приглашенные страны осуществляли свое участие в международном салоне лишь через военных атташе, Москва яс-

но дала понять, каков масштаб ее дружбы и поддержки. И кстати, именно тогда стала понятна выгода от того, что кресло генерального директора госкомпании «Укрспецэкспорт» после неожиданной гибели В.И. Малева занял именно В.Н. Шмаров, более чем тепло воспринимавшийся российскими оборонно-промышленными кругами.

Впрочем, тенденция к сближению славянских партнеров углублялась пропорционально охлаждению западного интереса к Украине. Если считать пиком западного интереса к украинскому вопросу оглашение решения отказаться от своего ядерного арсенала, то именно в конце 2002 г. кривая отношений прошла самую нижнюю за эти годы точку. Второй объективной предпосылкой стал такой уровень старения вооружений и военной техники украинской армии, что им серьезно озаботился не только украинский президент, но и ряд международных общественных организаций. Учитывая, что на закупку новых систем в Украине традиционно нет денег, наиболее приемлемым оказался путь решения проблем за счет развития дружбы с Россией.

2003 г. стал наиболее успешным для сторонников украинско-российской военно-технической дружбы. В феврале состоялись довольно содержательные двухдневные переговоры в здании «Укрспецэкспорта». «Необходимость такой встречи назрела давно: вопросы поддержания в боеспособном состоянии вооружений и военной техники как в России, так и в Украине становятся все более проблемными. Не говоря уже о возможностях развития и создания оружия нового поколения. В силу ряда объективных обстоятельств, прежде всего экономических, Вооруженные силы Украины не смогли овладеть теми новыми разработками, которые уже существуют. Пожалуй, совещания такого формата и такого уровня за 11 лет еще не было», – так отозвался об этой встрече В.Н. Шмаров¹⁸.

Россия выразила готовность предоставить Украине право на модернизацию истребителей и боевых вертолетов, разработчики которых находятся на ее территории. Правда, для этого необходимо приобрести лицензию через соответствующие организации. Но, со своей стороны, Россия тоже готова покупать на Украине подобные лицензии. Немаловажным для Украины может стать возможность использования упрощенного механизма получения комплектующих для оружия путем участия в военно-технической программе СНГ. Еще в ноябре 2003 г. Совет глав государств Содружества принял программу военно-технического сотрудничества, которая предусматривает взаимные поставки вооружений и военной техники по внутренним ценам. Это важно для Украины, которая из-за завышенных цен в течение трех лет не могла приобрести комплектующие для своих ЗРК в России, несмотря на то, что модернизированное оружие нельзя будет использовать для реэкспорта. Со временем, как считают эксперты, можно получить взаимную выгоду и в случае появления неожиданного заказчика. Программа также обеспечивает более тесные кооперационные связи и взаимные НИОКР, по которым даже прописана номенклатура вооружений. Небезынтересно, что президенты Украины и Грузии поставили под программой свои подписи. Теперь этот документ будет доработан, и там появится украинский раздел.

На переговорах в Киеве наиболее перспективными были определены совместные проекты по производству оптических приборов, систем прицеливания ракетных комплексов, а также работы по модернизации боевых самолетов *МиГ-29*, *Су-24*, *Су-27*, вертолетов *Ми-24*, зенитно-ракетных комплексов *С-300* и *Бук*, *Тор* и *Тунгуска*. Это как раз спектр тем, являющихся болезненно актуальными для Украины. Но самым главным шагом, как считают эксперты, должна стать реализация совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. У Украины возникает интерес: совместные НИОКР – это уже не просто зависимость, это взаимозависимость сторон. «Украина и Россия заинтересованы друг в друге примерно на 80%: это прямые кооперационные связи, серийное производство и частично – разработки. Нынешнее совещание является одной из форм взаимодействия промышленности двух государств, чтобы снять существующие узкие места», – сказал глава российской делегации А.М. Московский.

Согласно А.М. Московскому, с 1996 г. по инициативе Военно-технического комитета СНГ разрабатывалась программа военно-технического сотрудничества министерств обороны государств Содружества. И хотя Украина в этих мероприятиях участия не при-

нимала, в 2002 г. главы держав СНГ рассмотрели данную программу и украинский президент также подписал решение глав государств, политически присоединяясь к тому документу. «При таких условиях программа военно-технического сотрудничества в рамках СНГ будет доработана, – убежден заместитель министра обороны России генерал армии А.М. Московский, – и там появится украинский раздел. Если это произойдет, а я думаю, что это произойдет, то тогда, благодаря данной программе, у нас появится упрощенный механизм сотрудничества с Украиной в этой сфере».

Программа, среди прочего, предусматривает поставки российского вооружения в страны СНГ по внутренним ценам производителя. Правда, лишь исключительно в интересах вооруженных сил страны-потребителя, без права на реэкспорт. Стоит ли пояснять, что такие поставки, как подарок троянского коня. Они обеспечивают для покупателей безальтернативность и долгосрочность военно-технического сотрудничества именно с Россией. Кроме того, программа направлена на дальнейшее укрепление кооперационных связей и проведение общих научно-исследовательских работ для разработки новых вооружений. И, наконец, главное: программа разработана конкретно для участников Организации договора о коллективной безопасности СНГ (ОДКБ).

До сих пор Украина всегда обходила стороной все инициативы в рамках ДКБ. На что Москва, вне публичных деклараций, отвечала Киеву «взаимностью». Оно и понятно: в отличие от других держав СНГ именно Украина всегда оставалась заметным конкурентом России в довольно емком сегменте рынка. А от конкурентов принято избавляться. Можно вспомнить, что, когда украинская сторона решила самостоятельно заниматься производством танков, российская сторона выставила счет в 100 млн долл. за «несанкционированное» использование ноу-хау по встроенным системам динамической защиты для бронетехники. После спора с привлечением международного арбитража Украина за 11 млн долл. отстояла право на технологию производства встроенной динамической защиты, и это право теперь защищено международным патентом. В свою очередь, украинским кораблям не дает покоя то, что, например, НПК газотурбиностроения «Зоря-Машпроект», который производит турбины для десантных кораблей и для газоперекачки, не без помощи бывшего основного заказчика – российского Газпрома практически лишился заказов. Тогда как на «Рыбинских моторах» россияне пытаются по николаевской документации самостоятельно наладить производство корабельных газовых турбин и редукторов. Причем на работу туда переманили ведущих украинских специалистов-разработчиков турбин.

Известно, что тех, от кого нельзя избавиться, нужно жестко контролировать или перекупать. Предприятия, интересующие россиян, можно разделить на те, которые уже встроены в новые технологические цепочки российских бизнес-структур, и те, аналогов которым в РФ просто нет. Последних не так уж и много. Среди них ведущий производитель авиадвигателей «Мотор-Сич», Днепропетровский агрегатный завод, АНТК им. О.К. Антонова, Киевский и Харьковский авиазаводы, казенное производство на объединении «Арсенал» и ГАХК «Артем». Все они в основном специализируются на ракетно- и авиационном производстве, за исключением «арсенальцев» и «артемовцев», которые вовлечены в производство ракет класса «воздух-воздух» для военной авиации и другого высокоточного оружия. Но при этом Россия не хочет привлекать последних к участию в модернизации управляемых авиационных ракет «воздух-воздух» для новых самолетов «МиГ» и «Су».

Насколько российская сторона привержена стратегии расширения контроля над предприятиями украинского ОПК, которые представляют стратегическую важность для ее интересов, можно будет проследить на примере «Южмаша» – известного в мире украинского производителя ракетно-космической техники. ПО «Южный машиностроительный завод» с целью финансирования развития космической отрасли Украины планирует осуществить эмиссию собственных корпоративных облигаций на 50 млн грн. Можно ожидать выкупа части акций именно российскими структурами: напрямую или через подставные фирмы. Так, в свое время банки, основанные на Украине российским капиталом, пытались выкупить контрольный пакет акций «Укрспецтехники» – одного из негосударственных и довольно успешных холдингов, – занимающейся разработкой и опыт-

ным производством радиолокационных систем и далеко продвинувшейся в разработках цифровой антенной решетки (новое и перспективное направление в радиолокации).

УКРАИНСКИЕ СТАВКИ НА РОССИЮ СУЩЕСТВЕННО ВОЗРАСТАЮТ

К концу 2003 г. в оборонно-промышленной политике значительно углубилась тенденция ориентации на Россию в целом и на реинтеграцию, в частности. А по некоторым направлениям, таким, как модернизация боевой авиационной техники и систем противовоздушной обороны, а также создание ряда новых комплексов вооружений, она стала необратимой. Эксперты отмечают: не менее четверти объемов оружейного экспорта в 2003 г. было реализовано именно в Россию. Кроме того, и Концепция ВТС Украины с иностранными государствами на период до 2010 г. предусматривает, что наибольшая часть экспорта товаров военного назначения приходится на страны СНГ и, главным образом, на Российскую Федерацию.

Очевидно, капитал ни одного другого государства не проявляет такого интереса к приватизации заводов украинского ОПК, как капитал России. Именно ее финансовые структуры в 2003 г. стали обладателями некогда непродаваемого харьковского «Хартрона». В свое время Фонд госимущества Украины продал «Центру финансового посредничества» 24,56-процентный пакет акций ОАО «Хартрон» за 5247,763 тыс. грн.¹⁹ При этом посредник не скрывал, что акции предназначаются для московских компаний ЗАО «Ассоциация содействия конверсионной деятельности» (АСКОНД) и ЗАО НПП «Конверс-электроприбор».

Эксперты прогнозируют, что ряд предприятий, который в 2003–2004 гг. ставит своей задачей корпоратизацию и перевод в статус государственных акционерных компаний, т.е. создание корпораций со стопроцентным государственным пакетом акций с последующим акционированием и приватизацией отдельных их структур, постарается сбыть пакеты акций именно российскому бизнесу. В частности, по мнению директора московского Центра анализа стратегий и технологий Р.Н. Пухова, российские финансовые структуры будут тщательно примеряться к таким оборонным предприятиям, как ОАО «Феодосийская судостроительная компания «Море»», ГАХК «Артем», Казенный электромашиностроительный завод «Искра», ГАХК «Топаз» и некоторые другие²⁰.

Там, где приобретение предприятий затруднено и нецелесообразно, российские партнеры либо создают совместные предприятия, либо развивают прямую производственную кооперацию в рамках двусторонних соглашений. К таким соглашениям можно отнести подписание холдинговой компанией «Укрспецтехника» в начале декабря 2003 г. соглашения с ОАО «Научно-исследовательский институт приборостроения им. В.В. Тихомирова» о сотрудничестве и взаимодействии при проведении работ по модернизации бортовых радиолокационных станций (РЛС) на истребителях, а также радиолокационного оборудования для ЗРК *Куб* и *Бук* сроком на шесть лет. При этом «Укрспецтехника» получила эксклюзивное право представлять интересы НИИП им. В.В. Тихомирова на украинском рынке. Подобным образом организовано довольно большое количество совместных предприятий. Среди них есть не только производители, но и разработчики и даже экспортеры техники двойного назначения. К примеру, в созданном на базе НИИ «Орион» СП ЗАО «Фазотрон-Украина» проводились разработки многочастотных генераторов-синтезаторов бортовой аппаратуры самолетов, СП «Паралакс» с 1999 г. активно продвигает на рынок различные системы пожаротушения, многоцелевые вертолеты и прочую технику.

Действительно, попытки создания транснациональных структур имели место еще в середине 1990-х гг. Но реально действовали немногие из созданных предприятий, фактически только те, которые могли предложить на рынок уникальные и конкурентоспособные проекты. Как, например, СП ЗАО «Космотрас», создавшее путем конверсии МБР *SS-18* коммерческий ракетоноситель *Днепр* – дешевый, надежный и конкурентоспособный. Весьма показательным примером является работа украинско-российского консорциума «Средний транспортный самолет», который продвигает на рынок самолет *Ан-70*. Наличие конкурентных проектов внутри России поставило под сомнение возможность

успешной реализации этого проекта в рамках СП и силами участников только лишь этого предприятия. Ныне данная тенденция углубляется. К примеру, в 2003 г. украинский спецэкспортер «Укроборонсервис» вошел в Межгосударственную группу «Оборонительные системы» с тем, чтобы организовать участие украинских предприятий в модернизации имеющихся и создании новых зенитно-ракетных систем.

Всего в кооперационных поставках задействовано около сотни предприятий, а среди наиболее емких и знаковых сделок в 2003 г. выделяются такие, как поставки ГП «Научно-производственный комплекс газотурбиностроения «Зоря-Машпроект» силовых установок для строящегося в России десантного корабля на воздушной подушке типа *Зубр* для ВМС Греции, поставки запорожского машиностроительного конструкторского бюро (ЗМКБ) «Прогресс» 4 двигателей *АИ-222-25* для новых российских учебно-боевых самолетов *Як-130*, изготовление Новокраматорским машиностроительным заводом 12 мобильных антенных постов для ЗРК *С-300П*, выполнение криворожским ОАО «Инжинирингово-производственное предприятие «Энергия» контракта по поставке газотурбинных генераторов для строящихся в России десантных катеров проекта *12061 Мурена*.

В 2003 г. Украина и Россия начали довольно активно работать над фактически первым совместным проектом модернизации зенитно-ракетных комплексов *С-125*, предназначенных для реализации в третьи страны. На Украине есть определенное количество ЗРК *С-125*, они уже сняты с вооружения и не используются украинской армией. Однако вместо их ликвидации возможна совместная с российскими партнерами разработка проекта глубокой модернизации этого комплекса до уровня *Печора-2М*. Учитывая, что такие ЗРК находятся на вооружении ряда государств, коммерческий эффект такой модернизации может быть внушительным. Правда, пока не решен деликатный вопрос о том, кто будет выступать контактором в потенциальных сделках на рынке третьих стран и каким образом произойдет распределение средств между специальными экспортерами после реализации ЗРК²¹.

Наконец, к концу года партнеры-конкуренты фактически договорились о проведении совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. А именно, о совместном создании оптико-локационной системы для истребителя *МиГ-29*²². Если проект реализовать, это будет одна из первых совместных опытно-конструкторских работ в сфере модернизации узлов боевой авиатехники, тем более выполненной под эгидой главных специальных экспортеров двух государств – госкомпании «Укрспецэкспорт» и Федерального государственного унитарного предприятия (ФГУП) «Рособоронэкспорт».

К одному из наиболее примечательных политических ходов можно отнести высказывание президента России В.В. Путина в пользу создания единых оборонных комплексов на пространстве СНГ. «Создание такой интегрированной инфраструктуры позволит нам оптимизировать финансовые и материальные расходы на оборону», – подчеркнул он, выступая 10 декабря 2003 г. в Москве на встрече с министрами обороны стран СНГ. Эту мысль развил министр обороны России С.Б. Иванов, заметив, что «надо полнее использовать существующие механизмы сотрудничества как на многосторонней, так и на двусторонней основе, что позволит сохранить единое оборонное пространство».

НОВАЯ АВИАЦИОННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Тема создания транснациональных структур нашла продолжение и в начале 2004 г. Так, согласно сообщению депутата Госдумы РФ А.Е. Лебедева, российская компания «Ильюшин Финанс Ко» приступила к подготовке инвестиционного предложения для украинского правительства по объединению в единую корпорацию киевского АНТК им. О.К. Антонова, Харьковского авиационного завода, Воронежского авиационного завода и авиакомпании «Аэрофлот»²³.

Любопытно, что российские эксперты признают: Украина ныне является единственной страной СНГ, которая может действительно на равных сотрудничать с Россией в области разработки и производства авиационной и ракетной техники²⁴. Однако среди российских

чиновников и военных имеет место отношение к изделиям украинской разработки «не как к своим». Например, несмотря на еще далеко не исчерпанный потенциал развития семейства самолетов *Ан-72/Ан-74* (что проявилось в появлении современного варианта *Ан-74ТК-300*), в России провели тендер на разработку нового легкого транспортного самолета (в котором победил *Ил-112ВТ*). С известной степенью уверенности можно предположить, что если бы *Ан-72* был разработан российским КБ, то новую машину не стали бы заказывать.

В последнее время обсуждаются планы по использованию мощностей промышленности для сборки вертолетов *Ка-226* и *Ми-17* с двигателями украинского производства *АИ-450* и *ТВЗ-117ВМА*, а также УТС *Як-130* с *АИ-222-2,5*. Говоря о потенциале сотрудничества, В. Карнозов отмечает, что запорожские двигатели устанавливаются на все варианты вертолетов *Ми-24/35* и *Ми-8/17*. Создано и работает СП ВКМС между «Заводом им. В.Я. Климова» (Россия) и «Мотор-Сич» (Украина) по двигателям *ВК2500*, *ВК1500* и перспективным моделям. Двигатели разработки ЗМКБ «Прогресс» *Д-436Т1/ТП* выбраны для установки на новейшие российские самолеты *Ту-334* и *Бе-200*, а *АИ-22* – *Ту-324* и *Як-48*. Производство этих двух моторов, равно как и *АИ-222-2,5*, ведется в режиме широкой кооперации между «Мотор-Сич» и крупнейшими российскими заводами.

Шансы на успех имеет и объявленная в ходе «Le Bourget-2003» программа по возобновлению производства сверхтяжелого рампового грузового самолета *Руслан*. Для этого АНТК им. О.К. Антонова и группа компаний «Волга-Днепр» совместно разрабатывают вариант *Ан-124-300* с усиленным центропланом, крылом увеличенного размаха и удлиненным фюзеляжем. *Руслан* значительно превосходит американский *С-17* в тендере на предоставление услуг по обслуживанию ВС европейских стран НАТО. В настоящее время имеется хороший шанс по консолидации усилий авиакомпаний, промышленности, отечественных и западных банковских структур по постройке до 50 новых *Русланов* как для коммерческого использования, так и оснащения военно-транспортной авиации России и других стран. Выпуск модернизированного самолета может загрузить мощно-сти как ульяновского «Авиастара», так и киевского «Авианта».

Не забыт и проект *Ан-70*. В феврале 2004 г. Верховная Рада приняла Закон Украины «Об общегосударственной программе создания военно-транспортного самолета *Ан-70* и его закупки по государственным оборонным заказам». В законе предусматривается выполнение программы в период с 2004 по 2022 гг. На первый этап, рассчитанный на ближайшие два года, запланированы завершение разработки самолета, государственные испытания, освоение его в серийном производстве и закупка двух машин. На это требуется 1006,509 млн грн.

Российское министерство обороны потребовало от разработчиков *Ан-70* проведения комплекса мер по повышению безопасности полетов. Поставочный контракт не будет выдан до завершения программы летных испытаний, решения проблем «цена–качество» и раздела интеллектуальной собственности между Украиной и Россией. Высшие чины ВВС России неоднократно высказывали острые критические замечания в адрес *Ан-70* и его разработчиков, особенно в части надежности и безопасности винто-вентиляторных двигателей *Д-27*. Главком ВВС России В.С. Михайлов на одной из пресс-конференций назвал цифру в 3,5 млрд долл. как оценочную сумму средств, уже вложенных в создание *Ан-70*. Когда в силу технических и экономических причин график летных испытаний нарушился, ВВС России стали рассматривать альтернативные варианты замены устаревших *Ан-12*: *Ту-330*, *Ил-214* – российский вариант российско-индийского транспортного самолета.

МИФЫ УКРАИНСКО-РОССИЙСКОЙ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДРУЖБЫ

Но не стоит обольщаться по поводу украинско-российского оружейного братства. Главным достижением последних лет эксперты считают прагматизм в отношениях двух держав постсоветского пространства, обладающих наибольшим оборонно-промышленным потенциалом. Существует целый ряд мифов, которые созданы либо политиками, либо сред-

ствами массовой информации. Главным из них являются надежды на то, что Россия широко откроет объятия для оборонно-промышленного сотрудничества. Диапазон тем украинско-российского сотрудничества всегда будет регулироваться российскими интересами в этом процессе. Как минимум вследствие большей самодостаточности России.

Украина слишком мало может предложить России в плане укрепления обороноспособности последней. Мало по отношению к тому, что может предложить Россия. Главными, пожалуй, остаются ракетно-космическая и авиастроительная сферы, где два государства немного больше партнеры, чем конкуренты. Именно Украина продолжает обеспечивать техническое обслуживание некоторых боевых ракетных комплексов РВСН РФ, а также экспортировать системы стыковки космических аппаратов, элементы управления для ракетополетов *Протон* и *Союз*, оборудование для космических полигонов. Два государства совместно работают и над проектом «Днепр», который предусматривает использование модернизированной ракеты *SS-18*.

Но там, где сотрудничество, по мнению российских оборонщиков, сомнительно, они не будут спешить развивать его. Например, пока не было проявлено интереса к модернизации управляемых авиационных ракет «воздух–воздух» для новых самолетов «МиГ» и «Су», что явно не радует украинских производителей авиационного вооружения. А вот где Украина была нужна России, заказы пришли и так. Более того, российская сторона не раз высказывала удивление, что в вопросах развития кооперации Украина руководствуется интересами национальной безопасности и даже вводит ограничения для этой самой кооперации. К примеру, Россию далеко не устраивало, что в 2002 г. 503 ее оборонно-промышленных предприятия поставляли продукцию для 130 украинских заводов-партнеров, а на 2003 г. украинская «квота» составила только 93 предприятия для экспорта и 98 – для импорта в рамках украинско-российской кооперации²⁵.

Второй миф – уверенность некоторых украинских оборонщиков в том, что Россия в тех направлениях, где пока отмечается зависимость от Украины, будет интенсивно развивать проекты. Для Украины Россия в оборонно-промышленной сфере становится «самым основным партнером», в то время как Украина для России всегда будет оставаться лишь «одной из многих», что является проблемой для киевской власти. Наиболее красноречивым свидетельством является проект *Ан-70*. Вряд ли стоит связывать заявление главнокомандующего ВВС России В.С. Михайлова о том, что «*Ан-70* в значительной степени утратил свою перспективу», с его политической недалекостью или оплошностью. Просто Россия намеревается играть на нескольких направлениях одновременно, а ставки на «более перспективные транспортные самолеты среднего класса» *Ту-330* или *Ил-214* связаны с диверсификацией источников влияния, желанием загрузить свои производственные мощности и расширить присутствие на рынке вооружений. Это довольно легко объяснить, если вспомнить, что в ходе выставки «*AeroIndia-2003*» индийская компания «*Hindustan Aeronautics Limited*» подписала с российским авиационным комплексом «Ильюшин» контракт по созданию нового транспортного самолета при стоимости российско-индийского проекта 250 млн долл. Создаваться новый транспортный самолет будет на базе российского *Ил-214*, а не на базе *Ан-70*. Присоединиться к контракту любезно предлагали Индии и Украина, и Россия. По классу и характеристикам проекты *Ил-214* и *Ан-70* вряд ли можно сравнивать, и было бы наивно рассчитывать на то, что Индия согласится участвовать в двух проектах одновременно.

Третий миф: евроатлантические устремления Киева позволят ему больше сотрудничать с НАТО, чем с Россией. Пока украинские оборонщики, уповая на политическую резонансность со стороны альянса продвигать ВТС, организовывали презентации различных направлений своего оборонно-промышленного комплекса (ОПК) в штаб-квартире НАТО, российские без лишнего политического шума договаривались о конкретных проектах. 13 января 2003 г. председатель Госкомитета России по стандартизации и метрологии Б. Алешин и председатель Совета национальных директоров по каталогизации НАТО Дж. Кларк подписали в Москве совместное соглашение об участии России в системе каталогизации НАТО. Соглашение позволит легче продвигать на экспорт российскую продукцию военного назначения, а также сократить расходы госбюджета на закупку и экс-

платацию вооружений и военной техники. Похоже, Россия уже давно обошла Украину на евроатлантической дистанции, не претендуя на членство в этой организации.

Наконец, самый интересный из существующих мифов: Украина расширит свое присутствие на мировом рынке вооружений за счет развития ВТС с Россией. Кстати, во время встреч представителей ОПК вопросы совместной работы на третьих рынках выглядели наиболее проблематичными с точки зрения их практической реализации. Участники признавали, что есть возможность неплохо зарабатывать на совместном ремонте бронетехники, которые состоят на вооружении армий государств Ближнего Востока и Северной Африки. Но такие проекты должны быть взаимовыгодны экономически. Они также должны быть уравновешены настолько, чтобы одно государство не имело шансов обойтись без другого. Но даже в таких проектах пощады не будет тому из партнеров, который, зазевавшись, станет уповать на каноны великой дружбы. В то же время фактор зависимости Украины от России в вопросах выхода на рынки оружия может иметь ключевое значение для развития ВТС. Угроза развития ВТС состоит в том, что отказ российских разработчиков и производителей участвовать в модернизации основных видов оружия (прежде всего боевой авиации и средств ПВО) на компромиссных условиях может подтолкнуть Украину к альтернативным шагам: развитию ВТС с другими партнерами (например, с Израилем или Францией) или к развитию самостоятельных проектов. Наиболее показательным примером в этом отношении является проект модернизации самолетов *МиГ-29* ВВС Украины. Эксперты предполагают, что, если он не будет реализовываться в ближайшее время, Украина начнет осуществлять собственными силами или с частичным привлечением израильских разработчиков свой проект так называемой «малой модернизации» самолетов²⁶. Призывы дать полномочия украинским генеральным конструкторам звучат и в других сегментах оборонной модернизации, например в сфере модернизации средств ПВО²⁷.

Отмечая сложность и противоречивость военно-технического сотрудничества Украины и России, эксперт Российского института стратегических исследований С.П. Кандауров среди основных проблем назвал различие в направлениях по разработке перспективной военной техники. Как показывает анализ, в своем развитии военно-промышленные потенциалы России и Украины слабо пересекаются, и это, естественно, сужает сферу потенциальных совместных проектов. К числу российских национальных приоритетов в создании новых видов вооружений относятся: боевой самолет пятого поколения, новая многоцелевая подводная лодка, высокоточное оружие, средства индивидуальной защиты. Сюда также можно отнести системы связи, разведки и обнаружения. Но в этом перечне нет научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) по новому основному боевому танку, военно-транспортному самолету и т.д. – т.е. «все, что могло бы послужить полем для сложения сил двух государств». И лишь последний из указанных выше приоритетов – системы связи, разведки и обнаружения – может, по-видимому, явиться направлением для ведения взаимовыгодных совместных научных разработок (правда, российский эксперт не принял во внимание значительные успехи украинских разработчиков в создании новых высокоточных средств поражения. – *В.Б.*). Известно, что Россия традиционно испытывает определенные трудности в сфере самостоятельной разработки и создания бортового радиоэлектронного оборудования (БРЭО), находящегося на уровне лучших западных образцов. В этой сфере сотрудничество с Украиной могло бы оказаться выгодным для России, справедливо считает С.П. Кандауров²⁸.

ВЫВОДЫ

Сегодня существуют значительные перспективы украинско-российского военно-технического сотрудничества, наличие возможностей взаимопроникновения технологий и разумного использования политической игры на мировом рынке вооружений с целью расширения присутствия на региональных рынках и расширения взаимодействия на рынках третьих государств. В то же время потенциал украинско-российского ВТС остается нерезализованным. Во-первых, в силу политического фактора, а именно, противопоставления украинской евроатлантической интеграции развитию ВТС с РФ. Во-вторых, в силу нерешенности ряда вопросов в области законодательства, в частности связанных с формиро-

ванием совместных транснациональных финансово-промышленных структур, решения проблем интеллектуальной собственности и некоторых других. При этом многие украинские политики уверены, что перспективы Украины в области создания и реализации оружия видятся в разумном балансе кооперации с Россией и государствами СНГ, с одной стороны, и государствами западного мира, с другой. Но несмотря на доминирование таких взглядов в среде политикума (и особенно молодого, который, как ожидается, придет на смену нынешнему), на сегодняшний день большая часть украинского оборонно-промышленного менеджмента не видит альтернативы реинтеграции в российский ОПК и втягиванию в фарватер российской оборонно-промышленной стратегии. Лишь небольшая часть предприятий ОПК намеревается найти альтернативных партнеров среди государств Западной Европы, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока.

Отношения Украины и России как в оборонно-промышленной сфере, так и на самом рынке вооружений в 2003–2004 гг. перешли в прагматичную и достаточно действенную фазу. В целом формы сотрудничества улучшились. Они, без сомнения, выгодны двум государствам, особенно в нынешних геополитических условиях. Тот факт, что равное сотрудничество маловероятно на нынешнем этапе и в обозримом будущем, в основном не вызывает раздражения в Киеве. Этот фактор обусловлен ресурсными и экономическими возможностями Украины и вполне спокойно воспринимается властью в Киеве. С другой стороны, Россия продемонстрировала готовность идти на компромиссы и сближаться в тех областях, где Украина имеет сильные позиции.

В ближайшие год–два можно ожидать увеличения присутствия российского капитала в украинском ОПК, и в том числе в приватизации объектов украинского ОПК. По ряду направлений украинские военные эксперты считают реинтеграцию неизбежной. В то же время в таких сферах, как создание и производство высокоточных средств поражения, средств обнаружения и радиолокации и некоторых других, украинские и российские производители вооружений и военной техники и спецэкспортеры будут оставаться конкурентами.

Среди негативных тенденций, имеющих развитие, можно отметить попытки российской стороны искусственным путем снизить потенциал Украины на мировом рынке вооружений. В частности путем манипулирования зависимостью украинской стороны в областях модернизации некоторых основных видов вооружений и военной техники. Такое положение дел может стимулировать украинских разработчиков и производителей ВВТ к выходу из ряда перспективных военно-технических проектов.

Примечания

¹ Первым таким основополагающим документом стало Соглашение от 26 мая 1993 г. «О военно-техническом сотрудничестве», в котором Украина и Россия договорились осуществлять взаимовыгодное сотрудничество в военно-технической сфере путем сохранения и развития кооперационных связей, сложившихся при разработке и производстве военной продукции, осуществлении взаимных поставок военной продукции и предоставлении друг другу услуг военного назначения. Этим же Соглашением было решено создать в составе Межправительственной украинско-российской комиссии рабочую группу по вопросам ВТС. Следующим документом в сфере ВТС стало Соглашение от 18 ноября 1993 г. «О производственной и научно-технической кооперации предприятий оборонной отрасли промышленности». В нем правительствами Украины и России было решено, что взаимные поставки продукции, определенной специальными перечнями, не подлежат квотированию и лицензированию, а также освобождаются от таможенных сборов. Было также решено совместно использовать действующие и создаваемые полигоны, испытательные центры и лаборатории. Право заключать контракты на выполнение такого рода работ предоставили предприятиям и организациям оборонно-промышленных комплексов (ОПК) Украины и России. Кроме того, в Соглашении в самом общем виде установили правила выхода каждой из стран с совместной военной продукцией на внешние рынки вооружений.

² Ныне В.П. Горбулин является советником президента Украины по вопросам безопасности.

³ Горбулин Владимир. Оборонное строительство в Украине. *Зеркало Недели*. 2004, 27 января.

⁴ *Defense Express*. 2003, 28 ноября.

⁵ *Эксперт-Центр*. 2003, 4 марта.

⁶ Указ президента Украины о создании этого органа был подписан 4 февраля 1999 г.

⁷ Об этом посол США на Украине К. Паскуаль заявил в ходе Международной конференции «Экспортный контроль в контексте реформы сферы безопасности» в Киеве 26 марта 2003 г. В частности, по его мнению, «в украинской системе процедура рассмотрения вопросов лицензирования и продажи вооружений иницируются «Укрспецэкспортом», а кадры «Укрспецэкспорта» в основном – это офицеры Службы безопасности Украины. С другой стороны, СБУ – один из ключевых игроков в процедуре рассмотрения заявок на продажу вооружений: как в структуре Комитета по вопросам политики военно-технического сотрудничества и экспортного контроля, так и Госслужбы экспортного контроля. Так что получается, что, во-первых, представители СБУ предлагают и защищают необходимость той или иной продажи. Во-вторых, представители СБУ играют ключевую роль в структурах, которые оценивают, законна ли такая продажа. Фактически это может привести к ситуации своеобразного заколдованного круга, результатом которой может быть не совсем полный и объективный анализ законности продажи, которая предлагается. И это может нарушить принцип сдерживаний и противоресов».

⁸ Указ президента Украины об этом был подписан 22 октября 2002 г.

⁹ *Интерфакс*. 1997, 22 марта.

¹⁰ Согласно данным ЦИАКР, Россия задолжала Чешской Республике 655 млн евро (около 820 млн долл.). Половина долга будет выплачена военной техникой и оборудованием. Семь вертолетов уже были поставлены чешским военным. По другим данным, сумма задолженности составляет 22 млрд крон (около 750 млн долл.), 11 млрд из которых (375 млн долл.) в течение 4–5 лет предполагается погасить поставками по линии военного ведомства.

¹¹ *Радио «Прага»*. 2002, 8 апреля.

¹² *Финмаркет*. 2003, 1 октября.

¹³ *Defense Express*. 2004, 3 февраля.

¹⁴ Новичков Николай, Шварев Владимир. Военно-транспортный *Ил-76* прорывается в Чехию. *Независимое Военное Обозрение*. 2003, 17 октября.

¹⁵ *ИТАР-ТАСС*. 2000, 26 сентября.

¹⁶ *УНИАН*. 2000, 11 ноября.

¹⁷ *Defense-Express*. 2001, 23 августа.

¹⁸ Бадрак Валентин. Год России в украинском оборонно-промышленном комплексе. *Зеркало Недели*. 2003, 15 февраля.

¹⁹ Сообщение пресс-службы Фонда госимущества Украины. 2003, 23 июля.

²⁰ Бадрак Валентин. Оружейное ядро Украины. *Зеркало Недели*. 2004, 31 января.

²¹ *Defense-Express*. 2003, 24 ноября.

²² *Defense Express*. 2003, 28 ноября.

²³ Сыроватка Сергей. Русские хотят «Аэрофлот» им. О.К. Антонова. *Деловая Столица*. 2004, 23 февраля.

²⁴ Карнозов Владимир. Во главе интеграции. *Военно-Промышленный Курьер*. 2004, 18 февраля.

²⁵ Об этом указывалось в ходе украинско-российских переговоров 12–13 февраля 2003 г. в Киеве.

²⁶ Детальнее об этом в статье Бадрака Валентина, Згурца Сергея. Оружие для Украины: поиск альтернативы. *Зеркало Недели*. 2004, 28 февраля.

²⁷ О желании самостоятельно проводить модернизацию ряда средств ПВО советского производства в интервью агентству *Defense Express* заявили представители киевского завода «Генератор». *Defense Express*. 2004, 1 марта.

²⁸ Кандауров Сергей. Перспективы военно-технического сотрудничества России и Украины. *Экспорт Вооружений*. 2002. № 4. С. 7–12.

В принятом на прошедшем 8–10 июня 2004 г. саммите «Большой восьмерки» на Си-Айленде (США) Докладе Группы высокого уровня «Глобальное партнерство «Группы восьми» был отмечен существенный прогресс в реализации этой инициативы за прошедший год после предыдущего саммита «Большой восьмерки» в Эвиане (Франция)¹.

Вместе с тем сотрудничество России с государствами–участниками Глобального партнерства развивается неравномерно. Так, контакты России и Великобритании в рамках программы Глобального партнерства являются одним из примеров прагматичного и успешного сотрудничества, которое через два года после выдвижения инициативы о Глобальном партнерстве на саммите в Кананаскисе уже перешло из области деклараций в сферу работы над реализацией конкретных проектов.

История взаимодействия России и Великобритании в деле ликвидации «наследия холодной войны» насчитывает более чем десять лет. Участие Великобритании в проектах совместного уменьшения угрозы (СУУ) началось с поддержки инициативы Нанна–Лугара и подписания Меморандума о взаимопонимании между Россией и Великобританией в ноябре 1992 г., включавшего поставку в Россию суперконтейнеров и транспортных средств для перевозки ядерного оружия². По состоянию на середину 2004 г. юридической основой сотрудничества России и Великобритании в области реализации проектов Глобального партнерства является ряд двухсторонних и многосторонних соглашений и механизмов, включая:

- Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Великобритании и Северной Ирландии об оказании Великобританией содействия в выполнении Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении в Российской Федерации от 21 декабря 2001 г.³;
- Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии от 3 сентября 1996 г.⁴;
- Экологическое партнерство Северного измерения (ЭПСИ) (Northern Dimension Environmental Partnership, NDEP)⁵;
- международную программу АМЕК (Arctic Military Environmental Cooperation)⁶;
- программу Европейского Союза ТАСИС⁷.

21 мая 2003 г. Великобритания, Россия и ряд других стран подписали рамочное соглашение о многосторонней ядерной экологической программе в России (МНЭПР) и протокол по вопросам претензий, судебных разбирательств и освобождения от материальной ответственности⁸.

В июне 2003 г. в ходе государственного визита президента России В.В. Путина в Великобританию было подписано Дополнительное соглашение к Соглашению между правительством Российской Федерации и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии от 3 сентября 1996 г. о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии от 3 сентября 1996 г.⁹. Дополнительное соглашение направлено на финансирование мероприятий по ликвидации оружия массового уничтожения на сумму 30 млн ф. ст.¹⁰. Глава внешнеполитического ведомства Великобритании Дж. Стро отметил, что «противодействие угрозе распространения оружия массового поражения — одна из приоритетных задач. Наше сотрудничество с Россией в этой области исключительно важно. Я весьма рад, что в ходе нынешнего государственного визита президента России Владимира Путина в Лондон мы смогли подписать соглашение, которое открывает путь для многих британских проектов»¹¹.

Двустороннее сотрудничество России и Великобритании демонстрирует хорошую динамику, перейдя к концу 2003 г. из разряда политических деклараций в практическую плоскость.

Цель данного исследования — рассмотреть основные направления сотрудничества России и Великобритании в рамках программы Глобального партнерства.

СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ СОКРАЩЕНИЯ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Постановка задачи

Россия обладает крупнейшим в мире арсеналом химического оружия. Он включает около 40 тыс. т боевых отравляющих веществ (БОВ)¹². На момент распада СССР на его территории оказался весь комплекс по созданию химического оружия, включающий в себя производственную базу, состоящую из 24 объектов по изготовлению БОВ, сборке химических боеприпасов и их снаряжению. Производство химического оружия в бывшем СССР, по официальным заявлениям, было прекращено в 1987 г.¹³. Боевые отравляющие вещества были переведены на 7 объектов хранения¹⁴. Около 80 % арсенала химического оружия составляют нервно-паралитические отравляющие вещества, относящиеся к первому классу (зарин, зоман и др.).

29 апреля 1997 г. вступила в силу Конвенция о запрещении химического оружия, которую Россия подписала одной из первых в 1993 г. Согласно этому документу все БОВ должны были быть ликвидированы до 2007 г. (в дальнейшем этот срок был передвинут до 2012 г.). По оценкам экспертов для реализации программы химического разоружения в России потребуется примерно 5,52 млрд долл. США (с учетом инфляции, при расчетной цене 1 доллара, равного 30 рублям)¹⁵.

Правовая база

Огромная стоимость программы химического разоружения обусловила значительные трудности ее финансирования из российского бюджета. Сделав политическое заявление о намерении полностью уничтожить свои запасы ХО, Россия обратилась к международному сообществу с просьбой о содействии. Большинство стран с пониманием отнеслось к российским проблемам. Благодаря, в основном, помощи Германии¹⁶ Рос-

сия смогла к 29 апреля 2003 г. отчитаться перед Организацией по запрещению химического оружия о ликвидации одного процента своих запасов ХО первой категории¹⁷.

В октябре 2001 г. в Лондоне было подписано Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Великобритании и Северной Ирландии. В нем говорится об оказании Великобританией содействия в выполнении Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении в Российской Федерации. Соглашение обеспечивает необходимую правовую базу британского содействия в деле уничтожения химического оружия в Российской Федерации¹⁸. Основная цель этого соглашения — укрепление сотрудничества по выполнению КЗХО и федеральной целевой программы «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации». Как следует из соглашения, объем выделяемых средств на объект по уничтожению ХО в п. Щучье составляет 12 млн ф. ст. (около 18 млн долл.), которые должны были быть использованы до 31 марта 2004 г.¹⁹.

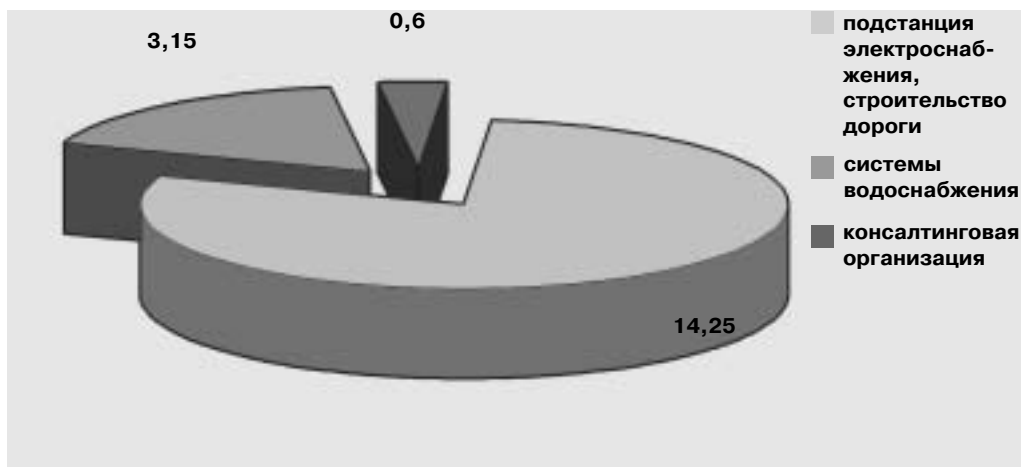
Исполнительными органами были назначены Министерство обороны Великобритании и Росбоеприпасы²⁰. Российские организации и/или организации других государств могут выбираться в качестве подрядчиков и субподрядчиков на конкурсной основе²¹.

Реализация проектов

Первым успешным российско-британским проектом в области химического разоружения стало строительство системы водоснабжения для объекта по уничтожению ХО в городе Щучье. 1 апреля 2003 г. посол Великобритании в РФ Р. Лайн передал России права собственности на нее²². На строительство данного объекта было израсходовано 3,15 млн долл.²³. Около 8 млн ф. ст. планируется потратить на оборудование для подстанции электроснабжения и на строительство дороги²⁴. По оценкам экспертов, вклад Великобритании в размере 600 тыс. долл. позволит создать консалтинговую организацию, занимающуюся разработкой концепции по распределению финансовой помощи в деле уничтожения химического оружия²⁵.

Таблица 1

Планируемое участие Великобритании в финансировании проектов объекта в Щучьем, млн долл. США

Содействие со стороны Великобритании в области сокращения химического оружия за период с 2001 по 2003 гг. составило 2,79 млн ф. ст. и распределено по проектам следующим образом (см. Таблицу 2)²⁶.

Таблица 2

Проект	2001–2002 гг. выделено млн ф. ст.	2002–2003 гг. выделено млн ф. ст.	2003–2004 гг. планируется млн ф. ст.
Объект в Щучьем		2,20	2,20
Поддержка проектов Зеленого креста, Кизнер		0,05	0,05
Проект по консультированию Росбоеприпасов		0,02	0,04
Внутренние нужды Минобороны Великобритании	0,11	0,36	0,30
Издержки подрядчика на создание проекта		0,05	0,85
Итого	0,11	2,68	3,44

Вместе с Великобританией финансирование работ по строительству подстанции электроснабжения и дороги в п. Щучье осуществляют Норвегия, Европейский Союз, Канада и Чехия. Такое сотрудничество стало возможным благодаря отличительной особенности соглашения между правительством Российской Федерации и правительством Великобритании и Северной Ирландии об оказании Великобританией содействия в выполнении Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении в Российской Федерации. Согласно статье 2 этого Соглашения на основании отдельных договоренностей между сторонами другие государства–участники Конвенции могут также оказывать содействие через программу помощи британской стороны.²⁷ Европейский союз планирует выделить порядка 1,4 млн ф. ст. за период 2003 – 2004 гг.²⁸ Вклад Норвегии за такой же период составит порядка 1,5 млн ф. ст.²⁹ По состоянию на конец 2003 г. работы по налаживанию электроснабжения в п. Щучьем были на начальном этапе³⁰.

Канада участвует в финансировании объекта в Щучьем через британскую программу. Так, 19 ноября 2003 г. состоялось подписание Меморандума о взаимопонимании между Канадой и Великобританией о содействии Российской Федерации в вопросах уничтожения химического оружия. 16 октября 2003 г. в Министерстве обороны Великобритании было заявлено о присоединении Чехии к программе по содействию уничтожению запасов российского химического оружия. В этом заявлении говорится о том, что Чешская Республика выделит порядка 45 тыс. ф. ст. на строительство электростанции в п. Щучьем³¹. Чешская Республика также планирует оказывать свою финансовую помощь через британскую программу.

Более динамичному процессу двустороннего сотрудничества Великобритании и России в деле уничтожения химического оружия препятствует ряд факторов.

Помощник директора Секретариата помощи России и контроля над вооружениями Министерства обороны Великобритании Дж. Пирсон охарактеризовал возникающие проблемы следующим образом: «Планы уничтожения химического оружия, разработанные российскими организациями, не всегда подходят странам-донорам, когда они пытаются выбрать объект помощи [...] Российские компании обеспечивают информацией

очень медленно, а полученные сведения бывают недостаточно полными для планирования и осуществления проекта [...] В России хранятся наибольшие запасы ОВ, и эта проблема требует всеобщих усилий, а для достижения этой цели мы готовы заплатить любую цену»³².

В рамках программы Глобального партнерства Россия предложила Великобритании взять на себя финансирование строительства объекта по детоксикации химического оружия в поселке Марадыковском (Кировская область). Однако, по-видимому, Великобритания не возьмется за самостоятельное создание комплекса в Марадыковском, поскольку на сооружение этого объекта требуется сумма около 700 млн ф. ст.³³. Вероятнее всего, Великобритания продолжит участвовать в финансировании объекта в Щучьем и будет выделять средства на выполнение небольших проектов на других объектах уничтожения химического оружия, в том числе и в Марадыковском.

СОВМЕСТНЫЕ ПРОЕКТЫ В ОБЛАСТИ КОМПЛЕКСНОЙ УТИЛИЗАЦИИ АПЛ И РАДИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ

Правовая база

Сотрудничество между двумя странами в области комплексной утилизации атомных подводных лодок (АПЛ) и радиационной безопасности в Северо-Западном регионе России выстраивается на основе Соглашения между правительством Российской Федерации и правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии³⁴.

Государственный визит президента России В.В. Путина в Великобританию в июне 2003 г. и подписанное в ходе него Дополнительное соглашение³⁵ дало зеленый свет началу сотрудничества Российской Федерации и Великобритании по утилизации атомных подводных лодок и нескольких тонн отработавшего ядерного топлива. Согласно подписанному Дополнительному соглашению на финансирование мероприятий по ликвидации оружия массового уничтожения в рамках российско-британских проектов была выделена сумма в 30 млн ф. ст.³⁶. Работы, ведущиеся в области комплексной утилизации АПЛ и радиационной безопасности в Северо-Западном регионе России, со стороны Великобритании курирует Министерство торговли и промышленности (DTI), со стороны России — Федеральное агентство по атомной энергии (ФААЭ)³⁷.

Великобритания планирует выделить еще 10 млн ф. ст.³⁸ на осуществление проектов Экологического партнерства Северного измерения. В июне 2003 г. Великобритания присоединилась к международной программе АМЕК и стала ее полноправным участником. В ближайшие два-три года Великобритания планирует выделить до 5 млн ф. ст. на проекты АМЕК в области комплексной утилизации АПЛ и радиационной безопасности в Северо-Западном регионе России³⁹.

Реализация проектов

Обе стороны заинтересованы в создании хранилища для ОЯТ с российских подлодок в Мурманской области⁴⁰. В 1999 г. министр иностранных дел Великобритании Р. Кук посетил Мурманск. Целью его визита было изучение обстановки и условий хранения ядерных отходов с российских атомных подводных лодок. В ходе визита он сделал следующее заявление: «Правительство Великобритании намерено работать над этими проблемами. Мы умеем это делать. Над ними будет работать и британская атомная промышленность»⁴¹.

Советник посольства Великобритании в России Р. Мэйсон также в 1999 г. посетил руководителей судоремонтных заводов, расположенных на Кольском полуострове, с целью

ознакомления с проектами, наиболее остро нуждающимися в финансировании. Представители региона в числе первоочередных объектов для получения финансовой помощи назвали ФГУП «Судоремонтный завод «Нерпа», хранилище и судоремонтный завод в Полярном, транспортное судно для перевозки ОЯТ АПЛ⁴².

В 1990-е гг. совместно с французскими и скандинавскими специалистами британская компания British Nuclear Fuel Ltd. (BNFL) проводила предварительные переговоры о контракте стоимостью 50 млн долл. США на строительство промежуточного хранилища ОЯТ на территории ПО «Маяк»⁴³. Западноевропейский консорциум более склонен к созданию сухого хранилища, тогда как российская сторона заинтересована в строительстве мокрого хранилища⁴⁴. Медлительность в принятии каких-либо решений по данному вопросу продиктована опасением стран-доноров работать на «мусорное ведро». Однако стоит признать, что работы в направлении решения проблемы утилизации АПЛ и способов хранения ОЯТ и РАО продолжаются.

12 ноября 2003 г. между Россией и Великобританией было подписано четыре контракта в рамках реализации Дополнительного соглашения⁴⁵. Один из контрактов связан с созданием хранилища неперерабатываемого ОЯТ на ремонтно-транспортном предприятии (РТП) «Атомфлот» в Мурманске, три других — с реабилитацией береговой технической базы в Губе Андреева⁴⁶. Контракты, касающиеся экологической обстановки в Губе Андреева, направлены на решение следующих проблем:

- разработка стратегии обращения с РАО и ОЯТ, хранящегося в Губе Андреева;
- обследование состояния хранилищ отработанных топливных сборок и аварийного хранилища ОЯТ (здание №5, где в конце 1980-х гг. произошла авария) базы в Губе Андреева;
- строительство укрытия над хранилищем ОЯТ береговой технической базы в Губе Андреева.

На эти проекты планируется выделить порядка 30 млн долл.⁴⁷. Причем британская сторона подтвердила, что все работы будут выполняться силами российских организаций. Генподрядчиками в этих проектах являются соответственно Научно-исследовательский и конструкторский институт энерготехники (НИКИЭТ), Международный центр экологической безопасности и ФГУП «СевРАО»⁴⁸. Со стороны Великобритании планируется оказание помощи в виде финансирования (в том числе в виде выплаты окладов специалистам НИКИЭТ, занимающимся проектами в Губе Андреева)⁴⁹ и отдельных консультаций фирмы RWE Nukem. В проекте также принимают участие норвежские специалисты.

Работы по расширению площадки длительного хранения неперерабатываемого (уранциркониевого) топлива, выгружаемого с плавбазы «Лотта» на объекте РТП «Атомфлот» Мурманского морского пароходства, ведутся совместно с фирмой Crown Agency Ltd. 13 ноября 2003 г. в Мурманске на РТП «Атомфлот» состоялась церемония открытия первой в России накопительной площадки временного хранения контейнеров с ОЯТ АПЛ⁵⁰, где одновременно могут содержаться 19 контейнеров, рассчитанных на хранение ОЯТ сроком от 5 до 50 лет при температурах до -50 °С. Планируется, что расширенное хранилище в будущем позволит содержать 40 контейнеров. По оценкам специалистов, для этого потребуется затратить около 5 млн долл. США⁵¹.

Во время международного семинара «Проблемы утилизации АПЛ на Северо-западе России» (28 марта 2003 г.) в заявлении советника по ядерной безопасности Министерства иностранных дел Норвегии Т. Норендала выражалась готовность Норвегии и Великобритании оказать содействие в утилизации многоцелевых АПЛ на ФГУП МП «Звездочка» (г. Северодвинск)⁵². Министерством по атомной энергии России было предложено участвовать в утилизации типа *Oscar*. Было принято решение об утилизации двух АПЛ класса *Oscar*. По одной – на ФГУП ПО «Севмаш» (г. Северодвинск) и на ФГУП МП «Звездочка» (г. Северодвинск)⁵³. В ходе предварительных работ по подготовке контрактов, касающихся утилизации атомных подводных лодок, заместитель директора департа-

мента ядерных программ Министерства торговли и промышленности Великобритании С. Трасвел дважды посетил Северодвинск. Работы по разделу лодок начались в феврале 2004 г.⁵⁴. Утилизация этих АПЛ была завершена к июню 2004 г. Стоимость комплексной утилизации двух многоцелевых АПЛ оценивается приблизительно в 14 млн долл.⁵⁵. Еще одну АПЛ планируется утилизировать с помощью Великобритании на судоремонтном заводе в г. Полярном (Мурманская обл.) по программе АМЕК⁵⁶. Однако сроки начала утилизации этой лодки пока не определены. Ведутся также переговоры по утилизации в будущем АПЛ типа *Papa*, но перспективы начала реализации этой инициативы еще более туманны.

Ведутся работы по реализации совместных проектов в области обеспечения плавучести 103 многоцелевых АПЛ ВМФ России, выведенных из боевого состава и подлежащих утилизации. Данный вопрос получил особую актуальность после катастрофы АПЛ «К-159» в августе 2003 г. Великобритания заявила о выделении России на эти цели 5,5 млн долл. США⁵⁷.

С 15 по 16 декабря 2003 г. в Лондоне состоялось заседание Российско-британского комитета по сотрудничеству в ядерной области⁵⁸. Россию в этом комитете представляет ФААЭ, а Великобританию — Министерство торговли и промышленности. Во время заседания комитета были рассмотрены проекты возможных направлений сотрудничества, которые появились после подписания в июне 2003 г. Дополнительного соглашения.

ПРОГРАММЫ ПЕРЕОБУЧЕНИЯ УЧЕНЫХ-ОРУЖЕЙНИКОВ

Постановка задачи

В ходе проведения программы сокращения вооружения перед Россией остро встали вопросы социальной адаптации, переподготовки и трудоустройства увольняемых в запас военнослужащих и специалистов-оружейников. Российская сторона выразила готовность перенять опыт британских коллег. В этой области взаимодействие между Россией и Великобританией ведется по двум направлениям. Россия и Великобритания совместно работают в рамках программы переподготовки специалистов-атомщиков в закрытых территориально-административных образованиях (ЗАО) Минатома России⁵⁹. Существует также взаимодействие между вооруженными силами Великобритании и России с целью переобучения гражданским профессиям военнослужащих в рамках программы развития контактов, разработанной британским правительством. Эта программа не входит в рамки Глобального партнерства, а осуществляется в рамках двухстороннего сотрудничества между министерствами обороны Великобритании и России⁶⁰.

Взаимодействие России и Великобритании в сфере переобучения специалистов-атомщиков осуществляется на основе Соглашения между правительством Российской Федерации и правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии⁶¹.

Реализация проектов

Компания PE International Consultants Ltd в июле 2002 г. была назначена Министерством торговли и промышленности Великобритании координатором проектов российско-британской программы переподготовки специалистов-атомщиков в ЗАО⁶². В первом семинаре в рамках программы, который проходил в декабре 2002 г. в Обнинске, приняли участие представители шести из десяти приглашенных городов ЗАО ФААЭ России. В результате последующих инспекций технологического оборудования и выездных образовательных программ в городах ЗАО Минатома России были определены соответствующие направления финансирования. К осени 2003 г. было согласовано 11 проектов, касающихся оказания помощи городам Северск, Саров, Озерск и Снежинск⁶³. Приори-

тетным объектом финансирования в рамках инициатив CNCP является Северск⁶⁴. В марте 2003 г. завершился очередной курс переподготовки специалистов-атомщиков из Северска. В начале 2003 г. Министерство экономики и промышленности Великобритании и ФГУП «Сибирский химический комбинат» подписали протокол о сотрудничестве в деле организации на комбинате замещающих производств и в связи с реструктуризацией ядерного оборонного комплекса – создании новых рабочих мест для высвобождаемых специалистов предприятия⁶⁵. Финансирование выбранных проектов осуществляется через Международный научно-технический центр (МНТЦ), основная цель которого – это помощь в применении талантов ученых-оружейников в мирной деятельности⁶⁶. За период 2002-2003 гг. объем финансирования программы переобучения специалистов-атомщиков составил 7 млн ф. ст.⁶⁷. Предполагаемый объем помощи в 2003–2004 гг. — 2,25 – 2,4 млн ф. ст.⁶⁸.

ПРОЕКТЫ ПО УСИЛЕНИЮ ФИЗИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ЯДЕРНЫХ БОЕПРИПАСОВ

Наиболее весомая финансовая помощь со стороны Великобритании по проектам физической защиты ЯО — это поставка 250 бронированных суперконтейнеров и 20 бронированных транспортных средств для перевозки ядерного оружия согласно соответствующему Меморандуму о взаимопонимании между Россией и Великобританией⁶⁹. Первые контейнеры были поставлены в Россию 8 мая 1994 г.⁷⁰. Поставка контейнеров на общую сумму 35 млн ф. ст.⁷¹ завершена в конце 1994 г. Этот проект явился одним из первых успешно завершённых проектов российско-британского сотрудничества в деле ликвидации «наследия холодной войны».

ПРОЕКТЫ ПО СОЗДАНИЮ ФИЗИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ЯДЕРНЫХ ОБЪЕКТОВ

На российских ядерных объектах Россия и Великобритания осуществляют сотрудничество в деле создания системы физической защиты от краж и диверсий в соответствии с международными стандартами. Список высокоприоритетных проектов, включая обучение командного состава, отвечающего за безопасность и охрану ядерных объектов, поставку систем безопасности и их монтаж на местах, разработан совместно с Минатомом России, Госатомнадзором и британским Министерством по гражданской ядерной безопасности.⁷²

По состоянию на конец 2003 г. работы по созданию системы физической защиты ведутся в основном на атомных ледоколах Мурманского морского пароходства (ММП). Правительство Великобритании приняло решение о выделении 700 тыс. ф. ст. на эти цели⁷³. Финансирование осуществляется из специального государственного Фонда Ядерной безопасности (NSF)⁷⁴. Совместно с Норвегией и Швецией Великобритания принимала участие в установке системы физической защиты на атомном лихтеровозе «Севморпуть». Работы по этому проекту были завершены в сентябре 2001 г.⁷⁵. В начале июня 2003 г. завершились работы по оснащению системой физической защиты против несанкционированного проникновения посторонних лиц на борт судна атомного ледокола «Арктика»⁷⁶. В 2003 — 2004 гг. планируется оснастить системой физической защиты два атомных ледокола пароходства — «Ямал» и «Арктика». Всего на оборудование двух ледоколов иностранные партнеры (Великобритания, Швеция и Норвегия) выделили 1,6 млн долл.⁷⁷. Вклад Великобритании составляет 673 тыс. ф. ст.⁷⁸ Проект выполнялся под контролем Координационного комитета, в состав которого входят по одному представителю от Министерства торговли и промышленности Великобритании, Инспектората по ядерной безопасности Швеции (SKI), норвежского Агентства по радиационной защите (NRPA) и Мурманского морского пароходства (ММП).

В будущем планируется расходовать не менее 1 млн ф. ст. на осуществление проектов в этой области⁷⁹. Однако масштаб нерешенных проблем, возможно, потребует в будущем дополнительного увеличения финансирования.

ПРОЕКТЫ ПО СОЗДАНИЮ СИСТЕМЫ УЧЕТА И КОНТРОЛЯ ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Еще одним направлением сотрудничества между Россией и Великобританией является осуществление проектов по созданию системы учета и контроля ядерных материалов (СУиК ЯМ) на российских ядерных объектах. После распада СССР и принятия решения о сокращении ядерного арсенала особенно актуальной стала проблема создания системы учета ядерных материалов и контроля на ядерных объектах, особенно на крупных ядерных предприятиях (перерабатывающий завод РТ-1 ПО «Маяк», Ангарский центрифужный завод).

Базой для совместной работы по созданию СУиК ЯМ служит Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии⁸⁰.

Реализация проектов

Первые встречи российских и британских представителей и обсуждения программы по созданию системы учета и контроля ядерных материалов на объектах атомной энергетики начались в 1992 г. В декабре 1992 г. Министерством торговли и промышленности Великобритании была организована конференция, посвященная безопасности на ядерных объектах России. В дальнейшем круг непосредственных участников программы значительно расширился. Со стороны Великобритании к этому проекту присоединились инспекторы из BNFL и Агентства по атомной энергии Великобритании (УКАЕА). Российскую сторону представляли специалисты Министерства по атомной энергии и его головных предприятий в Северске (Сибирский химический комбинат), Железногорске (Горно-химический комбинат), Озерске (ПО «Маяк»), Димитровграде (ФГУП ГНЦ РФ НИИАР) и Обнинске (ГНЦ РФ ФЭИ). Работы по данному проекту велись как на государственном, так и на межведомственном уровне. По состоянию на февраль 2004 г. ведутся совместные работы российских и британских специалистов по созданию соответствующей современным требованиям системы учета и контроля на заводе РТ-1 ПО «Маяк» и в Ангарске⁸¹. Деятельность в этом направлении осуществляется агентствами по атомной энергии Великобритании (УКАЕА).

В рамках реализации проекта специалисты BNFL работают над предложениями, внесенными Министерством по атомной энергии России по учету и контролю ядерных материалов на ПО «Маяк». Ведутся работы по сохранению финансирования в рамках программы ТАСИС. Рассматриваются подробные детали участия BNFL в качестве субподрядчика⁸². Что касается Ангарского электролизного химического комбината, то в настоящий момент специалисты предприятия разрабатывают детальную спецификацию, необходимую для включения британской системы учета в базу данных ядерных материалов, сертифицированную для использования на комбинате. Вопрос о содействии со стороны Великобритании будет обсуждаться только после того, как будет подготовлена спецификация для этой работы⁸³.

Финансирование Великобританией проектов по созданию СУиК ЯМ на ядерных объектах является более скромным по сравнению с другими направлениями содействия в рамках Глобального партнерства и не превышает суммы около 600 тыс. ф. ст. за все время реализации этих проектов⁸⁴.

ПРОЕКТЫ ПО УТИЛИЗАЦИИ ИЗБЫТОЧНОГО ОРУЖЕЙНОГО ПЛУТОНИЯ

В 2000 г. в рамках Соглашения между Россией и США об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращении с ним и сотрудничестве в этой области⁸⁵ было решено утилизировать по 34 т оружейно-

го плутония каждой стороной. Великобритания заявила о выделении России 70 млн ф. ст. на реализацию этого долгосрочного проекта⁸⁶.

По словам представителя британского посольства⁸⁷, заявленная сумма может быть израсходована только на проекты по утилизации оружейного плутония и не может быть перераспределена на другие области сотрудничества. Срок начала работ по ликвидации плутония остается под вопросом. По состоянию на февраль 2004 г. работы по утилизации оружейного плутония практически не ведутся из-за отсутствия достаточного иностранного финансирования.

СОДЕЙСТВИЕ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Великобритания оказывает свою поддержку в решении проблем ядерной безопасности на протяжении более десяти лет. Эта помощь в основном касается повышения уровня безопасности на объектах мирного использования атомной энергии: атомные электростанции, атомные ледоколы и др. Стоит отметить, что ни Россия, ни Великобритания не причисляют оказанную в этом направлении помощь к финансированию реализации инициативы Глобального партнерства.

Сотрудничество в области ядерного топливного цикла и проблем ядерной безопасности осуществляется на основании Соглашения между правительством Российской Федерации и правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии⁸⁸. Финансирование этих проектов ведется в основном Министерством торговли и промышленности и в рамках программы ТАСИС⁸⁹.

В 1992 г. в Мюнхене на встрече стран «Большой семерки», бывших республик Советского Союза, а также государств Центральной и Восточной Европы, было заявлено о выделении всеми странами средств, предназначенных для повышения безопасности ядерных реакторов первого поколения. Такие реакторы были построены в начале 1970-х гг. и продолжают работать по сегодняшний день. В результате этой встречи появился проект — Счет ядерной безопасности. За период с марта 1993 г. по август 1998 г. вклад Великобритании в Счет ядерной безопасности составил 18,25 млн ф. ст.⁹⁰.

В августе 1998 г. министр торговли и промышленности Великобритании Дж. Батл выступил с речью, в которой объявил о выделении в 1999 г. средств в размере 2,7 млн ф. ст. на повышение ядерной безопасности в бывших советских республиках⁹¹.

«Правительство Великобритании готово подтвердить намерение продолжить оказание помощи странам Центральной и Восточной Европы и новым независимым государствам, согласно подписанным ранее международным соглашениям с целью повышения безопасности на ядерных объектах. В 1998–1999 гг. на реализацию этих международных проектов Великобритания предоставит 2,7 млн ф. ст. Эти средства были предназначены для стран, эксплуатирующих реакторы первого поколения, для повышения систем безопасности, физической защиты, учета и контроля ядерных материалов на ключевых предприятиях ядерного топливного цикла. Полезно воспользоваться опытом, который был приобретен британскими компаниями в области повышения безопасности»⁹².

В 2000 г. Великобритания вложила в Счет ядерной безопасности около 36 млн долл. США, которые пошли на решение ядерных проблем в России и новых независимых государствах⁹³. Эти деньги были потрачены на проведение работ, связанных с утилизацией атомных подводных лодок на Северном флоте, на утилизацию плутония, на улучшение системы безопасности ядерных объектов, на решение проблем, связанных с Чернобыльской аварией, и проблем ЗАТО Минатома России.

В 2001–2003 гг. в области ядерной безопасности между Россией и Великобританией осуществлялось несколько проектов. Некоторые из них стали продолжением заключенных ранее соглашений.

Начиная с 1999 г. Госатомнадзор России совместно с Компанией Mitsui Babcock Energy Ltd. осуществлял разработку полуавтоматического ультразвукового инспекционного оборудования. Кроме того, велись совместные работы с целью улучшения качества и эффективности сварных швов при ремонте в трубопроводах графитовых реакторов. Реализация этого проекта осуществлялась с мая 2002 г. по март 2003 г. и включала в себя теоретическую и практическую части повышения безопасности реакторов типа РБМК⁹⁴.

BNFL Magnox Electric продолжила свое долгосрочное сотрудничество с концерном «Росэнергоатом». Совместная работа была нацелена на повышение безопасности путем передачи опыта и технологий между специалистами в области атомной энергетики. BNFL Magnox Electric оказывала содействие концерну «Росэнергоатом» при поставке, испытании и развитии операционной системы безопасности на атомных станциях⁹⁵.

В октябре 2002 г. генеральный директор концерна «Росэнергоатом» О.М. Сараев встретился с представителями британского Министерства торговли и промышленности, где также присутствовали эксперты в области атомной энергетики из обеих стран. На встрече, кроме обсуждений итогов совместного сотрудничества, были представлены 50 проектов в области ядерной энергетики, включая работы, нацеленные на повышение безопасности объектов этой отрасли. Также рассматривалась возможность участия в финансировании этих проектов Великобританией в размере 3-5 млн долл. США⁹⁶. К сожалению, пока данные проекты не нашли практического применения.

В ноябре 2002 г. и в марте 2003 г. состоялись встречи специалистов фирмы British Energy International Ltd. и Ленинградской АЭС (ЛАЭС) с целью повышения культуры безопасности на мирных ядерных объектах путем изучения опыта мировой практики по вопросу сокращения влияния человеческого фактора⁹⁷. Совместно с компанией Secro Assurance специалисты атомных станций проводили работы по качественной инспекции коррозионных трещин и сертификации диагностики⁹⁸. На втором блоке ЛАЭС велись совместные работы с привлечением специалистов из США, Швеции и Финляндии, касающиеся использования разрушающих анализов для определения количества ядерного материала (ЯМ) в зоне баланса материалов (ЗБМ). С 1 апреля 2002 г. по 31 марта 2003 г. специалистами ЛАЭС и компании Stivensons & Associates осуществлялись работы по повышению уровня безопасности при внештатных ситуациях и улучшению оборудования сухого хранилища на ЛАЭС.⁹⁹ В ходе этих работ проведен ряд мероприятий. В Госатомнадзор России была предоставлена техническая документация о методах подсчета вероятности несанкционированных действий и риска проникновения на ядерный объект. Кроме того, разработаны рабочие документы по системам и оборудованию повышения уровня радиационной безопасности и проведены мероприятия по увеличению прочности конструкций сооружений, способных выдержать землетрясение, наводнение, торнадо, падение самолета и пр.¹⁰⁰. Оптимизация радиационной безопасности проводилась также на Курской АЭС – с участием Британской международной энергетической компании – с апреля 2002 г. по март 2003 г.¹⁰¹. Согласно проекту, осуществляемому вместе с корпорацией Invsat Ltd., занимающейся современными технологиями средств связи, ЛАЭС получила коммуникационное оборудование. Контракт был подписан в 1999 г. и продлен на 2001-2002 гг.¹⁰². В период с апреля 2002 г. по март 2003 г. на Белоярской АЭС благодаря помощи BNFL Environmental Services осуществлялся обмен опытом между специалистами в области обеспечения достаточного уровня герметичности остановленного реактора¹⁰³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом направления оказания содействия со стороны Великобритании совпадают с приоритетами, выбранными Россией в качестве реализации инициатив Глобального партнерства, хотя для Великобритании, как и для других европейских стран на протяжении прошедшего десятилетия был характерен повышенный интерес к проектам в области ядерной безопасности АЭС, которые не относятся к приоритетам России.

Вместе с тем британские официальные лица заявляли, что Великобритания согласна с приоритетами России в области Глобального партнерства, что характерно не для всех стран-участниц Глобального партнерства¹⁰⁴. Такой подход отражает прагматичную позицию британской стороны, которая готова вести работу по реализации практических проектов в области нераспространения, не теряя времени на согласование общих приоритетов в этой области.

Практически по каждому из направлений сотрудничества удалось достичь определенных успехов (см. Таблицу 3). По мнению эксперта,¹⁰⁵ Великобритания вполне удовлетворена ходом сотрудничества с Россией в области Глобального партнерства.

Таблица 3

Проект	Год	Результаты
Учет и контроль ЯМ	2003	Ведутся работы по созданию системы учета и контроля на заводе РТ-1 ПО «Маяк» и Ангарском обогатительном заводе, которая будет соответствовать современным требованиям
Программы ядерной безопасности	1999–2003	Ряд проектов повышения безопасности на АЭС в рамках программы ТАСИС
Утилизация ядерного оружия	1994	Поставка суперконтейнеров и транспортных средств для перевозки ядерного оружия
Физическая защита ядерных объектов	2003	Завершились работы по оснащению системой физической защиты атомного ледокола «Арктика»
Программа переобучения ученых-оружейников ЗАТО Минатома	2003	Подписан протокол о сотрудничестве в области организации на комбинате замещающих производств и создании новых рабочих мест для высвобождаемых специалистов СХК в связи с реструктуризацией ядерного оборонного комплекса
Программы в Северо-Западном регионе (включая комплексную утилизацию АПЛ)	2003	Подписано 4 контракта: реабилитация базы в Губе Андреева и расширение хранилища ОЯТ
Утилизация химического оружия	2003	Сдана система водоснабжения, объект в Щучьем

В 2001 – 2004 гг. финансовая помощь Великобритании на эти цели распределялась следующим образом (Таблица 4)¹⁰⁶.

Таблица 4

Проект	2001–2002 гг. выделено млн ф. ст.	2002–2003 гг. выделено млн ф. ст.	2003–2004 гг. планируется млн ф. ст.
Учет и контроль ЯМ	0,04	0,01	0,15
Программы ядерной безопасности	1,84	2,59	4,90
Физическая защита ядерных объектов	0,29	0,63	1,00
Программа переобучения ученых-оружейников ЗАТО	0,00	7,00	2,25
Программы в Северо-Западном регионе	0,08	0,63	15,96
Утилизация химического оружия	0,11	2,68	3,44
Итого	2,36	13,54	27,7

Как видно из Таблицы 4, выделенные размеры содействия значительно отличаются от заявленных на этот период сумм. Так, например, за период с 2001 по 2002 гг. Великобритания планировала выделить 24 млн ф. ст. из Фонда ядерной безопасности (NSF), а реально было выделено примерно 2,4 млн ф. ст. Отсутствует четкое представление о размерах реально выделенных сумм в сравнении с заявленными суммами за более ранние периоды. Данные, приводимые в различных источниках, серьезно расходятся. Кроме того, до сих пор не определено, какие из заявленных сумм содействия и какие из реализуемых проектов засчитывать в качестве поддержки инициатив Глобального партнерства. Следует отметить, что такая ситуация сложилась не только в российско-британских отношениях, но и в большинстве программ сотрудничества России с другими странами-участниками Глобального партнерства.

Одной из основных проблем в области реализации проектов Глобального партнерства является то, что часто выделяемые странами-донорами средства не доходят до России, идя на оплату расходов иностранных подрядчиков и чиновников, координирующих проекты сотрудничества. В ряде случаев до России доходит лишь 15-20 % выделяемых средств. Позитивным моментом российско-британского сотрудничества является то, что около 80% выделенных средств поступают в Россию в виде прямого финансирования, включая закупку и установку российского оборудования на объектах¹⁰⁷.

Британско-российское сотрудничество опирается на мощную правовую базу, включая рамочные межправительственные двусторонние соглашения и многосторонние механизмы, такие, как Соглашение о многосторонней ядерно-экологической программе в Российской Федерации (МНЭПР), подписанное в Стокгольме (Швеция) 21 мая 2003 г. С другой стороны, юридическая база сотрудничества будет расширяться, в первую очередь, за счет соглашений, регулирующих отдельные направления Глобального партнерства и уточняющих отдельные вопросы, связанные с осуществлением содействия, такие, как вопрос о материальной ответственности за ущерб. Опыт сотрудничества в ряде областей (в области создания системы физической защиты, учета и контроля ядерных материалов и в области переобучения мирным специальностям ученых-оружейников ЗАТО Минатома России) показывает, что британская сторона настроена на продолжение реализации проектов де-факто до урегулирования всех формальных вопросов.

В двухсторонних отношениях существует еще одна проблема. К сожалению, средства массовой информации не уделяют достаточного внимания теме Глобального партнерства. В 2005 г. Великобритания будет председательствовать в «Большой восьмерке» и от ее позиции во многом будет зависеть то, сохранит ли Глобальное партнерство позитивную динамику в следующем году. Несмотря на то, что проблемы нераспространения играют важную роль в британской внешней политике, по оценкам британских экспертов уровень информированности политических кругов и общественности Великобритании о программе Глобального партнерства является довольно низким. Таким образом для того, чтобы председательство Великобритании в «Большой восьмерке» в 2005 г. принесло наибольший результат с точки зрения хода реализации Глобального партнерства, необходимо более широкое информирование общественности, политических и деловых кругов Великобритании о проектах, реализуемых в рамках Глобального партнерства. Данная цель применительно ко всем странам, участвующим в Глобальном партнерстве, была также поставлена и в Докладе Группы высокого уровня «Глобальное партнерство «Группы восьми», принятом на саммите на о. Морской (США) 9 июня 2004 г. В этой связи важную роль сыграла международная конференция по проблемам Глобального партнерства, организованная ПИР-Центром и Советом по устойчивому партнерству для России (СУПР) в Москве 23-24 апреля 2004 г., в которой приняли участие старшие должностные лица Великобритании, участвующие в реализации программы Глобального партнерства (подробнее о Конференции см. выпуск *Вестника Глобального партнерства* № 6 в текущем выпуске журнала *Ядерный Контроль*). Проведение подобного мероприятия накануне саммита «Большой восьмерки», который должен состояться в Великобритании в июле 2005 г., несомненно будет способствовать более успешной реализации инициатив Кананаскиса.

Примечания

¹ Доклад Группы высокого уровня «Глобальное партнерство «Группы восьми». <http://www.pir-center.org/data/gp/ReportRus.pdf>

² Cornish Paul. Strengthening Cooperative Threat Reduction with Russia. Protecting against the Spread of Nuclear, Biological, and Chemical Weapons. UK Country Report First Draft. 2003, January.

³ The G8 Global Partnership. First Annual Report 2003. Progress Report on the UK's Programme to Address Nuclear, Chemical and Biological Legacies in the Former Soviet Union. http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu/news/First_annual_report.pdf

⁴ Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии от 3 сентября 1996 г. *Бюллетень Международных Договоров*. 1998, №7. С. 46-48.

⁵ Программа Экологическое партнерство Северного измерения создана для решения некоторых наиболее неотложных экологических проблем Северо-Запада России в 2001 г. при поддержке Европейской комиссии, Швеции, Норвегии и Финляндии. Финансовые средства программы находятся под управлением Европейского банка реконструкции и развития.

⁶ Большинство программ направлены на радиационную безопасность, включая строительство опытного сорокатонного контейнера для отработанного ядерного топлива (ОЯТ) с атомных подводных лодок (АПЛ), а также контейнеров для хранения и транспортировки твердых радиоактивных отходов (ТРО) и создание установки по прессованию радиоактивных отходов (РАО) с утилизированных АПЛ Северного флота.

⁷ Программа ТАСИС (TACIS) – программа технического содействия бывшим республикам СССР (за исключением стран Балтии) учреждена по инициативе Европейского Союза с целью оказания содействия развитию экономическим, социальным реформам и демократическим преобразованиям. Программа действует на безвозмездной основе. Программа не предусматривает финансирование инвестиционных проектов и концентрируется на оказании консультационно-технического содействия.

⁸ Выступление министра иностранных дел России И.С.Иванова на церемонии подписания Соглашения МНЭПР. Стокгольм. 2003, 21 мая. http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf

⁹ О подписании Дополнительного соглашения к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии от 3 сентября 1996 г. Сообщение пресс-службы правительства Российской Федерации. *Информационный Бюллетень*. 2003, 1 июля.

¹⁰ Подписано соглашение о взаимодействии России и Великобритании в ликвидации химоружия и демонтаже списанных подлодок. *ИТАР-ТАСС*. 2003, 26 июня.

¹¹ Там же.

¹² Сотрудничество во имя глобальной безопасности. *Научные Записки ПИР-Центра*. 2002, № 19. С. 126-144.

¹³ Там же.

¹⁴ Объекты хранения и уничтожения ХО. Российское агентство по боеприпасам. <http://www.munition.gov.ru/rus/compare.html>

¹⁵ Калинина Наталья. Цит. соч. С.89-118.

¹⁶ Благодаря значительной финансовой поддержке Германии (более 68 млн марок) был осуществлен пуск первой очереди объекта по утилизации иприта и люизита в Горном. Свой вклад внесли также Нидерланды, оплатившие создание системы электроснабжения стоимостью 2 млн евро, и Финляндия, оснастившая его контрольной аппаратурой на 3,6 млн финских марок. Деньги, которые выделил Евросоюз (5 млн евро), пошли на изготовление, поставку и монтаж оборудования. Строительство первого пускового блока было завершено к 21 августа 2002 года, а пуск всего объекта состоялся 19 декабря 2002 года. За время эксплуатации комплекса с 19 декабря 2002 года по 14 ноября 2003 года было уничтожено 622,3 т иприта, тем самым было полностью завершено уничтожение иприта. В ходе переработки получено 1 371,6 т реакционных масс. 14 ноября 2003 года специалисты завода приступили к выводу линии по уничтожению иприта из режима эксплуатации. Несколькими днями позже была запущена люизитная линия.

¹⁷ О выполнении Россией первого этапа химического разоружения. Департамент информации и печати МИД России. 2003, 27 апреля.

¹⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 27 октября 2001 года № 750 «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Великобритании и Северной Ирландии об оказании Великобританией содействия в выполнении Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожения в Российской Федерации».

¹⁹ Калинина Наталья. Цит. соч. С.89-118.

²⁰ Там же. (В соответствии с Указом Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 г. Российское агентство по боеприпасам (Росбоеприпасы) было упразднено, его функции по принятию нормативных правовых актов переданы Министерству промышленности и энергетики РФ, а правоприменительные функции, функции по оказанию государственных услуг и по управлению имуществом – Федеральному агентству по промышленности, входящему в вышеназванное министерство. – *Прим. ред.*)

²¹ Там же.

²² <http://www.strana.ru/stories/01/02/20/2844/176291.html>

²³ Вансович Елена. Англия и Америка лишат Россию химического оружия. *Коммерсант*. 2003, 2 апреля.

²⁴ Из бесед с представителями посольства Великобритании в Москве. 15 мая 2003 г.

²⁵ Там же.

²⁶ The G8 Global Partnership. First Annual Report 2003. Progress Report on the UK's Programme to Address Nuclear, Chemical and Biological Legacies in the Former Soviet Union. http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu/news/First_annual_report.pdf

²⁷ Наталья Калинина. Цит. соч. С. 89-118.

²⁸ The G8 Global Partnership. First Annual Report 2003. Progress Report on the UK's Programme to Address Nuclear, Chemical and Biological Legacies in the Former Soviet Union. http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu/news/First_annual_report.pdf

²⁹ По химическому оружию сотрудничество реализуется через межправительственное соглашение с Великобританией от 20 декабря 2001 г. и Меморандум о взаимопонимании между Великобританией и Норвегией относительно уничтожения химического оружия в России от 14 марта 2002 г.

³⁰ Из бесед с представителями посольства Великобритании в Москве. 26 ноября 2003 г.

³¹ *Вестник Глобального Партнерства*. 2003, №3, зима.

³² Пирсон Джон. Для достижения этой цели мы готовы заплатить любую цену. *Время Новостей*. 2003, №13, 27 января.

³³ Из бесед с представителями посольства Великобритании в Москве. 15 мая 2003 г.

³⁴ Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии от 3 сентября 1996 г. *Бюллетень Международных Договоров*. 1998, № 7. С. 46-48. Соглашение вступило в силу 2 декабря 1996 г.

³⁵ О подписании Дополнительного соглашения к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии от 3 сентября 1996 г. Сообщение пресс-службы правительства Российской Федерации. *Информационный бюллетень*. 2003, 1 июля.

³⁶ Главы МИД России и Великобритании подписали соглашение по программе финансирования мероприятий по ликвидации ОМУ. *РИА Новости*. 2003, 26 июня.

³⁷ В соответствии с Указом Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 г. Министерство Российской Федерации по атомной энергии (Минатом) было упразднено, его функции по принятию нормативных правовых актов переданы Министерству промышленности и энергетики РФ, а правоприменительные функции, функции по оказанию государственных услуг и по управлению имуществом – Федеральному агентству по атомной энергии, входящему в вышеназванное министерство (при этом по вопросам ядерного оборонного комплекса Федеральное агентство по атомной энергии стало подведомственным Министерству обороны РФ) – *Прим. ред.*

³⁸ Там же.

³⁹ The G8 Global Partnership. First Annual Report 2003. Progress Report on the UK's Programme to Address Nuclear, Chemical and Biological Legacies in the Former Soviet Union. http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu/news/First_annual_report.pdf

⁴⁰ Лондон поможет России с ядерными отходами. *Коммерсант*. 1999, 3 марта

⁴¹ АМЕК продолжит работу. <http://www.bellona.no/ru/international/russia/navy/co-operation/24815.html>

⁴² Кудрик Игорь. Три миллиона фунтов стерлингов под проекты. 1999, 15 декабря. <http://www.bellona.no/ru/international/russia/navy/cooperation/13383.html>

⁴³ Спиридонова Г. Планы создания промежуточного хранилища ОЯТ российских атомных подводных лодок. <http://www.x-atom.ru/cniiatom/a-2000/ex11.htm#a37083>.

⁴⁴ Нилсен Томас. Хранилище ОЯТ построят на Кольском полуострове. <http://www.bellona.no/ru/international/russia/waste-mngment/15894.html>. 2000, 20 марта.

⁴⁵ Ахунов Виктор: утилизация облученного топлива из АПЛ приоритетна с точки зрения ядерного нераспространения. www.nuclear.ru. 2003, 27 ноября.

⁴⁶ Эксплуатация этой базы прекращена в 1980-х годах. Однако здесь хранятся чехлы с ОЯТ порядка десятка активных зон АПЛ, а также жидкие и твердые РАО.

⁴⁷ Справка о сотрудничестве Минатома России с Великобританией. 47-я Сессия Генеральной конференции МАГАТЭ. Вена. 2003, сентябрь.

⁴⁸ Из бесед с представителями посольства Великобритании в Москве. 15 мая 2003 г.

⁴⁹ Из бесед со специалистом НИКИЭТа. 2 февраля 2004 г.

⁵⁰ Мурманск: международная презентация первой в России накопительной площадки временно-го хранения контейнеров с ОЯТ АПЛ. http://www.minatom.ru/presscenter/document/news/PRINT_news429.htm. 2003, 15 ноября.

⁵¹ Из бесед с представителями посольства Великобритании в Москве. 15 мая 2003 г.

⁵² http://www.bellona.no/ru/international/russia/navy/northern_fleet/decommissioning/15186.html#29195. 2003, 28 марта.

⁵³ Великобритания подпишет 4 контракта с северодвинским Северным машиностроительным предприятием (Архангельская область) по разным видам утилизационных работ. *Regnum.ru*. 2003, 20 октября.

⁵⁴ Одновременно с «Архангельском» на «Звездочке» началась утилизация однотипной АПЛ «Мурманск» (тактический номер «206»). Предполагается, что в результате утилизации останутся только трехотсечные блоки – реакторный отсек и смежные с ним, впоследствии они могут быть отбуксированы в пункт длительного хранения подобных блоков, расположенный на Кольском полуострове. Средства на утилизацию АПЛ «К-206» и «К-525» по программе «Глобальное партнерство» выделяет Англия. <http://www.minatom.ru/News/Main/view?id=768&idChannel=66>

⁵⁵ Из бесед с представителями посольства Великобритании в Москве. 2004, 12 февраля.

⁵⁶ Великобритания выделит 56 млн долл. на ядерно-экологические проекты на Северо-Западе России. *Nuclear.ru*. 2003, 8 июля.

⁵⁷ Великобритания выделит России 5,5 млн долл. для обеспечения плавучести АПЛ, подлежащих утилизации. *Росбизнесконсалтинг*. 2003, 28 октября.

⁵⁸ Филлипова Валентина. Ассамблея доноров Фонда «Северное измерение» – Заседание российско-английского комитета по сотрудничеству в ядерной области (Лондон, 15-16 декабря 2003 г.). www.minatom.ru.

⁵⁹ <http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu/cnci.shtml>

⁶⁰ За период с 1995 г. по декабрь 2003 г. в рамках Программы прошли переподготовку 18 826 уволенных военнослужащих, и набран новый состав слушателей в количестве 1000 человек. В рамках Программы было израсходовано 10,4 млн ф. ст. по состоянию на 31 марта 2003 г. Бюджет программы на 2003 г. составляет приблизительно 2 млн ф. ст. Финансирование учебных центров по российско-британской программе осуществляется из бюджета Министерства обороны Великобритании согласно Меморандуму о взаимопонимании между Министерствами обороны России и Великобритании.

⁶¹ Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии от 3 сентября 1996 г. *Бюллетень Международных Договоров*. 1998, №7. С. 46–48. Соглашение вступило в силу 2 декабря 1996 г.

⁶² <http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu/cnci.shtml>

⁶³ G8 Global Partnership. First Annual Report 2003.

⁶⁴ <http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu/cnci.shtml>

⁶⁵ Подписан протокол о сотрудничестве. *Снабжение и Сбыт*. 2003, № 9, 26 мая.

⁶⁶ МНТЦ был создан в 1992 г. по решению Российской Федерации, Европейского союза, Соединенных Штатов и Японии и занимается подготовкой разнообразных программ, в частности Программы научно-технических проектов и Программы партнерства. Этот центр готовит семинары, курсы обучения бизнес-менеджменту, реализует поддержку патентования и банка резюме перспективных научных исследований. Кроме того, в рамках программ МНТЦ ведется постоянная научно-просветительская деятельность. Среди компаний-партнеров (около 70), принимающих участие в проектах МНТЦ, имеется несколько мультинациональных – Доу Кемикал (Dow Chemical), Дженерал Электрик (General Electric), Базер (Bazer), Даймер Крайслер (Daimler Chrysler), Хитачи (Hitachi), Мицубиси (Mitsubishi), Рон Пуленк (Rhone Poulenc) и другие.

⁶⁷ The G8 Global Partnership. First Annual Report 2003. Progress Report on the UK's Programme to Address Nuclear, Chemical and Biological Legacies in the Former Soviet Union. http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu/news/First_annual_report.pdf

⁶⁸ <http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu/cnci.shtml>

The G8 Global Partnership. First Annual Report 2003. Progress Report on the UK's Programme to Address Nuclear, Chemical and Biological Legacies in the Former Soviet Union. http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu/news/First_annual_report.pdf

⁶⁹ Меморандум о взаимопонимании между Россией и Великобританией с целью поставки суперконтейнеров и транспортных средств для перевозки ядерного оружия был подписан 10 ноября 1992 г.

⁷⁰ Cornish Paul. Op.cit.

⁷¹ Сотрудничество во имя глобальной безопасности. Цит. соч. С.50.

⁷² The G8 Global Partnership. First Annual Report 2003. Progress Report on the UK's Programme to Address Nuclear, Chemical and Biological Legacies in the Former Soviet Union.

⁷³ <http://www.nuclear.ru/news/full.html?id=714>. 2002, November 20.

⁷⁴ Фонд Ядерной безопасности (NSF) был создан по инициативе правительства Великобритании. Его размер составил 83,8 млн ф. ст. Предполагалось выделять средства по следующей схеме: за 2001-2002 гг. – 24 млн ф. ст., 2002-2003 гг. – 27 млн ф. ст., 2003-2004 гг. – 33 млн ф. ст. Однако выделение этих средств натолкнулось на множество проблем. Финансирование этого проекта практически не осуществлялось до конца 2003 г.

⁷⁵ The G8 Global Partnership. First Annual Report 2003. Progress Report on the UK's Programme to Address Nuclear, Chemical and Biological Legacies in the Former Soviet Union.

⁷⁶ Ледокол «Арктика» оборудован системой физической защиты против несанкционированного проникновения. <http://www.bellona.no/ru/international/russia/icebreakers/30402.html>

⁷⁷ Ледокол «Арктика» оборудован системой физической защиты против несанкционированного проникновения. <http://www.bellona.no/ru/international/russia/icebreakers/30402.html>

- ⁷⁸ The G8 Global Partnership. First Annual Report 2003. Progress Report on the UK's Programme to Address Nuclear, Chemical and Biological Legacies in the Former Soviet Union.
- ⁷⁹ The G8 Global Partnership. First Annual Report 2003. Progress Report on the UK's Programme to Address Nuclear, Chemical and Biological Legacies in the Former Soviet Union.
- ⁸⁰ *Бюллетень Международных Договоров*. 1998, № 7. С. 46-48.
- ⁸¹ The G8 Global Partnership. First Annual Report 2003. Progress Report on the UK's Programme to Address Nuclear, Chemical and Biological Legacies in the Former Soviet Union. http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu/news/First_annual_report.pdf
- ⁸² The G8 Global Partnership. First Annual Report 2003. Progress Report on the UK's Programme to Address Nuclear, Chemical and Biological Legacies in the Former Soviet Union. http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu/news/First_annual_report.pdf
- ⁸³ The G8 Global Partnership. First Annual Report 2003. Progress Report on the UK's Programme to Address Nuclear, Chemical and Biological Legacies in the Former Soviet Union. http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu/news/First_annual_report.pdf
- ⁸⁴ Из бесед с директором BNFL в России А. Муштаем. 5 мая 2003 г.
- ⁸⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращению с ним и сотрудничеству в этой области. *Пресс-служба МИД РФ*. 2000, 1 сентября.
- ⁸⁶ The G8 Global Partnership. First Annual Report 2003. Progress Report on the UK's Programme to Address Nuclear, Chemical and Biological Legacies in the Former Soviet Union. http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu/news/First_annual_report.pdf
- ⁸⁷ Из бесед с представителями посольства Великобритании в Москве. 12 февраля 2004 г.
- ⁸⁸ *Бюллетень Международных Договоров*. 1998, № 7. С. 46-48.
- ⁸⁹ Справка о сотрудничестве Минатома России с Великобританией. 47-я Сессия Генеральной конференции МАГАТЭ. Вена, 2003, Сентябрь.
- ⁹⁰ Cornish Paul. Strengthening Cooperative Threat Reduction with Russia. Protecting against the Spread of Nuclear, Biological, and Chemical Weapons. UK Country Report First Draft. 2003, January.
- ⁹¹ Cornish Paul. Op.cit.
- ⁹² Eastern European nuclear safety and safeguards to receive further help from UK. <http://www.gnn.gov.uk>. 1998, August 6.
- ⁹³ Respectives on the G-8 Global Partnership against the spread of weapons of mass destruction. <http://www.ransac.org/new-web-site/whatnew/100902>
- ⁹⁴ <http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu>
- ⁹⁵ Cornish Paul. Op.cit.
- ⁹⁶ Great Britain to earmark \$ 3-5 million for nuclear safety in Russia. *RANSAC Nuclear News*. 2002, November 2.
- ⁹⁷ <http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu>.
- ⁹⁸ Cornish Paul. Op.cit.
- ⁹⁹ <http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu>.

¹⁰⁰ Ibid.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Cornish Paul. Op.cit.

¹⁰³ <http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu>.

¹⁰⁴ Харрисон Джеймс, заместитель директора по вопросам контрраспространения и контроля над вооружениями, Министерство обороны, Великобритания. Выступление на Международной конференции «Глобальное партнерство стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения», 23-24 апреля 2004. http://www.pircenter.org/gpconference/rus/reports_r.html

¹⁰⁵ Из бесед с первым секретарем посольства Великобритании в Москве С. Эвансом. 2003, 26 ноября.

¹⁰⁶ The G8 Global Partnership. First Annual Report 2003. Progress Report on the UK's Programme to Address Nuclear, Chemical and Biological Legacies in the Former Soviet Union. http://www.dti.gov.uk/energy/nuclear/fsu/news/First_annual_report.pdf

¹⁰⁷ По информации посольства Великобритании в Москве.

Осенью 2004 г. из печати выходит монография ПИР-Центра

**РЕЖИМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ**

Режим ядерного нераспространения, в том виде как он сложился к настоящему времени, существует уже более тридцати лет. Однако он не охватывает – и это его главный имманентный недостаток – все государства, способные или желающие стать на путь ядерного выбора. Впрочем, это было ясно еще до заключения Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 1968 г., поскольку некоторые страны еще до окончания переговоров и согласования договора недвусмысленно дали понять, что они останутся вне договора. Сейчас в нем не участвуют Индия, Пакистан и Израиль.

Цель договора была по необходимости гораздо более скромной, чем обеспечение полного исключения ядерного оружия (ЯО) из жизни человечества. Задача ДНЯО состояла в том, чтобы по мере возможности предотвратить дальнейшее распространение ЯО в качестве меры, направленной на поддержание в мире большей стабильности, укрепление международной безопасности, недопущение выхода из под полного контроля процесса расплзания ЯО. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы и критики и сторонники ДНЯО в полной мере сознавали, что договор в состоянии решать только ограниченные, но при этом крайне важные задачи.

На протяжении всего периода своего существования договор и основанный на нем режим подвергался критическим замечаниям со стороны многих государств, особенно неядерных, а также некоторых представителей академической науки и общественности. Раздавались даже голоса, особенно после индийских и пакистанских ядерных испытаний 1998 г., что Договор отжил свой век и что распространение ЯО пойдет теперь бесконтрольно.

Чтобы дать по возможности объективную оценку состояния дел с режимом нераспространения накануне Обзорной конференции по ДНЯО 2005 года, в монографии анализируется как складывался этот режим и какие этапы он прошел за свою достаточно долгую историю.

Автор монографии – Р.М. Тимербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета и консультант ПИР-Центра, Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Р.М. Тимербаев – является автором многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения, среди которых: «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968» и «Международный контроль над атомной энергией».

*По вопросам приобретения монографии следует обращаться в компанию «Триалог» – официальному партнеру ПИР-Центра по распространению печатной продукции:
Тел.: +7-095-764-9896*

Приглашаем вас в Клуб ПИР-Центра

– источник эксклюзивной информации по проблемам международной безопасности

Основанный в 2000 г., Клуб ПИР-Центра объединяет крупные компании и дипломатические представительства, средства массовой информации и научно-исследовательские организации.

Клуб ПИР-Центра – это:

- место встречи дипломатов, журналистов, ученых и представителей бизнес-сообщества для обсуждения в узком кругу актуальных вопросов международной безопасности, нераспространения оружия массового уничтожения и контроля над вооружениями;
- факты из «первых рук» от ведущих государственных и неправительственных экспертов из России и зарубежных стран;
- оперативное и квалифицированное знакомство с широким спектром мнений в России и за рубежом по животрепещущим вопросам безопасности.

Членом клуба можно стать, оплатив **клубный взнос** за индивидуальное или корпоративное членство.

Члены Клуба обеспечиваются:

- **подпиской** на все периодические издания ПИР-Центра: журналы *Ядерный Контроль* (на русском и английском языках) и *Научные Записки ПИР-Центра: национальная и глобальная безопасность*, которые доставляются курьером в день выхода журналов из печати;
- **подпиской** на электронные издания ПИР-Центра *Вопросы Безопасности* (на русском и английском языках) и *Ядерный Контроль: Информация*;
- **монографиями и докладами** серии *Библиотека ПИР-Центра*;
- **приглашениями** на заседания **Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра**, который объединяет ведущих российских правительственных и неправительственных экспертов в области международной безопасности и нераспространения оружия массового уничтожения. Заседания Экспертно-консультативного совета проводятся **шесть раз в год**;
- **приглашениями** на ежеквартальные заседания **Клуба ПИР-Центра**;
- **приглашениями** на все прочие мероприятия, проводимые Центром (семинары, конференции, пресс-конференции);
- **доступом** к информационным базам данных ПИР-Центра (база данных «Ядерная Россия», библиотека и научные архивы);
- **доступом** к специально созданному для членов Клуба разделу в сети Интернет.

**За более подробной информацией об условиях вступления в Клуб просьба обращаться к помощнику директора ПИР-Центра
Елене Полидва:**

**Тел.: (095) 234-9558, факс: (095) 234-9558
e-mail: polidva@pircenter.org**

В первой половине декабря 2003 г. ядерная общественность страны широко отметила 100-летие со дня рождения акад. АН УССР Александра Ильича Лейпунского (07.12.1903–14.08.1972) – выдающегося ученого и замечательного человека.

Чем дальше мы отходим от того времени, в котором жил и работал А.И. Лейпунский, тем отчетливее осознаем значимость для будущего ядерной энергетики (ЯЭ) тех идей, выдвинутых им, которые при его жизни прошли только первые этапы промышленной реализации.

Прежде всего это, конечно, связано с направлением работ по реакторам на быстрых нейтронах, начавшим развиваться в Советском Союзе (и продолжающимся в России) по инициативе А.И. Лейпунского с 1950 г. Александр Ильич предсказал, а затем и обосновал, что такие реакторы могут работать в замкнутом топливном цикле в режиме расширенного воспроизводства, потребляя как топливо U-238, содержание которого в природном уране в 140 раз выше, чем в U-235 – ядерном горючем в реакторах на тепловых нейтронах, используемом в настоящее время в ЯЭ.

Использование U-238 на тысячелетия снимает проблему топливного обеспечения ЯЭ любого мыслимого масштаба. Благодаря идеям А.И. Лейпунского Россия сейчас является мировым лидером в области реакторов на быстрых нейтронах, где уже более 20 лет на Белярской АЭС (единственная в мире работающая АЭС такого типа) в коммерческом режиме работает реактор БН-600, являющийся по своим показателям наилучшим в системе концерна «Росэнергоатом». За работы по быстрым реакторам в 1960 г. группа ученых во главе с А.И. Лейпунским была удостоена Ленинской премии.

Упомянутое направление работ широко известно в мире. Еще при жизни А.И. Лейпунского по реакторам на быстрых нейтронах было налажено многостороннее международное сотрудничество с участием США, Франции, Англии, Германии, Японии, в научных кругах которых он пользовался признанным авторитетом.

Менее известно, по определенным причинам, другое направление работ, которое предложил и которым руководил Александр Ильич. Это разработка и создание реакторов на промежуточных нейтронах с жидкометаллическим теплоносителем (ЖМТ) свинец-висмут для ядерных энергетических установок (ЯЭУ) атомных подводных лодок (АПЛ). Описанию этой стороны жизни и деятельности Александра Ильича, под руководством которого автор проработал более двадцати лет, посвящена данная статья.

Однако вначале необходимо, хотя бы кратко, рассказать о предвоенных годах жизни А.И. Лейпунского, чтобы лучше понять творческий потенциал и масштаб его личности.

Начав свою работу после окончания в 1926 г. физико-механического факультета Петроградского политехнического института в лаборатории А.Ф.Иоффе в Ленинградском физи-

ко-техническом университете (ЛФТИ), Александр Ильич вскоре направляется в Украинский физико-технический институт (УФТИ, г. Харьков) и уже в 1933 г. (ему было тогда 30 лет) назначается его директором. С момента переезда в Харьков вся его жизнь посвящена новому направлению физики – физике атомного ядра.

В 1932 г. в УФТИ под руководством А.И. Лейпунского впервые на Евразийском континенте проведено расщепление ускоренными протонами атомного ядра лития.

В мае 1934 г. Александр Ильич избирается академиком Украинской Академии наук (в 31 год – это уникальный случай). В 1934 г. он командировается в Англию в лабораторию Э. Резерфорда в Кембриджском университете, где впервые в мире ставит классические опыты по определению массы нейтрино, принесшие ему мировую известность.

После возвращения из Англии научные интересы А.И. Лейпунского сосредоточиваются на нейтронной физике, ставшей впоследствии основой расчета ядерных реакторов. В сентябре 1937 г. А.И. Лейпунский совместно с Л.И. Русиновым выступают с большим докладом на Второй Всесоюзной конференции по атомному ядру в Москве о результатах исследований поглощения нейтронов в серебре, кадмии и боре при различных температурах.

Однако развернутые им исследования были прерваны начавшимися в стране массовыми репрессиями, которые не обошли и Александра Ильича. Сначала он был исключен из партии и снят с должности директора УФТИ «за потерю политической бдительности». Он «не разглядел» в работавшем в УФТИ Л.Д. Ландау «чуждый элемент».

В 1938 г. последовал арест. Поводом для него послужило приглашение А.И. Лейпунским в УФТИ по поручению Орджоникидзе нескольких ученых-физиков из Германии, оказавшихся «шпионами». Пребывание в тюрьме было, к счастью, недолгим. Освобождение и прекращение уголовного дела совпало по времени со сменой руководства НКВД, когда вместо арестованного Ежова наркомом был назначен Берия. Однако только в 1946 г. Александр Ильич был полностью реабилитирован и восстановлен в партии без перерыва стажа.

В 1941 и 1946 гг. А.И. Лейпунский публикует работы «Деление ядер» и «Деление урана». В последней работе были даны первые в отечественной литературе оценки критических параметров цепной реакции деления.

С 1949 г. Александр Ильич начинает работать в Лаборатории «В» МВД СССР (теперь Государственный научный центр РФ – Физико-энергетический институт, носящий его имя), где через несколько лет под его руководством развернулись работы по энергетическим реакторам на быстрых нейтронах и по реакторам на промежуточных нейтронах с ЖМТ свинец-висмут для атомных подводных лодок.

Выбор эвтектического сплава свинец-висмут как теплоносителя для ядерных реакторов был сделан А.И. Лейпунским еще до начала развертывания работ в СССР по атомным подводным лодкам.

Не могу сказать точно, когда это произошло, но летом 1950 г., когда в Лабораторию «В» была направлена на преддипломную практику группа студентов физико-энергетического факультета МЭИ (Ю.В. Архангельский, Г.И. Тошинский и П.А. Ушаков), Александр Ильич (далее АИЛ, так между собой его звали сотрудники) поручил им провести расчет теплогидравлических характеристик быстрого реактора-бридера со свинцово-висмутовым теплоносителем (СВТ), нейтронно-физические параметры которого были уже оценены.

Эта работа еще продолжалась некоторое время, пока не стало ясно, что из-за низкой энергонапряженности активной зоны быстрого реактора (БР) с тяжелым жидкометаллическим теплоносителем (ТЖМТ) получить короткое время удвоения плутония невозможно, в связи с чем работы по такому реактору были прекращены.

По-видимому, первой работой, в которой достаточно всесторонне были оценены характеристики ЯЭУ с СВТ для атомных подводных лодок, был дипломный проект выпускника МЭИ Б.Ф. Громова, выполненный под руководством АИЛа и защищенный летом 1951 г.

В плановом порядке работы по созданию АПЛ развернулись с сентября 1952 г. после выхода соответствующего постановления правительства. К этому времени было уже известно, что в США ведутся работы по ЯЭУ двух типов: реакторы с водой под давлением на тепловых нейтронах и реакторы на промежуточных нейтронах с натриевым теплоносителем.

В условиях политического и военного противостояния Советскому Союзу нужно было быстро догонять США. Несмотря на тяжелое экономическое положение страны, еще не залечившей раны войны, огромные средства, выделяемые на создание ядерного оружия, работы по созданию АПЛ также были развернуты в двух направлениях: водо-водяные реакторы и реакторы с жидкометаллическим теплоносителем.

Однако АИЛ предложил и обосновал в качестве ЖМТ, в отличие от американского носителя, эвтектический сплав свинец-висмут, несмотря на его худшие теплофизические свойства в сравнении с натрием. Последующий опыт развития этих конкурирующих направлений подтвердил правильность выбора, сделанного АИЛом. После нескольких аварий на наземном стенде-прототипе и опытной АПЛ «Seawolf» работы в США по этому направлению были прекращены.

В нашей стране после преодоления трудностей и неудач начального периода, когда не один раз возникал вопрос о закрытии направления, реакторная свинцово-висмутовая технология была освоена. Всего было построено два наземных стенда-прототипа и 8 АПЛ, эксплуатировалось 12 реакторов, общая наработка которых составила около 80 реакторо-лет.

Работы по развитию данного направления были высоко оценены государством: присуждены две Ленинские и одна Государственная премия, а А.И. Лейпунский к своему 60-летию был удостоен звания Героя Социалистического труда.

В сохранении и развитии этого направления решающая роль принадлежит А.И. Лейпунскому, имевшему очень высокий авторитет в самых различных кругах. Он сумел простыми и ясными словами донести до сознания лиц, принимающих решения, потенциал, присущий реакторам данного типа.

Какие характерные особенности этой технологии были осознаны и конструкторами ЯЭУ, и проектантами АПЛ, и заказчиком – ВМФ?

1) Низкое давление в первом контуре, обусловленное очень высокой точкой кипения $\sim 1670^{\circ}\text{C}$. Это давало возможность:

- уменьшить толщину стенок оборудования и трубопроводов и не вводить ограничение на маневренность ЯЭУ по условиям термоциклической прочности, обеспечить высокие маневренные качества АПЛ;
- исключить возможность потери теплоносителя вследствие его выкипания при нарушении герметичности первого контура и повысить безопасность;
- исключить проблемы возникновения кризиса теплоотдачи и повысить теплотехническую надежность активной зоны;
- существенно повысить температурный напор в парогенераторе (ПГ) и обеспечить более высокую компактность реакторной установки (РУ), что важно при создании АПЛ ограниченного водоизмещения;
- исключить необходимость быстрого вывода РУ из действия при возникновении межконтурной неплотности в ПГ. Поступающий при этом в первый контур пар сепаруется на свободном уровне свинцово-висмутового теплоносителя (СВТ) и конденсируется в конденсаторе газовой системы.

2) Химическая инертность теплоносителя, исключая экзотермические реакции при контакте СВТ с водой и воздухом, что возможно в условиях аварийных ситуаций, обеспечивала взрыво- и пожаробезопасность при нарушении герметичности первого контура.

3) Возможность получения перегретого пара повышенных (в сравнении с водо-водяными реакторами) параметров позволяла повысить давление пара в конденсаторе турбины, уменьшить его габариты, диаметр корпуса и водоизмещение АПЛ.

4) Невысокая температура плавления СВТ (~125 °С) обеспечивала возможность ремонта оборудования первого контура и перегрузки топлива без дренирования СВТ при поддержании его в жидком состоянии при температуре 160–180 °С за счет работы системы парового обогрева. Вместе с тем неготовность инфраструктуры береговой базы вызывала необходимость работы РУ на мощности 0,5 % от номинальной при стоянке АПЛ в базе для поддержания жидкого агрегатного состояния СВТ. Это стало причиной для справедливых нареканий ВМФ и потребовало разработки безопасного для оборудования режима «замораживания-размораживания» СВТ. Такой режим был разработан, однако внедрить его в практику в связи с принятым в середине 90-х годов решением о прекращении дальнейшей эксплуатации АПЛ этого типа не удалось.

Нужно сказать, что свойство СВТ затвердевать при 125 °С в некоторых случаях играло и положительную роль. Например, при хранении выгруженной активной зоны в баке с «замороженным» СВТ формируется дополнительный защитный барьер на пути выхода радиоактивности в окружающую среду.

5) Радиационная опасность Po-210, образующегося при захвате нейтронов висмутом дала о себе знать в период проведения ремонтно-восстановительных работ на наземном стенде 27/ВТ, когда велись сварочные работы на трубопроводе с остатками СВТ на внутренней поверхности. Аэрозольная радиоактивность воздуха в центральном зале повысилась кратковременно на четыре порядка в сравнении с допустимой концентрацией. Это стало предметом специального разбирательства.

Помню высказывание одного руководящего работника института, что это «последний гвоздь в крышку гроба данного направления» (впоследствии он был удостоен Ленинской премии за эти работы). АИЛ, конечно, все это тяжело переживал. Однако поскольку значительного превышения допустимого содержания Po-210 в биологических пробах персонала не было обнаружено и были отработаны исчерпывающие организационно-технические мероприятия по исключению выбросов Po-210 в воздух при различных видах работ, а также меры индивидуальной и коллективной защиты персонала от попадания Po-210 внутрь организма, было принято решение о продолжении работ.

Последующий мониторинг облучаемости персонала (как экипажей АПЛ, так и гражданских специалистов, принимавших участие в ремонтно-восстановительных работах, в том числе и в работах по удалению вытекшего теплоносителя) по этому радионуклиду показал, что ни у кого из обследованных содержание Po-210 в организме не превышало допустимых пределов. Все это позволило сделать вывод о том, что проблема обеспечения радиационной безопасности эксплуатационного персонала РУ с СВТ была успешно решена¹.

6) Особое место в полной драматизма эпопее освоения реакторов с СВТ для АПЛ заняла проблема технологии теплоносителя. Под этим словосочетанием понимается контроль и поддержание требуемого качества теплоносителя в ходе эксплуатации РУ.

Важность этой проблемы стала ясной после аварии реактора на первой опытной АПЛ проекта 645 (1968 г.). Соответствующие методы и устройства были разработаны еще позднее, когда завершалось строительство запланированной серии АПЛ проектов 705 и 705К. Поэтому разместить необходимые устройства как штатные в составе РУ не удалось. Часть устройств была скомпонована в базовой установке, требовавшей один раз в год подключения к РУ. Эти мероприятия обеспечили решение проблемы, но, конечно, осложняли базовое обслуживание АПЛ. Это обстоятельство вызывало недовольство ВМФ и стало одной из причин, приведших к решению о прекращении эксплуатации АПЛ.

Следует отметить, что при разработке РУ следующего поколения этот опыт был полностью учтен. Все устройства контроля и поддержания качества теплоносителя (необходимо управлять лишь одним параметром – содержанием растворенного в СВТ кислорода) размещены в составе РУ как штатные, действуют автоматически и не требуют какой-либо

специальной базовой инфраструктуры. Однако это было сделано уже после Александра Ильича.

Вспоминая события истории освоения свинцово-висмутовых реакторов и события жизни АИЛа с чередующимися светлыми и темными периодами, можно только поражаться его самообладанию и мужеству, глубокой вере в правильность выбранного пути, несмотря на любые возникавшие проблемы.

Одна из первых проявилась в самом начале работ при обосновании нейтронно-физических характеристик реактора с промежуточным спектром нейтронов, который формировался в активной зоне из-за большой утечки нейтронов, обусловленной малыми размерами реактора и использованием бериллиевого замедлителя.

Если для реакторов с тепловым и быстрым спектрами нейтронов уже существовали определенный минимум ядерных констант и расчетно-методическая база, созданные для промышленных уранграфитовых реакторов и ядерного оружия, то для расчета реакторов с промежуточным спектром нейтронов почти ничего из этого минимума не было.

АИЛ поставил перед физиками-экспериментаторами задачу создать критическую сборку с промежуточным спектром нейтронов, на которой можно было бы проверить методы и константы для расчета промежуточного реактора.

Поскольку в то время не было в наличии необходимого количества бериллия, последний моделировался по значению возраста нейтронов графитом, пропитанным парафином.

Однако первый же эксперимент показал, что реактор, который по расчету должен быть критическим, на деле оказался глубоко подкритическим.

Позднее из экспериментов, выполненных в ЛИПАНе (теперь «Курчатовский институт»), стало ясно, что основная причина этого явления связана со значительным (в 2-3 раза) увеличением отношения сечения радиационного захвата к сечению деления для U-235 в промежуточной области энергий нейтронов.

Это потребовало увеличения размеров активной зоны и объемной доли бериллиевого замедлителя. По уточненным расчетам была создана новая критсборка (1954 г.) с промежуточным спектром нейтронов с парафиновым замедлителем. Во время набора критмассы (эксперимент проводился ночью) произошел разгон реактора на мгновенных нейтронах. АИЛ, присутствовавший на эксперименте, и группа физиков-экспериментаторов были срочно госпитализированы в Москву. Наиболее серьезно пострадал А.В. Малышев, которому ампутировали кисть руки. Участники этого эксперимента Ю.А. Прохоров и Л.А. Чернов продолжают и сегодня работать в ФЭИ.

На разбирательстве, проводимом Е.П. Славским, АИЛ принял всю ответственность на себя. Хотя организационных выводов и не последовало, несомненно, этот разгон оставил свою зарубку на сердце АИЛа. В 1955 г. он слег с тяжелым инфарктом.

Работа продолжалась, в здании 75 ФЭИ был запущен наземный стенд-прототип 27/ВТ (1958 г.). АИЛ принимает поздравления «с легким паром». Вскоре после этого реакторная установка в течение двух месяцев непрерывно демонстрирует успешную работу на уровне мощности 60% от номинальной. Подтверждена возможность эксплуатации РУ при постоянной течи ПГ до 10 кг/час (первые модификации ПГ не отличались высокой надежностью). Министр судостроительной промышленности Б.Е. Бутома и Главнокомандующий ВМФ адмирал С.Г. Горшков поздравляют АИЛа с успешной работой стенда. Принимается решение о строительстве большой серии АПЛ.

Однако радостное настроение, вызванное этими событиями, продержалось недолго. Обнаружились течи теплоносителя по вспомогательным трубопроводам первого контура. Причина была связана со сквозным коррозионным повреждением труб, выполненных из нержавеющей стали, но не с внутренней стороны, где сталь контактировала с теплоносителем, а с наружной, где трубы, покрытые теплоизоляцией, контактировали с воздухом.

Причина течи оказалась в том, что из-за некачественно выполненной сварки мелких трубопроводов системы парового обогрева поступающий пар конденсировался на холодных

поверхностях, капли конденсата падали на теплоизоляцию вспомогательных трубопроводов, вызывая ее намокание с насыщением влаги содержащимися в составе теплоизоляции хлоридами, что и привело к коррозионному растрескиванию стали.

Потребовался длительный ремонт с заменой всех вспомогательных трубопроводов и предшествующей уборкой вытекшего и затвердевшего сплава свинец-висмут, а также с дезактивацией поверхностей.

Тем временем в Северодвинске, где АИЛ стал частым гостем, продолжалось строительство первой опытной АПЛ проекта 645 с двумя реакторами, охлаждаемыми СВТ. В 1963 г. АПЛ успешно прошла государственные испытания и была сдана ВМФ. АИЛ принимает поздравления от председателя Правительственной комиссии вице-адмирала Г.Н. Холостякова.

В декабре 1963 г. в Доме культуры ФЭИ торжественно отмечается 60-летие Александра Ильича. Присутствуют академики А.П. Александров, Ю.Б. Харитон, большое число адмиралов. АИЛу вручается Золотая звезда Героя Социалистического труда. Один из выступавших, тогдашний директор ХФТИ, акад. Украинской академии наук М.В. Пасечник, назвал Александра Ильича очень емким словом «фундатор». И действительно, АИЛ не был «продолжателем», он был основателем.

Вскоре после этого АПЛ проекта 645 совершила рекордный для того времени автономный поход, проведя под водой без всплытия около двух месяцев, скрытно прошла в Средиземное море и только там позволила обнаружить себя американцам. Командиру АПЛ И.И. Гуляеву присваивается звание Героя Советского Союза. Он дает высокую оценку ядерной установке. На двух судостроительных заводах – в Ленинграде и Северодвинске – разворачивается строительство большой серии АПЛ проекта 705 (705К), которые уже тогда называли «кораблями XXI века»: малое водоизмещение, высокие скорость и маневренность (качество подводного истребителя), ядерная установка с ЖМТ, титановый корпус, комплексная автоматизация (малочисленный экипаж), уникальные блочная турбоустановка и электроэнергетическая система с частотой тока 400 герц, а также многое другое.

Однако в жизни АИЛА и в направлении ЖМТ снова началась темная полоса. 24 мая 1968 г. на реакторе левого борта АПЛ проекта 645 произошла тяжелая авария с плавлением части активной зоны.

Если причина аварии была связана с неизученностью технологии СВТ, отсутствием научно обоснованных требований к качеству теплоносителя, методов и средств контроля и поддержания требуемого качества теплоносителя в процессе эксплуатации, что было обусловлено недостаточным опытом и крайне сжатыми директивными сроками строительства АПЛ, продиктованной политической обстановкой (гонка вооружений была в разгаре), то гибель семи членов экипажа от переоблучения совершенно не была неизбежной. Ведь второй реактор был в строю и лодка имела ход.

Гибель людей была связана с грубыми ошибками прежде всего командира АПЛ (это уже был не И.И. Гуляев). Об этом пишет в своих воспоминаниях один из последующих командиров этой АПЛ – Г.А. Фытов. Ошибкой было то, что командир не объявил сигнал радиационной опасности, чего требовала инструкция, и не развел людей в носовые и кормовые отсеки АПЛ, подальше от локализованного в реакторном отсеке высокоинтенсивного источника гамма-излучения.

Строительство всей серии АПЛ проектов 705 (705К) было приостановлено до разработки технических мероприятий, исключающих такие аварии на строящихся АПЛ. Решение этой задачи было взято под контроль Военно-промышленной комиссией при Совете Министров СССР.

После реализации первоочередных мероприятий строительство АПЛ было продолжено и первая, опытная АПЛ этого проекта (заказ 900) постройки ленинградского Новоадмиралтейского завода в 1970 г. была предъявлена к испытаниям. Нужно напомнить, что это был год столетия со дня рождения В.И. Ленина и год окончания очередной пятилетки. Никакие силы не могли препятствовать стремлению вовремя отрапортовать о достигнутых успехах. Поэтому строительство этой АПЛ шло в большой спешке с огромным количеством от-

ступлений от требований технической документации, что и дало о себе знать в период испытаний и опытной эксплуатации этой АПЛ, акт о приемке которой в состав ВМФ был подписан вечером 31 декабря 1971 г. председателем Правительственной комиссии адмиралом флота Г.М. Егоровым.

Однако еще при жизни Александра Ильича, весной 1972 г., было принято решение о прекращении опытной эксплуатации и выводе этой АПЛ из состава ВМФ для проведения ревизии реакторной установки ОК-550 с целью определения причин выхода ее из строя (потеря герметичности вспомогательных трубопроводов первого контура на двух петлях теплообмена из трех при невозможности ремонта из-за сильной стесненности отсека). Одновременно было принято решение о сокращении запланированной большой серии АПЛ этих проектов до шести кораблей, уже стоявших на заводских стапелях. Для АИЛА это был, конечно, тяжелый удар.

В результате ревизии выяснилось, что причины потери герметичности вспомогательных трубопроводов аналогичны тем, которые были установлены ранее на стенде 27/ВТ, за исключением того, что влага в объем герметичной выгородки поступала, в основном, из-за дефектной прокладки уплотнения крышки ПГ. По выработанным рекомендациям были разработаны и внедрены на серийных АПЛ исчерпывающие мероприятия, полностью исключившие, как показал опыт их эксплуатации, повторение подобных отказов. В заключении комиссии, проводившей ревизию, специально отмечено, что причины выхода из строя реакторной установки не связаны с использованием жидкометаллического теплоносителя.

Однако чаша горестей еще не была испита до дна. Еще до начала испытаний АПЛ заказа 900 по результатам испытаний парогенератора установки ОК-550 на стенде 27/ВТ-5 в Обнинске стало ясно, что парогенератор по условиям вибростойкости трубного пучка неработоспособен, хотя виброиспытания уменьшенной модели ПГ на циркуляционном стенде показывали отсутствие виброизноса трубок.

Виброизнос трубок натурального ПГ на стенде 27-ВТ/5 оказался настолько большим, что в местах расположения дистанционирующих пластин толщина стенки трубки практически уменьшилась до нуля и трубка легко разрывалась в этих местах внутренним давлением воды.

Стало ясно, что узлы дистанционирования трубок ПГ нужно существенно модернизировать. К этому времени все ПГ для серии строящихся АПЛ были уже изготовлены, а на головной АПЛ уже и смонтированы.

Необходимо было принимать очень тяжелое, но неизбежное решение о приостановке строительства серийных АПЛ, демонтаже смонтированных ПГ, разработке и изготовлении модернизированных ПГ.

В связи с невозможностью корректного учета масштабного фактора было решено провести виброиспытания штатного модернизированного ПГ, разработанного ОКБ «Гидропресс», на циркуляционном стенде ОКБМ при номинальном расходе теплоносителя. Конструкция модернизированных ПГ оказалась очень удачной, никаких проблем с вибрацией трубного пучка в дальнейшем не возникало.

Александр Ильичу уже не суждено было узнать об этом, как и о том, что запланированная серия АПЛ была достроена и успешно эксплуатировалась в течение 15–20 лет и что АПЛ этого проекта за свои скоростные и маневренные качества была занесена в Книгу рекордов Гиннеса (она была способна уходить от американских торпед).

Многие командиры этих АПЛ в своих воспоминаниях дают очень высокую оценку подводной лодке, в том числе и ее ядерно-энергетической установке, сильно опередившей свое время.

Судьбу А.И. Лейпунского точно охарактеризовал акад. Ю.Б. Харитон словами, сказанными на прощальном митинге: «Многие сажают цветы, а Александр Ильич сажал деревья».

Говоря о последних годах жизни АИЛа, нельзя умолчать о тех трудностях и препятствиях, которые ему создавали.

Эти годы пришлось на период обострения идеологической борьбы, которую вела партия. В институте были «вскрыты» проявления антипартийных высказываний и действий, за что А.И. Лейпунский получил партийное взыскание. В числе других ему ставили в вину и то, что он не осудил поведение А.Д. Сахарова.

Вскоре после назначения нового директора ФЭИ А.И. Лейпунский был освобожден от должности научного руководителя института и назначен первым заместителем директора по научной работе с сокращением некоторых полномочий.

К этим проблемам следует добавить упорное нежелание Академии наук СССР избрать А.И. Лейпунского действительным членом, несмотря на его очевидные достоинства в сравнении с другими кандидатурами. Он не хотел и не умел «работать локтями». Это ему претило.

Все эти жизненные трудности АИЛ стойко переносил, не показывая своих переживаний, отдавая всего себя тем делам, которые он считал главными в своей жизни и которые оказались очень важными для будущего. Однако общий груз проблем неумолимо подрывал его здоровье.

Сегодня можно считать общепризнанным, что под руководством Александра Ильича Лейпунского создано новое направление ядерной энергетики, в промышленном масштабе продемонстрирована уникальная реакторная технология.

В настоящее время сложились условия для использования этой технологии в гражданской ядерной энергетике. Исследования последних лет, выполненные во многих странах, и прежде всего в России, показали, что быстрые реакторы с тяжелым жидкометаллическим теплоносителем позволяют одновременно, без внутренних противоречий повысить безопасность АЭС и улучшить их экономические показатели, решая также проблемы топливно-самообеспечения, нераспространения радиоактивных отходов и управления долгоживущими радиоактивными отходами. Именно поэтому такие реакторы рассматриваются как перспективные для будущей ядерной энергетики крупного масштаба.

В 1998 г. в Обнинске прошла первая международная конференция «Тяжелые жидкометаллические теплоносители в ядерных технологиях». В декабре 2003 г. в дни 100-летнего юбилея А.И. Лейпунского прошла вторая международная конференция по этим проблемам. То, с чего начинал АИЛ в 1950 г., сегодня начинает интенсивно развиваться.

Конечно, в своей работе по рассматриваемому направлению АИЛ опирался на многих специалистов. Невозможно их всех перечислить, да это и не входит в задачу данной статьи. Однако основных действовавших лиц следует упомянуть. В ФЭИ это Б.Ф. Громов, К.И. Карих, В.А. Кузнецов, В.А. Малых, Г.И. Марчук, Д.М. Овечкин, В.Н. Степанов, В.И. Субботин, в ОКБ «Гидропресс» – Б.М. Шолкович, В.В. Стекольников, Е.В. Куликов, Г.А. Тачков, В.А. Чистяков, в ОКБМ – И.И. Африкантов, Ф.М. Митенков, Н.М. Царев, М.В. Смирнов, в Минатоме – В.П. Пигалев.

В заключение автор хочет принести свои извинения читателю за возможные неточности, поскольку предлагаемый материал является скорее воспоминаниями, чем документальным исследованием.

Примечание

¹ В 1990 г. стала известна работа медиков США, проведших сравнительный ретроспективный анализ смертности 5 000 работников, занятых в производстве полоний-бериллиевых источников нейтронов для ядерного оружия в период 1945–1950 гг., со смертностью контрольной группы такого же возрастного состава, не имевшей контакта с полонием. Результаты анализа показали отсутствие какой-либо корреляции в уровне смертности в этих группах.

М.: Дрофа, 2004. 397 с.

Рецензия – Геннадий Евстафьев

Автор этой увлекательной книги Е.А. Федосов – выдающийся ученый и организатор науки – прошел большой и нелегкий путь в оборонном комплексе нашей страны и по существу остается одним из последних действующих из славной плеяды ведущих генеральных конструкторов второго поколения советской эпохи. Он был 50 лет в самой гуще событий, связанных с обеспечением безопасности огромного и могучего государства, на самом острие борьбы за научно-технический прогресс, которая поставила Советский Союз вровень с США в военном отношении и обеспечила мирные условия развития нашей страны. Эта борьба создала огромный научно-технический задел, который унаследовала новая Россия, да и не только она, но и другие государства бывшего СССР. Во многом мы еще продолжаем жить за счет достижений того времени.

Из книги становится видно, что «эпоха застоя», о которой так любили говорить закоренелые «демократы» в военно-технической области, была временем стремительного развития отечественной науки и техники, особенно в сфере авиации и космонавтики. В 1970–1980-х гг. академик Е.А. Федосов стал главным инициатором проведения таких летно-испытательных экспериментов, которые в последующем превратились в основной метод испытаний боевых самолетов и систем оружия. Это не все сразу поняли и оценили. Но последующие годы доказали правильность новых подходов, и Научно-исследовательский институт авиационных систем (НИИАС) стал широко работать почти по всему фронту боевой авиации и превратился в незаменимую структуру в авиационной промышленности. Создавая истребитель *МиГ-23*, советские конструкторы по всем параметрам превзошли знаменитый *Фантом*. Но американцы тут же снова вырвались вперед, создав *F-15* и *F-16*.

И тогда в Советском Союзе были созданы великие авиационные аппараты *МиГ-29* и *Су-27*. В них были заложены решения с запасом на будущее. В те годы Е.А. Федосову удалось поднять на качественно новый уровень изучение действующих и перспективных авиационных систем вероятного противника. В итоге это сыграло свою роль в долгосрочном плане: когда в России начались экономические реформы, эти системы, созданные 20 лет назад, еще долго сохраняли свою конкурентоспособность и приносили значительные финансовые дивиденды.

В середине 1990-х гг. Е.А. Федосов был одним из инициаторов разработки программы «Национальная технологическая база», которую нынешний «главный электрик» страны, а тогда руководитель аппарата президента, небезызвестный А.Б. Чубайс закрыл одним росчерком пера. Фактически единолично отменил программу, подготовленную лучшими умами страны и утвержденную президентом Б.Н. Ельциным и определенную как приоритетную для интересов нашего государства. В результате деятельности таких «государственных мужей» мы теперь и находимся там, где мы находимся. К счастью, време-

на начинают меняться, в том числе благодаря продолжающейся работе таких людей, как академик Е.А. Федосов.

Жизненный путь Е.А. Федосова типичен для представителя научно-технической интеллигенции тех лет. Окончив МВТУ им. Баумана, он сразу влился в коллектив, где разрабатывались весьма сложные, но крайне нужные проблемы создания авиационных боевых систем. Он непосредственно участвовал, да и продолжает участвовать в нелегкой и многоплановой работе по строительству четырех поколений реактивной боевой авиации нашей страны, тех систем, которые и сейчас составляют гордость нашего военно-промышленного комплекса. С его личным участием проходило становление этого комплекса, и до сих пор питающего народное хозяйство своими достижениями и возможностями. Именно здесь произошло становление Е.А. Федосова как ученого, инженера и, наконец, руководителя большого и замечательного коллектива, давшего стране многих известных ныне людей. Сейчас Е.А. Федосов – генеральный директор Государственного научного центра ГосНИИАС, Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской премии и премии Правительства РФ, действительный член Российской академии наук и ряда отраслевых академий, кавалер многих государственных наград и званий.

Человек с такими данными в разные годы был востребован и в переговорном процессе по проблемам разоружения. Здесь и переговоры с американцами по сокращению стратегических вооружений в Женеве и работа экспертом по авиации в составе делегации Советского Союза на переговорах по обычным вооружениям в Вене, где Е.А. Федосов с убедительностью опрокинул запросные позиции стран НАТО. Кроме того, он много лет участвует в ежегодных встречах и дискуссиях с американцами по линии контактов между Российской академией наук и Академией наук США.

Книга Е.А. Федосова не случайно названа «Записки академика». Эта книга – не столько мемуары, сколько книга-размышление о судьбах нашей Родины, ее приоритетах и перспективах. Это книга патриота в самом чистом понимании смысла этого понятия. На ее страницах читатель встретится с сотнями персонажей из мира авиации и космонавтики, от корифеев до теперешних участников загадочного и увлекательного процесса создания сложных боевых систем нового поколения. Кроме того, читатель с интересом прочтет и глубокие концептуальные выкладки академика – сторонника отхода от ракетно-ядерной парадигмы в строительстве современных вооружений.

По мнению Е.А. Федосова, за последние годы в исполнении США мы увидели прообразы боевых конфликтов XXI века. Он предупреждает нас – Америка стала накапливать потенциал высокоточного оружия. Нам нельзя проходить мимо этого, не задумываясь о возможных последствиях этой тенденции. Причем в России есть неплохой задел. Нужны государственные решения. Настал момент создания новой авиации, отвечающей требованиям первой половины XXI века. Речь идет о ее пятом поколении. Е.А. Федосов полагает, что самолет пятого поколения – это прежде всего носитель высокоточного оружия, работающий в объединенной системе разведки, планирования и командования боевой операции, связи и наведения оружия. Отстать в его создании сейчас значит проиграть международный рынок боевой авиации в ближайшем будущем, потерять на нем ведущие позиции, завоеванные с таким трудом предыдущими поколениями российских ученых, конструкторов, инженеров и рабочих.

На наш взгляд, это полезная и поучительная книга для творчески настроенной молодежи. Перефразируя известный тезис поэта – есть делать жизнь с кого.

ЕЖЕГОДНИК СИПРИ 2003. ВООРУЖЕНИЯ, РАЗОРУЖЕНИЕ
И МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

М.: Наука, 2004. 1075 с.

Рецензия – Андрей Зобов

Русское издание ежегодника подготовлено совместно Стокгольмским международным институтом изучения проблем мира (СИПРИ) и Институтом мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН при содействии Женевского центра демократического контроля над вооруженными силами.

Цель 34-го выпуска Ежегодника – представить широкий обзор происходящих в области глобальной безопасности событий, дать их оценку с точки зрения долгосрочной исторической перспективы и в более масштабном географическом контексте. Внимание российских читателей, несомненно, привлекут разделы Ежегодника, непосредственно касающиеся оценки роли России, ее взаимодействия с другими государствами и международными организациями в сфере безопасности, а также ограничения международного силового потенциала. Вполне можно согласиться с мнением авторов ежегодника об огромном значении далеко идущих изменений внешнеполитического курса России после избрания В.В. Путина президентом страны, как, например, вывод о повсеместно проявляемых в стране более реалистических подходах, об отходе от стремления к восстановлению статуса сверхдержавы и к завоеванию новых сфер влияния. В то же время нельзя не обратить внимание и на некоторые знаковые выводы авторов Ежегодника, например такой: «Прозападный курс В.В. Путина непопулярен в среде российского внешнеполитического и военного истеблишмента, а также в широких кругах общества. Тем не менее, высокий авторитет Путина и его неизменно высокие рейтинги... дают ему относительную свободу рук в проведении новой политики и помогают преодолевать сопротивление политической элиты».

Представляется весьма важным и уместным предупреждение авторов Ежегодника, ставящее вопрос: «Рассчитан ли взятый Россией курс на долгосрочную перспективу, или же эти перемены являются просто выгодной тактикой для получения некоторой передышки перед возвращением на традиционный путь. По-прежнему есть ощущение того, что новая политика России вовсе не необратима» (с. 87). Этот ход рассуждений авторов Ежегодника можно было бы дополнить уточнением, что не все в России зависит от личных взглядов российского президента и твердости принятого им внешнеполитического курса. В данном случае целиком уместна ссылка Ежегодника на утверждение российского обозревателя Н.А. Арбатовой, которая считает, что для этого курса «президент Путин не создал прочной политической основы» (с. 88). Авторы настаивают и тот факт, что проведение Путиным прозападного курса во внешней политике «не сопровождается аналогичными успехами во внутренней политике, в сфере строительства сильного государства на основе контролируемой демократии».

Следует заметить, что, как справедливо говорит об этом в своем предисловии к русскому изданию директор ИМЭМО РАН акад. Н.А. Симония, некоторые оценки российской

ливе вновь убедительно подтвердила эффективность «революции в военном деле», выражающейся в массированном использовании новейших технологий для повышения боеспособности Вооруженных сил. Как это представляют себе США, угрозы со стороны экстремистских режимов и террористических движений не могут быть нейтрализованы традиционными механизмами сдерживания, в том числе ядерного.

Для России оппозиция победе США в этой войне вытолкнула бы Москву на периферию мировой политики. Неудачи англо-американской коалиции в Ираке имели бы тяжелые последствия для России: в США мог возобладать изоляционизм, что привело бы к подъему терроризма, в том числе у российских границ. Не случайно президент В.В. Путин 1 апреля 2003 г. подчеркнул, что Россия не заинтересована в поражении США и Великобритании. Видение угроз национальной безопасности в Москве и в Вашингтоне фактически стало совпадать – вплоть до признания возможности нанесения превентивных ударов по базам террористов, в том числе за пределами России. В качестве главного вывода из опыта войны в Заливе для реформирования Вооруженных Сил России авторы статьи выдвигают признание необходимости многовариантного планирования, использование современных вычислительных комплексов и подготовку специалистов-профессионалов.

Большой интерес вызывает анализ ситуации вокруг Северной Кореи, данный А.А. Пикаевым в статье «Северокорейский ядерный кризис: есть ли перспективы урегулирования?». Конечно, главная вина за обострение кризиса вокруг ракетно-ядерной программы Пхеньяна лежит на северокорейском руководстве. Однако нельзя забывать, что свою долю вины несут и руководители в Москве и Вашингтоне, несвоевременно осознавшие важность правильного, осторожного понимания особенностей северокорейского менталитета. К этому следует добавить и опрометчивость решения США не допустить Россию и Китай к полноправному участию во внешнеторговом и научно-техническом сотрудничестве с Северной Кореей.

В статье А.А. Пикаева приводится ряд интересных предложений по дальнейшему развитию отношений с «наследниками» Ким Ир Сена. Главное здесь – отказ Пхеньяна от ядерной программы, возвращение в ДНЯО. Кроме того, автор выдвигает и некоторые другие интересные «нетрадиционные» идеи, например о приобретении у Северной Кореи ее запасов накопленных расщепляющихся материалов, о переходе к сотрудничеству в развитии неядерных источников электроэнергии, поставке газа и электроэнергии в Северную Корею из России. Что касается гарантий безопасности, то выдвигается идея подписания обеими корейскими странами, Россией, США, Китаем и Японией многостороннего документа по типу Хельсинкского акта 1975 г.

Специальный интерес к статье А.Н. Калядина на тему активного контрраспространения «Международная стратегия активного нераспространения ОМУ (роль коллективных принудительных действий)» вызван тем обстоятельством, что данная тема еще мало разработана, особенно российскими экспертами. То, что именно в американских источниках впервые появились довольно обстоятельные труды на эту тему, по-видимому, объясняется новой тенденцией администрации США к переходу от приоритетов Устава ООН и общепризнанного международного права к праву собственной силы. Представляется весьма интересным, как эта тема будет сформулирована в ближайшей будущей внешнеполитической линии официальной России. Назвать сейчас правильные решения проблемы весьма трудно, поскольку речь идет о выработке какой-то средней или совершенно новой линии между выглядящими сейчас взаимоисключающими подходами.

Одной из причин ослабления сотрудничества России и США в космической области (статья А.Г. Савельева и Л.В. Панковой «Космос и ПРО: перспективы сотрудничества России и США») справедливо названо отсутствие достаточного опыта и гибкости у российских чиновников *высокого ранга* (курсив мой. – А.З.), а также накопившееся за десятилетия холодной войны взаимное недоверие. В Специальном приложении к Ежегоднику представлены также интереснейшие комментарии по различным темам: Перспективы Глобального партнерства после Эвиана (Д.О. Кобяков, В.А. Орлов); Шанхайская ор-

ганизация сотрудничества: состояние и перспективы (Г.И. Чуфрин); Новый Совет Россия – НАТО: достижения и перспективы (Б.М. Халоша); Ассигнования на оборону в Федеральном бюджете на 2004 г. (П.Б. Ромашкин). В приложении приведен также подробный Обзор документов РФ по вопросам национальной безопасности, обороны и контроля над вооружениями – январь 2003 г. – август 2003 г. (П.Б. Ромашкин и Т.У. Фарнасова).

Примечание

¹ В русском тексте Ежегодника в данном конкретном случае указан не Ирак, а Иран, что, несомненно, – досадная, недопустимая машинописная или корректорская опечатка. В этой связи вновь встает вопрос о необходимости привлечения издательствами к переводческой, машинописной или корректорской работе профессионалов, а не случайных «специалистов-знатоков».

COLD WAR SUBMARINES: THE DESIGN AND CONSTRUCTION OF U.S. AND SOVIET SUBMARINES by Norman Polmar, Kenneth J. Moore. Brasseys, Inc. 2003. 430 p.

В книге известного американского исследователя советского и российского Военно-Морского флота Н. Полмара, написанной им в соавторстве с К. Муром, детально рассматриваются история создания, технические характеристики, а также системы вооружения подводных лодок СССР и США эпохи холодной войны. Речь идет не только о подводных лодках, которые были построены с 1945 по начало 1990-х гг., но приводится также ряд экспериментальных и нереализованных проектов этого периода. Кроме того, приводятся сведения о строящихся в настоящее время российских подводных лодках четвертого поколения (атомные подводные лодки (АПЛ) проектов 885 и 955 и дизель-электрическая подводная лодка (ДЭПЛ) проекта 677).

Историю холодной войны нельзя рассматривать в отрыве от противостояния двух сверхдержав под водой. Известно, что в противоборстве между СССР и США в то время подводные лодки сыграли значительную роль, но и сейчас они продолжают оставаться одним из наиболее существенных элементов военной мощи. Книга Н. Полмара и К. Мура представляет цельную картину соперничества этих двух держав в области подводного судостроения.

В книге содержится подробный обзор технических характеристик каждого проекта подводных лодок. Авторы проводят также сравнительный анализ характеристик американских и советских субмарин. В работе показано, чем было обусловлено значительное отличие в характеристиках подводных флотов России и США к началу 1990-х гг. – это различные цели и задачи создававшихся подводных лодок, уровень технологий, подходы и решения конструкторских бюро.

Научную ценность данной книге добавляет тот факт, что в ней приводятся схемы и даются иллюстрации почти всех рассматриваемых в работе проектов подводных лодок. Интерес к данной книге повышается, если вспомнить, что при ее подготовке авторов консультировали российские конструкторские бюро, создававшие советские подводные лодки.

Эту работу по праву можно рекомендовать в качестве «настойной книги» исследователям истории холодной войны, а также всем читателям, интересующимся проблемами флота.

СПРАВОЧНИК ПО ЯДЕРНЫМ РЕАКТОРАМ И СООТВЕТСТВУЮЩИМ ТЕХНОЛОГИЯМ ДЛЯ СИСТЕМЫ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ РОССИИ. М., 2004. 91 с. + CD ROM

Для эффективного осуществления процедур экспортного контроля весьма актуальным является вопрос о создании специальных инструментов, предназначенных как для участников внешнеэкономической деятельности в России, так и для сотрудников государственных органов, осуществляющих экспортный и таможенный контроль. Одним из инструментов такого рода является подготовленный в Государственном научном центре Российской Федерации Физико-энергетическом институте (ГНЦ РФ ФЭИ) «Справочник по реакторам и соответствующим технологиям для системы экспортного контроля России».

Составитель данного издания ГНЦ РФ ФЭИ является лидером в области разработки ядерных реакторов. В рамках института функционирует отраслевая экспертно-методологическая лаборатория (ОЭМЛ) по экспортному контролю, которая имеет многолетний опыт разработки учебно-методологических материалов и проведения экспертиз в этой области. Подготовленный специалистами лаборатории справочник является первым подобным информационным инструментом для российской системы ядерного экспортного контроля.

Одна из основных проблем экспортного контроля товаров ядерной сферы заключается в том, что контролируемая продукция относится к высокотехнологичным областям науки и техники и отличается многообразием технических параметров. Составители данного справочника поставили перед собой задачу: сочетать полноту и детальность важной для целей экспортного контроля информации с доступностью ее изложения для всех участников экспортного контроля. Нужно отметить, что авторы справочника с успехом выполнили эту задачу, кратко и наглядно представив сложную техническую информацию. Важной особенностью данного издания является то, что справочник содержит большое количество схем и иллюстраций, значительно повышающих его ценность.

Справочник ориентирован на специалистов служб внутрифирменного экспортного контроля предприятий, технических экспертов (не реакторного профиля) в области экспортного контроля, сотрудников российских таможенных органов и федеральных ведомств, осуществляющих процедуры экспортного контроля.

ANTHONY IAN. REDUCING THREATS AT THE SOURCE: A EUROPEAN PERSPECTIVE ON COOPERATIVE THREAT REDUCTION. SIPRI RESEARCH REPORT NO. 19. Oxford University Press Inc., New York. 2004. 120 p.

В докладе, подготовленном сотрудником Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ) Й. Энтони, представлен европейский взгляд на проблематику программ «Совместного уменьшения угрозы».

Первоначально концепция «Совместного уменьшения угрозы» была применена в начале 1990-х гг. для решения проблем нераспространения на территории бывшего СССР в рамках программы Нанна–Лугара, осуществляемой США. Со временем к этой инициативе присоединились новые государства, в том числе европейские, и программа эволюционировала в Глобальное партнерство стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения. Необходимость более серьезного участия европейских государств в реализации Глобального партнерства является одним из условий успеха этой программы. Актуальность работы Й. Энтони заключается в том, что она позволяет понять некоторые из политических приоритетов европейских участников Глобального партнерства, обуславливающих их заинтересованность в Глобальном партнерстве.

Автор считает, что первоначальные цели программы «Совместного уменьшения угрозы», связанные с обеспечением сокращения стратегических наступательных вооружений, были достигнуты. В то же время, по его мнению, программы «Совместного уменьшения угрозы» являются полезными для решения новых вызовов режиму нераспространения и международной безопасности, проявившихся в начале нового тысячелетия. Как указывает Й. Энтони, заинтересованность европейских государств в участии в программах по «Совместному уменьшению угрозы» повысится, если эти программы будут нацелены на решение более широкого круга проблем безопасности в большем количестве стран по сравнению с теми проектами, которые ранее осуществлялись в этой области. В этой связи автор рассматривает «Программы совместного уменьшения угрозы» не только с точки зрения военной безопасности, но помещает их в более широкий контекст проблем, включая такие вопросы, как борьба с терроризмом и защита окружающей среды.

В работе рассматриваются концептуальные подходы к определению понятия «Совместное уменьшение угрозы», описываются существующие институциональные механизмы по реализации и координации программы Глобального партнерства в целом и применительно к его европейским участникам, исследуются правовые рамки сотрудничества, анализируются основные проблемы, стоящие перед участниками Глобального партнерства.

SUMMARY

The editorial “**Global Partnership: The Tale of Time Lost**” analyzes the prospects and problems of the G8 Global partnership against the spread of weapons and materials of mass destruction in light of the outcome of latest G8 Sea Island summit in the USA.

The article notes, that at the head of the list of topical agenda items is the gap between the funds officially pledged by the donor-countries and the funds that were actually received by Russia. Assuming that the rate of funds release remains the same, it would require centuries to implement the Kananaskis resolutions (considering that the whole Global Partnership program was to be implemented in ten years).

The article stresses that unlike the G8 leaders, terrorists do not resort to long-term programming, they never put off their actions. They acted without delays in New York, in Madrid, and in the Moscow metro. They will act without delays in the future, meaning that we have neither ten nor one hundred years ahead of us.

In an interview of John Bolton by PIR Center director Vladimir Orlov entitled “**Proliferation Security Initiative is an Activity, not an Organization**”, Under Secretary of State for Arms Control and International Security, expresses opinions on the most topical issues of contemporary world politics. Topics include Proliferation Security Initiative issues, Global Partnership program implementation and possible ways of modernization of NPT regime.

Concerning questions about PSI, John Bolton notes that “The most significant obstacle we face is still a lack of familiarity with what PSI’s objectives are and how we seek to accomplish those objectives. One of the things that all of the members of the core group stress right from the beginning was that actions undertaken pursuing to PSI would be done based on existing national or international authorities. We were not going to seek to engage in activity that was not on some basis other than on national legal systems or that would be consistent with the applicable international authorities.”

Rogelio Pflirter, Director-General of the Technical Secretariat of the OPCW analyzes contemporary challenges from chemical weapons and OPCW activities in his article “**The Chemical Weapons Ban: Enhancing International Security**”.

Author notes, that in modern chemical manufacturing, toxic chemicals and their precursors are ubiquitous, key components in a plethora of products, ranging from plastics to pharmaceuticals. Even seemingly innocuous compounds, such as the solvent added to the ink commonly used in ballpoint and felt-tip pens, can be easily synthesized into lethal chemical weapons. Aware of these dangers, both global chemical industry and the OPCW conscientiously implement the Convention’s “industrial verification” regime to prevent any such diversion of these chemicals for any purpose prohibited by the Convention. The CWC defines three lists or “Schedules” of chemicals within its Annex on Chemicals to be able to precisely identi-

fy and isolate a specific set of chemicals whose retention, production, consumption and/or transfer must be declared. These declarations serve as the basis for determining whether the facilities that deal with these chemicals are to be inspected.

Victor Kozlov's article **"On the Prospects for Expanding Russian-Indian Collaboration in the Nuclear Sphere"** examines Russian foreign economic activity in the area of nuclear power plant (NPP) exports and Russian prospects on the Indian NPP market. The author notes that in spite of a number of objective factors currently restraining Russian-Indian cooperation in the construction of NPPs, future expansion is possible. This expansion would meet the long-term interests of the Russian Federation and contribute to an increase in the volume of its high technology exports, thus decreasing the nation's dependence on raw materials exports.

Using the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty (CTBT) as an example, the article **"On-Site Inspections under the CTBT and Other Disarmament and Security Agreements: Problems, Solutions, Prospects"** by Viktor Slipchenko and Vitaly Shchukin dwells in detail on the methods used during on-site inspections, which are one of the basic tools used to verify compliance with international agreements in the area of arms control and disarmament. The authors note that despite a general tendency toward rapprochement and cooperation between the world's leading powers, there has been a sort of "rollback" to the mutual distrust and suspiciousness characteristic of the era of confrontation and Cold War.

Moreover, this backtracking has not only been apparent in the degree of state openness during monitoring related to the CTBT. It has also been evident where other existing treaties are concerned as well as in relation to new treaties and agreements. For example, attempts to supplement the Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and On Their Destruction with an effective monitoring mechanism have yet to be successful.

Gennady Evstafiev and Mikhail Pavlyushenko, in their article **"On the Use of Unmanned Aerial Vehicles in Classical and Terrorist Wars,"** note that the current accessibility of UAV production technologies is increasing the risk of their use by terrorists. The authors note the great amount of NATO attention paid to the proliferation and easy accessibility of technology and components for the construction of UAVs and cruise missiles, and the organization's monitoring of UAVs and cruise missiles in the world's armies in the context of the problem of the spread of WMDs and means of their delivery.

For terrorists, cruise missiles and UAVs are clearly preferable to ballistic missiles. Even the simplest UAV can deliver tens of kilograms of chemical and biological agents a fair distance and, a fact that is particularly dangerous, using rather primitive dispensers pulverize them more effectively than via warhead explosion. This meets the needs of terrorists groups: creating great panic among the population and causing considerable economic losses.

Participants in the round table **"The Transformation of the Concept of National Security in the Information Age"** included Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) Director Vladimir Baranovsky, aide to the chairman of the Federation Council Valery Manilov, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) professor Yuri Fedorov, senior PIR Center advisor Vladimir Dvorkin, Deputy Director of the Center for European Security Studies Tatiana Parkhalina, President of the Encyclopedia scientific and cultural organization Sergei Pereslegin, Russian Security Council staff member Anatoly Streltsov, and others. The materials from the round table reflect different approaches to the transformation of the concept of security in the era of the domination of the information highway. The economic and political security aspects of this phenomenon are examined in detail.

Roland Timerbaev and Aleksandr Shilin, in the article **"The Preparatory Committee Session for the 2005 NPT Review Conference Ended Unsuccessfully,"** sum up the results of the preparatory committee's final session. The committee was only able to reach an agreement on procedural questions, the timing of the conference, and the candidature of its chairman. The authors note that the committee was unable to work out any recommendations with respect to substantive issues, such as how NPT state participants evaluate treaty adherence and the decisions of the 1995 and 2000 Review Conferences and what must be done to realize these

commitments, due to the deep differences between the non-nuclear and nuclear weapons states, and, to a considerable degree, because of the inflexible position of the United States.

The article **“The Iran’s Nuclear Program Raises Questions”** by PIR Center Director Vladimir Orlov examines the situation with Iranian nuclear problem. Author notes that on the one hand, at the end of last year Iran signed the Additional Protocol to its Safeguards Agreement with the IAEA, but on the other hand Iran has not yet provided a very convincing explanation regarding Uranium-235 (note: enriched to 36%!) contamination of some centrifuge components found at the Kalaye and Farayand enterprises and Polonium-210. It is not yet clear why the Iranians needed to experiment with Polonium.

Summing up, author notes, that Iran, in fact, holds the keys to the nuclear nonproliferation regime in its hands. Its leaders, however serious their disagreements regarding Iran’s ultimate nuclear choice, understand this well. Consequently, they may be tempted to use this as black-mail

In Georgy Toshinsky’s article **“The Untold Life of Academician Aleksandr Leypusky”** examines the little-known endeavors of academician Aleksandr Leypusky: the development and creation of intermediate-neutron reactors with liquid metal (lead and bismuth) coolant for nuclear propulsion plants of nuclear-powered submarines.

Leypusky made the choice of the eutectic lead-bismuth alloy as a heat-transfer agent for the nuclear reactors even before the USSR began work on the development of nuclear-powered submarines. Eventually, after overcoming an initial period of difficulties and failures, when the possibility of halting work in this sphere was entertained several times, the lead-bismuth reactor technology was mastered. In all two ground-based prototypes were built and eight nuclear submarines that used 12 reactors, with a cumulative operating time of about 80 reactor-years.

Уважаемый читатель, осенью 2004 г. выйдет в свет

Справочник

«Глобальное партнерство стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения» –

первое полномасштабное издание по Глобальному партнерству в России

Справочник по Глобальному партнерству – это более двухсот страниц эксклюзивной информации, дающей целостное представление о программе Глобального партнерства и ее ключевых участниках, а также правовых вопросах сотрудничества.

Многие данные в Справочнике публикуются впервые. Издание отличается доступной и наглядной формой изложения сложных механизмов реализации программы Глобального партнерства, содержит более двухсот схем, таблиц и иллюстраций.

Справочник предназначен, прежде всего, для тех, кто практически занимается вопросами реализации программ содействия России в деле ликвидации «наследия холодной войны», – дипломатов, представителей федеральных органов исполнительной власти, Федерального собрания РФ, других государственных структур федерального и регионального уровня, представителей бизнес-сообщества, политических, научных и деловых кругов и экспертов, а также журналистов, пишущих по проблемам ОМУ.

По словам руководителя Программы Совместного Уменьшения Угрозы *Вашингтон Груп Интернэшнл* Уэйна Холкомба, «Справочник по Глобальному партнерству – издание, которое будет очень полезным для компаний и деловых людей, занимающихся реализацией проектов в рамках программы Глобального партнерства».

При подготовке издания материалы регулярно пополнялись и обновлялись. Заслуживает внимания тот факт, что в Справочнике отражена эксклюзивная информация, полученная в ходе международной конференции «Глобальное партнерство стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения» (Москва, 23-24 апреля 2004 г.).

Составитель и издатель Справочника – ПИР-Центр политических исследований, который в рамках своего исследовательского проекта «Глобальное партнерство» осуществляет постоянный мониторинг иностранных программ содействия России. Авторский коллектив Справочника – эксперты российских государственных организаций, представители МИД РФ, Федерального агентства РФ по атомной энергии и Правительства РФ, занимающиеся вопросами Глобального партнерства.

*По всем вопросам приобретения Справочника следует обращаться
в компанию «Триалог» по тел. +7-095-764-9896*

Бадрак Валентин Владимирович – директор Центра исследований армии, конверсии и разоружения. С 1985 г. по 1989 г. проходил обучение в Рязанском высшем воздушно-десантном командном училище. 1989 – 1995 гг. – служба в частях и подразделениях ВДВ ВС СССР и ВС Украины. С 1991 г. по 1996 г. проходил обучение в Киевском государственном лингвистическом университете. 1996–2001 гг. – военный обозреватель агентства УНИАН (с 1998 г. – редактор еженедельного выпуска *Военно-Промышленный Комплекс*). 1999–2001 гг. – главный редактор журнала *Международная Безопасность*. С июня 2001 г. – директор агентства *Defense Express*.

Барановский Владимир Георгиевич – заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений. Родился в Москве в 1950 г. В 1972 г. окончил МГИМО МИД СССР, затем аспирантуру ИМЭМО АН СССР. В 2003 г. избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. С 1975 г. – научный сотрудник ИМЭМО. В дальнейшем В.Г. Барановский – старший исследователь и заведующий Центром европейских исследований ИМЭМО. В 1985 г. защитил докторскую диссертацию. В 1992–1997 гг. – руководитель проекта в Стокгольмском международном институте исследования проблем мира (СИПРИ). В 1998 г. стал заместителем директора ИМЭМО РАН. С 1999 г. – профессор МГИМО МИД РФ. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Член редколлегий журналов *Мировая Экономика* и *Международные Отношения*, *Современная Европа*, член президиума Российской ассоциации международных исследований, Совета по внешней и оборонной политике, экспертного совета Комитета по международным делам Совета Федерации; действительный член Академии военных наук, вице-президент Ассоциации евроатлантического сотрудничества. Является автором более 200 научных работ (в том числе 6 монографий на русском и английском языках), опубликованных в России и за рубежом.

Бедрицкий Александр Владимирович – научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ). Родился в 1971 г. в Москве. В 1993 г. окончил Авиационно-технологический институт им. Циолковского. В 1993–1996 гг. в АНТК им. Туполева, начальник бригады. С 1996 г. в РИСИ. Является соавтором монографии «Супертерроризм: новый вызов нового века» (М.: ПИР-Центр, 2002).

Болтон Джон – заместитель Государственного секретаря США по контролю над вооружениями и международной безопасности. Родился в 1948 г. в г. Балтимор. Окончил Йельский университет. В 1974–1981 гг., а также в 1983–1985 гг. являлся сотрудником фирмы «Ковингтон и Барлинг». В 1981–1983 гг. – генеральный консул в Агентстве по международному развитию. В 1985–1989 гг. – помощник гене-

рального прокурора. В 1989–1993 гг. – помощник главы департамента международных организаций в Государственном департаменте. 11 мая 2001 г. назначен заместителем Государственного секретаря США по контролю над вооружениями и международной безопасности.

Дворкин Владимир Зиновьевич – старший советник ПИР-Центра, генерал-майор в отставке. Родился в 1936 г. в Ленинграде. В 1958 г. окончил Высшее военное морское училище. С 1958 по 1962 гг. работал на Государственном центральном полигоне. Участвовал в испытаниях первых отечественных атомных подводных ракетносцев и в первых пусках баллистических ракет из-под воды. В 1974 г. защитил докторскую диссертацию. С 1962 по 2001 гг. работал в 4-ЦНИИ Министерства обороны, в том числе с 1993 г. – начальником института. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Автор более 350 научных трудов и многочисленных публикаций в российских журналах и еженедельниках, включая *Ядерный Контроль* и *Независимое Военное Обозрение*. Редактор монографии «Терроризм в мегаполисе: оценка угроз и защищенности» (М.: ПИР-Центр, 2002).

Евстафьев Геннадий Михайлович – старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант в отставке. Родился в 1938 г. Руководил управлением СВР по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ. Один из авторов доклада «Распространение ОМУ – новый вызов после холодной войны». С 2000 по 2003 гг. работал в российском представительстве при НАТО, где занимался вопросами нераспространения ОМУ и проблемой терроризма. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР).

Зобов Андрей Иванович – член ядерного общества России. Родился в 1930 г. в Москве. В 1954 г. окончил МГИМО МИД СССР. С 1954 по 1991 гг. состоял на государственной службе.

Калинина Наталья Ивановна – профессор, независимый эксперт в области нераспространения ОМУ. Родилась в 1942 г. В 1966 г. окончила Волгоградскую медицинскую академию. Основная работа была связана с вопросами обеспечения безопасности и нераспространения оружия массового уничтожения. С 1993 г. работает в центральных органах законодательной и исполнительной власти. Доктор медицинских наук, профессор. Сфера научных интересов – вопросы нераспространения химического и биологического оружия. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, член ряда ученых советов по защите докторских диссертаций по вопросам токсикологии. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Автор многочисленных публикаций.

Кобяков Даниил Олегович – научный сотрудник ПИР-Центра, координатор проектов «Глобальное партнерство» и «Серые зоны распространения». Родился в 1978 г. в Санкт-Петербурге. В 1999 г. с отличием окончил факультет международных отношений СПбГУ, в 2002 г. – магистратуру Монтерейского института международных исследований. В январе–сентябре 2002 г. проходил стажировку в секретариате Конференции по разоружению в Женеве. В июне 2003 г. с отличием окончил магистратуру МГИМО МИД РФ. Области научных интересов включают вопросы международной безопасности, в том числе нераспространения ОМУ, проблемы разоружения и международных переговоров.

Козлов Виктор Васильевич – старший вице-президент ЗАО «Атомстройэкспорт». Родился в 1944 г. В 1966 г. окончил Московский институт химического машиностроения, в 1981 г. – Академию внешней торговли. Кандидат экономических наук. С 1974 г. работал в проектных организациях и на промышленных предприятиях. С 1990 по ноябрь 2003 гг. председатель, генеральный директор, президент компании «Атомэнергоэкспорт». С 1998 по ноябрь 2003 г. – президент ЗАО «Атомстройэкспорт». Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Автор двух монографий и 10 печатных работ.

Мамыкин Владимир Николаевич – менеджер по информационной безопасности Представительства Microsoft в России и СНГ. Родился в 1955 г. в Москве. В 1977 г. окончил Технический факультет Высшей школы КГБ. Математик. С 1977 по 1995 гг. работал в КГБ СССР и ФАПСИ. Участвовал в большом количестве государственных проектов по построению защищенных сетей связи. Опубликовал более 70 работ. С 1996 года в бизнесе. Был, в том числе, коммерческим директором «Recognition Technologies», коммерческим директором «МедиаЛингва», директором по развитию бизнеса компании «Сибинтек», коммерческим директором компании «Аладдин». В 2000 г. получил степень MBA в Kingston Universities (UK). С 2002 г. занимается проектами по информационной безопасности в Microsoft (передача кодов Windows, сертификация).

Манилов Валерий Леонидович – советник председателя Совета Федерации Федерального собрания России. Родился 10 января 1939 г. В 1962 г. окончил Одесское общевойсковое командное училище, в 1976 г. – Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, в 1985 г. – Академию Генерального штаба ВС СССР. В 1972 г. – назначен заместителем редактора газеты *Красная Звезда*. С 1978 г. – в аппарате Министерства обороны (МО) СССР. С 1989 г. – начальник Управления информации МО. С января по август 1992 г. – начальник Управления информации Объединенных Вооруженных Сил СНГ. С августа 1992 г. по июль 1993 г. – пресс-секретарь Главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами СНГ. Июль-октябрь 1993 г. – помощник секретаря Совета безопасности Российской Федерации. С октября 1993 г. по 19 сентября 1996 г. – заместитель секретаря Совета безопасности Российской Федерации. Октябрь 1996 г. – назначен первым заместителем начальника Генерального штаба МО РФ. 6 марта 1998 г. – вошел в состав Правительственной комиссии по реализации Концепции государственной национальной политики. 29 июня 2001 г. указом президента отправлен в отставку (по возрасту). 29 августа 2001 г. назначен представителем администрации Приморского края в Совете Федерации ФС РФ. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Кандидат философских наук, доктор политических наук. Академик Академии военных наук (1996 г.).

Орлов Владимир Андреевич – создатель ПИР-Центра; директор и член Совета ПИР-Центра с момента основания; главный редактор журнала *Ядерный Контроль*; член Российского Пагуошского комитета при Президиуме Российской Академии наук. Родился в 1968 г. в г. Москве. В 1990 г. окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД РФ. Кандидат политических наук, крупный специалист в области нераспространения ядерного оружия и экспортного контроля, предотвращения несанкционированного доступа к ядерным материалам и ядерного терроризма, имеющий большой опыт исследовательской и журналистской работы. С января 2004 г. – профессор Женевского центра политики в области безопасности. Работал в качестве политического обозревателя, начальника отдела, вице-президента и члена Совета директоров газеты *Московские Новости*. В 2001–2002 гг. – консультант ООН по вопросам образования в области контроля над вооружениями и разоружения. Является членом Российского отделения Института управления ядерными материалами, членом Международного института стратегических исследований (Лондон). Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Соавтор и редактор ряда книг по ядерному нераспространению, изданных в России и за рубежом, в том числе «Dismantling the Cold War» (1997), «Dangerous Weapons, Desperate States» (1999), сборника статей «Экспортный Контроль в России: политика и практика» (2000), справочника «Контроль над ядерными вооружениями и военной деятельностью» (2001), учебника «Ядерное нераспространение» в двух томах (2002). Является автором публикаций в газетах *Ведомости*, *Независимое Военное Обозрение*, *Время Новостей*, *Московские Новости*, в журналах *Итоги*, *Ядерный Контроль*, *Bulletin of the Atomic Scientists*, *Nonproliferation Review*, *Pro et Contra* и в других российских и зарубежных изданиях.

Павлюшенко Михаил Иванович – преподаватель Академии РВСН им. Петра Великого. Родился в 1961 г. Кандидат военных наук. Является автором более 120 публикаций. Сфера научных интересов – оперативное искусство, разработка способов применения воздушных средств в целях защиты объектов РВСН от воздушного нападения.

Пархалина Татьяна Глебовна – заместитель директора Центра проблем европейской безопасности. Родилась в 1950 г. в Москве. В 1973 г. окончила Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД СССР). В 1973–1974 гг. в Дипломатической академии. С 1974 г. – сотрудник Института научной информации и общественных наук (ИНИОН) АН СССР. С 1988 г. возглавляет департамент Западной Европы в ИНИОН. С 1996 г. возглавляет Центр мировых и региональных исследований при ИНИОН. С марта 1998 г. – заместитель директора ИНИОН. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Является автором многочисленных публикаций по вопросам европейской безопасности, отношений Россия–НАТО, российской внешней политики и вопросам международной безопасности.

Переслегин Сергей Борисович – президент общественной организации работников науки и культуры «Энциклопедия». Родился в 1960 г. в г. Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета по специальности «физика ядра и элементарных частиц». Работал в Московском институте системных исследований (НИИСИ), где занимался вопросами теории систем. В течение ряда лет проводил информационные разработки для корпоративных систем: технология информационных потоков и их структурное обеспечение. В 1996–1999 гг. – управляющий информационно-финансовых операций в компаниях «Ростраст» и «Центр финансовых технологий». С 2000 г. – сотрудник фонда «Библиотека Мировой Литературы», руководитель теоретического отдела исследовательской группы «Конструирование Будущего». С 2002 г. – президент общественной организации работников науки и культуры «Энциклопедия». Эксперт Центра стратегических разработок «Северо-Запад». Работает в области социального проектирования. Проводил разработки по транспортной и социальной связности. Принимал участие в исследованиях по ситуационному (контекстному) управлению и общей теории административных систем. Автор более 30 работ, посвященных вопросам теории систем и теории стратегии.

Пфиртер Рохелио – генеральный директор Организации по запрещению химического оружия. Родился в 1948 г. в Аргентине. С 1972 г. – на дипломатической службе. В 1975–1980 гг. и в 1981–1988 гг. – при Постоянном представительстве Аргентины при ООН. С 1980 г. – глава секретариата заместителя министра иностранных дел. В 1991 г. становится главой департамента по вопросам безопасности и ядерной сферы. В этом качестве в 1992–1994 гг. и в 2002 г. являлся заместителем министра иностранных дел и отвечал за выработку политики Аргентины в области нераспространения, региональной и международной безопасности, а также занимался вопросами, связанными с терроризмом. В 1992–1994 гг. являлся руководителем бразильско-аргентинского агентства по учету и контролю ядерных материалов. В 1992–2000 гг. являлся руководителем аргентинской делегации на переговорах с Великобританией по вопросам Южной Атлантики. С 1995 по 2000 гг. – посол Аргентины в Великобритании. С июля 2002 г. является генеральным директором Организации по запрещению химического оружия.

Слипченко Виктор Сергеевич – член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Сфера научных интересов – вопросы нераспространения ОМУ и проблемы разоружения. Автор целого ряда статей и публикаций по данной тематике, среди которых «Верификационный механизм Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний: процесс создания», *Ядерный Контроль*. 2001, № 4, июль – август.

Стрельцов Анатолий Александрович – начальник департамента, аппарат Совета безопасности Российской Федерации. Родился в 1946 г. В 1969 г. окончил Военную артиллерийскую академию им. М.И.Калинина. С 1969 по 1994 гг. – в научно-исследовательском институте Минобороны, с 1995 г. – в аппарате Совета безопасности Российской Федерации. Действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Академии криптографии Российской Федерации. Область научных интересов – телекоммуникационные системы и вычислительные сети, средства защиты информации, программное обеспечение, политические и правовые проблемы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, автор более 150 научных работ, в том числе монографии «Обеспечение информационной безопасности России» (2002 г.).

Тимербаев Роланд Михайлович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета и консультант ПИР-Центра. В 1949 г. окончил МГИМО МИД СССР. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль над ограничением вооружений и разоружением», 1982 г.). С 1949 по 1992 гг. работал в МИД СССР. Последняя должность в МИД – постоянный представитель СССР/России в международных организациях в Вене (1988–1992 гг.). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 гг. – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 гг. – президент ПИР-Центра политических исследований. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения, среди которых: «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968». (М.: Наука, 1999); «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)». (М.: ПИР-Центр, 2000). Автор двух глав учебного пособия для студентов вузов «Ядерное нераспространение». 1-е и 2-е изд. (М.: ПИР-Центр, 2000 и 2002). Соавтор справочника «Контроль над вооружениями и военной деятельностью». (М.: ПИР-Центр, 2001); монографии «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях». (М.: ПИР-Центр, 2001) и работы «Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы», (*Научные Записки ПИР-Центра*, 2001, №17) и работы «Международный контроль над атомной энергией». (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2003. № 22).

Тошинский Георгий Ильич – главный научный сотрудник, советник генерального директора Государственного научного центра Российской Федерации Физико-энергетического института им. А. И. Лейпунского. Родился в 1928 г. в Ростове-на-Дону. В 1945 г. поступил в Московский энергетический институт на физико-энергетический факультет. После окончания учебы в МЭИ по специальности инженер-физик был направлен на работу в Лабораторию «В» МВД СССР (теперь Государственный научный центр Российской Федерации Физико-энергетический институт им. А. И. Лейпунского). До начала 1990-х гг. занимался расчетами, разработкой, испытаниями и анализом опыта эксплуатации реакторов с теплоносителем свинец-висмут для атомных подводных лодок, научное руководство которыми осуществлял А. И. Лейпунский. В последние годы руководит работами по разработке быстрых реакторов с теплоносителем свинец-висмут для атомной энергетики. Г.И. Тошинский имеет ученую степень доктора технических наук, ученое звание профессора, имеет правительственные награды.

Урнов Марк Юрьевич – председатель Фонда аналитических программ «Экспертиза»; председатель правления Центра политических технологий. Родился в 1947 г. В 1970 г. окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД СССР). С 1970 по 1976 гг. – научный сотрудник, Конъюнктурный институт Министерства внешней торговли СССР. В 1976–1979 гг. – научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. В 1979–1983 гг. – старший научный сотрудник (социология), Институт

культуры Министерства культуры СССР. С 1983 по 1986 гг. – старший научный сотрудник (социология), Ленинградский институт информатизации и автоматизации АН СССР. В 1986–1991 гг. – старший научный сотрудник (социология и политология), Институт международного рабочего движения АН СССР. В 1991–1992 гг. – старший научный сотрудник (социология), Академия народного хозяйства при правительстве СССР. В 1992–1993 гг. – главный эксперт (социология и политология), Центр предпринимательских исследований «Экспертиза». В 1994–1996 гг. – руководитель Аналитического управления администрации президента Российской Федерации. В 1997–2000 гг. – первый заместитель руководителя Рабочего центра экономических реформ при правительстве РФ. С 2000 г. – председатель Фонда аналитических программ «Экспертиза».

Федоров Юрий Евгеньевич – профессор МГИМО МИД РФ. Окончил физический факультет МГУ. Кандидат исторических наук, профессор. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. Работал в международном отделе ЦК КПСС, после чего в 1991 г. перешел на должность заместителя заведующего кафедрой политологии МГИМО МИД РФ. С сентября 1998 г. – заведующий сектором, а с декабря 2000 г. – заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. – заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 гг. – заместитель директора Института прикладных международных исследований. Член Совета ПИР-Центра. Соредактор и автор ряда глав в трех книгах, подготовленных в рамках проекта Национального оборонного колледжа Швеции, посвященных отношениям России – НАТО, влиянию недавних выборов на внешнюю политику России и отношениям России и Европы. Ряд научных работ посвящен энергетическим аспектам безопасности, в частности в районе Каспия. Автор монографии «Субстратегическое ядерное оружие и интересы безопасности России» (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2001. № 16).

Шилин Александр Андреевич – первый секретарь департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ. Родился в 1973 г. в Москве. В 1996 г. окончил Московский государственный институт международных отношений. С 1996 г. находится на дипломатической службе. В 1997–2000 гг. – в Посольстве РФ в Нью-Дели. Также работал в Пакистане, Шри-Ланке, США и Австрии. Специалист по внешней политике Индии и Пакистана, вопросам стратегической стабильности и обычных вооружений в Южной Азии. Соавтор монографии «Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы» (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2001. № 17).

Шувалова Анна Викторовна – координатор образовательных проектов ПИР-Центра. Родилась в 1981 г. в Москве. В 2004 г. окончила Московский инженерно-физический институт (МИФИ). Сфера научных интересов – международное сотрудничество в области мирного использования атомной энергии, двустороннее российско-американское сотрудничество в области утилизации оружейного плутония, двухстороннее российско-британское сотрудничество в рамках реализации программы Глобального партнерства.

Шукин Виталий Николаевич – кандидат физико-математических наук. Сфера научных интересов – проблемы контроля над вооружениями и международной безопасности. В 1994–1996 гг. – эксперт по научно-техническим вопросам делегации России на переговорах по разработке ДВЗЯИ. Со времени создания Подготовительной комиссии Организации по ДВЗЯИ является координатором программы ИНМ (инспекции на месте).

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА
(по состоянию на 5 июля 2004 г.)

Антонов Анатолий Иванович, к.э.н., ДВБР МИД РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, Центр политических и военных прогнозов, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Банн Джордж, проф., Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., член-корреспондент, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Беляева Марина Павловна, Федеральное агентство по атомной энергии, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Булочников Анатолий Михайлович, Центр по проблемам экспортного контроля, Москва, Россия

Бухарин Олег Александрович, к.ф.-м.н., Принстонский университет, Принстон, США

Волландер Селест, д-р, Программа новых подходов к российской безопасности, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

Виноградов Михаил Сергеевич, генерал-лейтенант (в отставке), Комитет ученых за глобальную безопасность, Москва, Россия

Володин Юрий Георгиевич, Федеральная служба по атомному надзору, Москва, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Геттемюллер Роуз, Фонд Карнеги за международный мир, Вашингтон, США

Данапала Джаянта, посол, Генеральный Секретарь по координации мирного процесса при Администрации Президента, Коломбо, Шри-Ланка

Джонсон Ребекка, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания

Дьяков Анатолий Степанович, к.ф.-м.н., Центр разоружения, энергетики и экологии Московского физико-технического института, Долгопрудный, Россия

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., *Крос*, Москва, Россия

Елеукинов Дастан Шериязданович, к.ф.-м.н., Казахский филиал Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Алма-Ата, Казахстан

Есин Виктор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник командующего Ракетных Войск Стратегического Назначения РФ (РВСН), Москва, Россия

Зведе Евгений Константинович, МИД РФ, Москва, Россия

Зобов Андрей Иванович, Ядерное общество России, Москва, Россия

Калинина Наталия Ивановна, д.м.н., Помощник Председателя Правительства РФ, Москва, Россия

Калядин Александр Николаевич, д.и.н., Центр политических и военных прогнозов ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., Центр Североамериканских исследований ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Козюлин Вадим Борисович, Москва, Россия

Козлов Виктор Васильевич, к.э.н., Атомстройэкспорт, Москва, Россия

Колтунов Виктор Стефанович, генерал-майор (в отставке), проф., Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., Фонд *Евразия*, Москва, Россия

Кривохижа Василий Иосифович, д.п.н., Аппарат Совета Федерации, Москва, Россия

Крючков Эдуард Феликсович, к.т.н., Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, академик РАН, Российская Академия Наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), Группа *Глобал Консалтинг*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, Правительство Москвы, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, МИД РФ, Москва, Россия

Льюис Патриция, д-р, Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), Женева, Швейцария

Макиенко Константин Владимирович, Центр АСТ, Москва, Россия

Манилов Валерий Леонидович, генерал-полковник (в отставке), Совет Федерации РФ, Москва, Россия

Маргелов Михаил Витальевич, Комитет по международным делам, Совет Федерации РФ, Москва, Россия

Мисюченко Владимир Федорович, к.ф.н., Совет Федерации РФ, Москва, Россия

Михайлов Виктор Никитович, академик РАН, Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва, Россия

Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Ознобицев Сергей Константинович, академик Академии космонавтики, Институт стратегических оценок, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пикаев Александр Алексеевич, к.и.н., Центр международной безопасности ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Пионтковский Андрей Андреевич, к.ф.-м.н., Центр стратегических исследований, Москва, Россия

Погорельий Михаил Михайлович, Центр журналистики войны и мира, Москва, Россия

Подвиг Павел Леонардович, Центр по изучению проблем разоружения Принстонского университета, Принстон, США

Пономарев-Степной Николай Николаевич, академик РАН, РИЦ *Курчатовский Институт*, Москва, Россия

Поттер Уильям, проф., Центр изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Монтерей, США

Пшакин Геннадий Максимович, к.т.н., Физико-энергетический институт, Обнинск, Россия

РИЦ Курчатовский Институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., Посольство Российской Федерации, Вашингтон, США

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сафранчук Иван Алексеевич, к.п.н., Центр оборонной информации, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, проф., ДВБР МИД РФ, Москва, Россия

Слипченко Виктор Сергеевич, ДВБР МИД РФ, Москва, Россия

Смит Харольд, д-р, Голдменский институт общественной политики Калифорнийского университета, Беркли, США

Соков Николай Николаевич, д.п.н., Центр изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Монтерей, США

Сухоручкин Владимир Константинович, к.т.н., РНЦ *Курчатовский институт*, Москва, Россия

Степанова Екатерина Андреевна, к.и.н., Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., Московский Центр Карнеги, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, Конституционный Суд Российской Федерации, Москва, Россия

Тюлин Иван Георгиевич, проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф-м.н., Москва, Россия

Хромов Геннадий Константинович, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Цыгичко Виталий Николаевич, проф., академик Российской Академии Естественных Наук, Институт системного анализа РАН, Москва, Россия

Эггерт Константин Петрович, Московское бюро, *BBC* Всемирная Служба, Москва, Россия

Якушев Михаил Владимирович, *Microsoft*, Москва, Россия

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
ВЫ ИМЕЕТЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА ИЗДАНИЯ ПИР-ЦЕНТРА
СРОКОМ НА 2005 ГОД

Журнал *Ядерный Контроль* (на русском языке)
выходит четыре раза в год
Стоимость подписки на 2005 год – **3000 руб.**

Журнал *Ядерный Контроль* (на английском языке)
выходит два раза в год
Стоимость подписки на 2005 год – **3000 руб.**

Научные Записки ПИР-Центра: национальная и глобальная безопасность
выходят три раза в год
Стоимость подписки на 2005 год – **3000 руб.**

Оформление подписки для резидентов РФ

Реализацией издания на территории России и СНГ занимаются:

- **Агентство «РОСПЕЧАТЬ»**

Информация о подписке на 2005 г. находится в *каталоге «ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ»*. Индекс издания – **79280**

- **Компания «ТРИАЛОГ»**

Оплата в любом отделении Сбербанка РФ. Заполненный подписной купон вместе с квитанцией об оплате следует направлять по адресу: 121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог»

Оформление подписки для нерезидентов РФ

ПИР-Центр принимает к оплате чеки зарубежных банков в долларах США.

Чеки на имя **Center for Policy Studies in Russia** просьба направлять по адресу:
Trekhprudny Business Center, Trekhprudny Per., 9, bldg. 1B, Moscow 123001, Russia

В этом случае стоимость подписки на 2005 г. составит **200 долл. США.**

Реализацией журнала за рубежом занимаются агентства:

Swets Blackwell

tel.: +31-252-435-111

fax: +31-252-415-888

e-mail: infoho@nl.swetsblackwell.com

<http://www.swetsblackwell.com>

East View Publications

Представительство в России

тел.: +7-095-777-6558

факс: +7-095-318-0881

<http://www.eastview.com>

***По всем вопросам оформления подписки
просьба обращаться в компанию «Триалог»
по тел.: +7-095-764-9896***

121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог»

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

- «Ядерный Контроль», журнал на русском языке
- «Ядерный Контроль», журнал на английском языке
- «Научные Записки: национальная и глобальная безопасность»

Ф. И. О. получателя (полностью) .....

Организация, должность .....

Период подписки: 2005 год

Почтовый адрес (с индексом) .....

Телефон/факс (код) .....

E-mail .....

Количество экземпляров .....

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

- «Ядерный Контроль», журнал на русском языке
- «Ядерный Контроль», журнал на английском языке
- «Научные Записки: национальная и глобальная безопасность»

Наименование организации .....

Период подписки: 2005 год

Юридический адрес .....

Почтовый адрес (с индексом) .....

Телефон/факс (код) .....

E-mail .....

Р/с .....

ИНН .....

Форма №ПД-4

Извещение

ООО «Триалог»
(наименование получателя)

ИНН 7729422765

ИНН получателя платежа

№ р/сч 40702810738250120106

(номер счета получателя платежа)

Люблинское ОСБ №7977, г. Москва

(наименование банка и банковские
реквизиты)

к/сч 30101810400000000225

БИК 044525225

Подписка на журнал

_____
(наименование платежа)

Кассир

Сумма
платежа _____ (руб.) _____ (коп.)

Квитанция

Форма №ПД-4

ООО «Триалог»

(наименование получателя)

ИНН 7729422765

ИНН получателя платежа

№ р/сч 40702810738250120106

(номер счета получателя платежа)

Люблинское ОСБ №7977, г. Москва

(наименование банка и банковские
реквизиты)

к/сч 30101810400000000225

БИК 044525225

Подписка на журнал

_____
(наименование платежа)

Кассир

Сумма
платежа _____ (руб.) _____ (коп.)

Количество экземпляров _____

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. суммы, взимаемой за услуги банка, ознакомлен и согласен

« _____ » _____ 20 ____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____
(Ф. И. О., адрес)

_____
(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. суммы, взимаемой за услуги банка, ознакомлен и согласен

« _____ » _____ 20 ____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____
(Ф. И. О., адрес)

_____
(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)